

Иван Ерошин

ПЕРЕКЛИК

A word cloud featuring the names of Russian authors and literary genres. The names are arranged in a circular pattern, with some appearing more frequently than others. The colors used are blue, green, and red. The authors included are: Пушкин (Pushkin), Лермонтов (Lermontov), Тютчев (Tyutchev), Некрасов (Nekrasov), Блок (Blok), Маяковский (Mayakovsky), Есенин (Esenin), Хармис (Kharmis), Маяковский (Mayakovsky), Есенин (Esenin), Хармис (Kharmis), Маяковский (Mayakovsky), Есенин (Esenin), Хармис (Kharmis). The genres included are: Стихи (Poetry), Проза (Prose), Песни (Songs), and Рассказы (Stories).

ИВАН ЕРОШИН

8
*Интервью с писателем
Красноярск*

КРАСНОЯРСК | 2017

В художественном оформлении книги использованы графические рисунки художников В. Н. Свалова и В. А. Тодыкова, Г. И. Чорос-Гуркина, предоставленные Красноярским краевым краеведческим музеем.

Составитель О. П. Ермакова

Ерошин И. Е.

Е 78 Переклик / И. В. Ерошин. — Красноярский край: ИД «Класс Плюс», 2017. — 196 с.

ISBN 978-5-905791-53-6

Первый сборник стихов Ивана Ерошина, изданный в Новониколаевске в 1922 году, назывался «Переклик». Это название повторилось и в этом сборнике, так как все последующее творчество Ивана Ерошина, «поэта одной темы», как его называли критики, стало перекликом с главным мотивом первого сборника: подражание народной лирике.

В сборник включены стихотворения сборников «Хакасский фольклор», «Песни Алтая», а также воспоминания современников, своеобразный переклик о друге-поэте — В. Итина, В. Зазубрина, С. Сартакова, А. Чмыхало и др.

Издание осуществляется
при поддержке
государственной
грантовой программы
Красноярского края

ISBN 978-5-905791-53-6

© Оформление ИД «Класс Плюс», 2017

ОБ АВТОРЕ

Ерошин Иван Евдокимович

(22.05.1894—12.06.1965)

Родился в бедной крестьянской семье в селе Ново-Александрове Милославского района Рязанской губернии. С детских лет занимался крестьянским трудом, работал на торфяных карьерах, заводах, мыл посуду в московских трактирах, служил разносчиком аптекарских товаров в Петербурге.

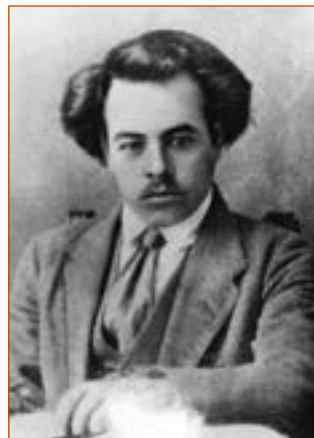
В 1912 году сближается с революционными рабочими, становится распространителем «Правды» и ее корреспондентом. В 1913 году «Правда» публикует первое стихотворение молодого поэта. В октябрьские дни 1917 года в московской большевистской газете «Социал-демократ» было опубликовано первое поэтическое приветствие Октябрьской революции — стихотворение Ивана Ерошина «Зорю — бейте, барабаны!».

Активный участник Гражданской войны в Сибири. В этот период работал в политотделе 5-й армии, сотрудничал в армейской газете «Красный стрелок». После окончания Гражданской войны жил в Новониколаевске (ныне Новосибирск). С 1929 по 1943 год жил в Красноярском крае, преимущественно в селе Иудине (ныне Бондарево) на юге края, и в Абакане, где сотрудничал в газете «Советская Хакасия». В 1940-х годах был редактором Красноярского книжного издательства. Первый член Союза писателей в Красноярском крае, один из организаторов журнала «Сибирские огни».

Первая книга стихов Ерошина «Переклик» вышла в 1922 году в Новониколаевске. На литературном творчестве поэта начала 1920-х годов лежит заметный отпечаток влияния С. Есенина. Леонид Мартынов называет Ерошина этой поры «младшим братом Есенина», «достойным рязанским земляком Есенина».

Решающую роль в становлении Ивана Ерошина — поэта яркой творческой индивидуальности — сыграло знакомство с природой Горного Алтая, восхитившей его первозданной красотой, с жизнью, бытом и устной поэзией ойротского народа. Определяющей вехой в творческой биографии Ивана Ерошина стал сборник «Песни Алтая» (1935), опирающийся на богатую поэтическую образность ойротского фольклора. Он вызвал восторженный отклик Романа Роллана. В письме к Ерошину в 1936 году великий французский писатель выразил восхищение тонкостью поэтического рисунка, мастерством автора, «свежестью и силой не только образов этих песен, но и чувств, в них выраженных» (см.: Ерошин И. Горное озеро. — Новосибирск, 1966).

С 1943 года и до своей кончины в 1965-м Ерошин жил в Москве.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый сборник стихов Ивана Ерошина, изданный в Новониколаевске в 1922 году, назывался «Переключик». Мы решили оставить это название, во-первых, потому, что для каждого начинающего автора первое издание особенно памятно и значимо, даже если оно оказывается несовершенным, «туманным», несамостоятельным. А во-вторых, все последующее творчество Ивана Ерошина, «поэта одной темы», как его называли критики, стало переключиком с главным мотивом первого сборника: подражание народной лирике. «Ничто не вознаграждало так любознательность, как народная мудрость, народная песня и ее бескорыстные хранители — истинные поэты, живущие чаяниями и помыслами народа. Они-то и были моими подлинными наставниками», — писал Ерошин в предисловии к книге стихов *«Утренний привет»*.

И. Ерошин. Утренний привет. — М., 1956. — С. 4

Двадцатые годы двадцатого века в русской литературе — время «штучных» людей. Поэт Леонид Мартынов в своей книге воспоминаний «Воздушные фрегаты» пишет: «Так я познакомился с бородатым, иронически улыбающимся Зазубриным, с розовощеким Басовым, с Ваней Ерошиным, похожим на Сократа и на Верлена зараз, со старым политехничником Вегманом, который показался мне похожим на Карла Маркса, и со многими другими — хорошими, интересными, талантливыми людьми».

Редактор журнала «Сибирские огни» Владимир Зазубрин на писательском съезде говорил: «Ерошин, талантливый лирик, зачарованный Алтаем, поет свои простые, солнечные песни». Другой автор «Сибирских огней», поэт Вивиан Итин писал: «В нем видели настоящего большого поэта. У него можно поучиться вкусу и весу слова. *Стих у него как яблоко Алма-Аты*».

В. Итин. Поэты и критики // Сибирские огни. — 1927. — № 2. — С. 214.

Каждый из авторов ярок, индивидуален, харизматичен. Вот почему нам было важно показать, каким видели поэта Ивана Ерошина его собратья по перу. И мы включили в сборник воспоминания современников, своеобразный переключик о друге-поэте.

Автор вступительной статьи — известный красноярский литературовед Галина Максимовна Шленская. С ее именем связано создание факультета филологии и журналистики КГУ. Галиной Максимовной был накоплен колоссальный материал по сибирской поэзии, и она мечтала написать книгу под рабочим названием «Три судьбы». Одним из героев должен был стать Иван Евдокимович Ерошин.

Отличительной особенностью данного сборника является использование в качестве иллюстраций архивных материалов из фондов Краеведческого музея: писем, рукописей, фотографий, рисунков.

О. П. Ермакова,

заведующая Литературным музеем им. В. П. Астафьева

«БЕЛОВОДЬЕ» ИВАНА ЕРОШИНА

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Даже столетний юбилей Ивана Ерошина (1894—1965 гг.) фактически не был отмечен ни в центре, где в разные годы выходили книги его стихов («Синяя юрта» — 1929 г., «Песни Алтая» — 1937 г., «Утренний привет» — 1956 г.), ни в Новосибирске, хотя именно там в 1922 году был издан первый лирический сборник поэта «Переклик», и он стал одним из организаторов и постоянных авторов вновь учрежденного журнала «Сибирские огни». Не была эта юбилейная дата отмечена и в Красноярском крае, которому поэт отдал более 12 лет жизни — творчески зрелых и плодотворных. Такую роскошь забвения нельзя оправдать даже обилием самобытных талантов в нашей отечественной литературе...

Как-то само собой случилось, что в моем личном архиве оказались разные и еще не опубликованные материалы, связанные с именем И. Ерошина: фотографии, автографы, письма, переданные его адресатами (известным красноярским книголюбом И. М. Кузнецовым, литературоведом А. И. Малютиной, дочерью поэта Е. И. Ерошиной), рукопись четвертого варианта поэмы «Хаттых Темир» с любопытными пометками автора на обложке, свидетельствующими о тщательности его работы над словом, и, наконец, помеченная 1938 годом верстка книги «Хакасский фольклор», явившейся итогом многолетнего собирания и изучения поэтом устного народного творчества хакасов, — книги, которой так и не дано было прийти к читателю.

Первое мое знакомство с Иваном Ерошиным состоялось еще в далеком детстве, когда отец однажды прочел мне стихотворение «Зимняя ночь». Оно произвольно отпечталось в памяти как живая картина с какой-то волшебной лунной подсветкой:

*Березовая роща
Под инеем тиха.
Березовая роща
Укуталась в меха.
Серебряное поле —
Под серебром луны,
Снега на ясном поле,
Как звезды, зажжены.
Мороз грызет орешки —
По роще звонкий щелк.
Из белой тихой рощи
Выходит серый волк
И смотрит зорко, зорко,
И ловит лай собак,*

П. Арский, М. Артамонов, Л. Котомка, А. Поморский.

*И крадется к деревне,
К хлевам, где теплый мрак.*

Имя автора я потом забыла, а скорее всего, и не знала вовсе. И еще долго, уже повзрослев, считала эти стихи принадлежащими Есенину. Даже пыталась их отыскать в первом пятитомном собрании сочинений поэта.

Мелодия «Зимней ночи» не имела ничего общего с пафосно-призывными — вполне в духе времени их написания — интонациями стихов Ивана Ерошина о революции, которые вместе с политической лирикой еще *четырех поэтов-правдивистов* составили сборник «Из искры — пламя», изданный в 1956 году и тотчас же включенный в список литературы, рекомендуемой для обязательного прочтения на филологическом факультете. Критика с почтением цитировала «Песни ненависти и борьбы», в том числе и ерошинские: «— О революция! Мой мрамор и гранит!» Или еще:

*Прочь оковы и насилие...
Волю, волю красным крыльям!*

Мои сокурсники, студенты-филологи, добросовестно отбирали и зубрили цитаты для экзаменационных ответов, но व्यспренность и риторичность не трогали душу, и стихи запоминались с трудом.

Много позже, уже в Красноярске, на одном из литературных вечеров я услышу от поэта Зория Яхнина залихватские и хмельные строки, тоже, окажется, ерошинские:

*Я, Василий, выпил водки чашку,
Я надел из пламени рубашку.
Где мой конь, моя витая плетка?
Еду в гости — угостят ли водкой?*

Это был уже «третий Ерошин». Но мне предстояло, когда, наконец, я ближе познакомилась с его творчеством, слить в сознании в одно лицо таких непохожих «трех Ерошиных» еще и с автором тонко ограненных лирических миниатюр. То философски окрашенных и печально-раздумчивых («Череп», «Правда», «После смерти»), то духовно-просветленных («Посадка тополя»), то по-восточному назидательных («Сыну»). Мне открылся художник, сумевший вместить размашистые детализированные картины народного труда и быта («Женщины горной долины», «Семья», «На Бухтарме») в рамки одного стихотворения и способный с такой психологической убедительностью перевоплощаться в простодушно-наивных героев «Песен Алтая». К тому же И. Ерошин оказался мастером блестящих стилизаций алтайского фольклора и собирателем устного поэтического творчества хакасов.

Поэтому встречающиеся в критике попытки объяснить забвение Ивана Ерошина якобы приверженностью его одной теме и однообразием для меня категорически неприемлемы, ибо игнорируют психологическое богатство лирики этого поэта и ее общечеловеческое значение.

ВЕХИ СУДЬБЫ

Отроческие скитания Ивана Ерошина могли бы дать материал для повествования, подобного горьковскому «В людях», хотя «маршруты» его хождений по мукам были несколько иными, чем у Алеши Пешкова. Детство поэта,

прошедшее в семье малоземельного крестьянина, на нищей Рязанщине, было безрадостным. И в 1909 году, после смерти отца, четырнадцатилетний подросток, чтобы не быть в тягость матери, на руках которой осталась еще малолетняя сестра, уходит на торфяные разработки Саввы Морозова. Затем — Москва, Петербург и опять Москва. Работа мальчиком на побегушках в трактире и булочной, разносчиком газет и аптекарских товаров. Раннее приобщение к революционному движению, вступление в революционный кружок, что было столь закономерно в той исторической ситуации для человека его социального положения и судьбы. Пробуждение тяги к поэтическому слову и первые публикации на страницах «Правды» еще за несколько лет, как это особо оговаривает Иван Ерошин в своих автобиографических заметках, до Октябрьской революции. С не меньшей гордостью он сообщает, что ему первым из поэтов России посчастливилось со страниц большевистской газеты «Социал-демократ» приветствовать Октябрь стихотворением «Зорю — бейте, барабаны!». Написал он это по пути в редакцию, и стихотворение сразу же было отправлено в набор без всяких правок.

Характер заработков в эти годы заставлял Ивана Ерошина обходить рабочие кварталы, бывать в чайных, пивных, трактирах. По поручению газеты, с которой сотрудничал, как и другие поэты-правдисты, Иван Ерошин ходил по фабрикам и заводам, составлял рабочую хронику, записывал высказывания рабочих, эпизоды их жизни и борьбы, посещал рабочие кружки, собрания и сходки. Встречи с разными людьми, как и для горьковского героя, стали «университетами» Ерошина. Но была одна встреча, о которой надо упомянуть особо, потому что ее влияние на становление поэта Ерошина очевидно, и о которой в литературе о Ерошине еще не сообщалось. Это встреча с Есениным поры написания им «Иорданской голубицы», «Ионии» и «Небесного барабанщика», Есениным — автором строк:

*Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.*

Письмо от 24.01.1956. Из личного архива дочери поэта Е. И. Ерошиной. Публикуется впервые.

Вот как об этом событии писал уже в 1956 году И. Ерошин: «В 1918 г. месяца полтора я жил с ним в одной комнате. Это было в Москве, в здании Пролеткульта на Остроженке, в особняке фабриканта Саввы Морозова. По характеру он был очень добрый и обходительный. Наружность красивая, с оттенком женственности. Он среднего роста, стройный. Волосы светло-золотистые, надо лбом вьющиеся, глаза синие, лицо немного продолговатое, с бледным румянцем, походка легкая, голос приятный. В то время он входил в славу, а в 1914 г. или в 1915-м он был представлен государю и государыне, так что слава его началась еще до революции».

В годы Гражданской войны Иван Ерошин был добровольцем в частях Красной Армии, сражавшейся с Колчаком, и после демобилизации в 1920 году остался в Омске репортером газеты «Советская Сибирь». С этого времени жизнь поэта на долгие годы будет связана с Сибирью. «Сибирские огни» в 20—30-х годах периодически печатают стихи Ивана Ерошина. Его первый сборник «Переклик», изданный в 1922 году в Новониколаевске, приносит ему

Зазубрин В. Я. Литературная пушнина // Литературное наследство Сибири. — Новосибирск, 1972. — Т. 2. — С. 214.

поэтическую известность. Критика не оставляет поэта вниманием, отмечая близость мотивов и образности бывшего «правдиста» Есенину и Клюеву (в будущем это сближение еще аукнется ему). Ритм жизни Ивана Ерошина этих лет выразительно передал В. Зазубрин в статье «Литературная пушнина»:

«В редакцию он обычно вбегает, стучает об стол шапкой, валится на стул и кричит вам, не обращая внимания на то, заняты вы или нет.

— Ну, слушай, я книгу нашел! Вот язык!

Резко щелкает пальцами и подпрыгивает.

— Слово звенит!

Хватает со стола шапку и снова бьет ее об стол. Ваши бумаги вспархивают, как стая испугнутых голубей.

— Слушай, ты обязательно прочитай!

Можно заранее поручиться, что автором книги окажется или перс, или индус, или китаец.

Этот человек влюблен в слово, как пахарь в зерно. Он ласковой рукой собирает зерна-слова для того, чтобы щедро и густо бросить в глубокие и по-земляному теплые бороздки своих стихов.

Летом живет на Алтае. Проживает семь рублей в месяц. Каждую осень бывает в Москве. Зимует в маленьких сибирских городишках около газет. Все имущество его — несколько книг и смена белья. Но он богаче всех нас, единственный в Сибири свободный зодчий.

Столичные журналы печатают его регулярно. Сибирь он любит больше России, хотя сам из «рассейских», земляк Сергея Есенина. Он курносоват, голубоглаз, ростом не велик, но большелоб. Фамилия его — Ерошин».

Сибирские впечатления буквально захлестывают Ивана Ерошина. Богатство исторического прошлого Сибири увлекает его. Ее многонациональная культура восхищает самобытностью и рождает душевный отклик. Могучая, тогда еще действительно не тронутая человеком природа («Здесь медведи не топтали трав и дымную малину», — напишет он в стихах) поражает воображение уроженца средней полосы России. Доброжелательность и естественность сибиряков трогают его. В стихах Ивана Ерошина разных лет найдем немало благодарных и восхищенных, хотя, может быть, иногда даже чрезмерно пафосных строк, обращенных к его второй Родине.

Метели танец белокрылый.

Какой подобна ты стране?!

Тебя ль не назову любимой!

Как мать, как жизнь, мила ты мне,

Сибирь, мой край необозримый!

Процитируем строки его письма, написанного из Новониколаевска знакомой Н., по-видимому незадолго до этого уехавшей из Сибири в Ярославль, и помеченного «6.12.1922 г.»:

«Мне понятна твоя тоска по Сибири. Да, Сибирь во много раз лучше подмосковных губерний; пусть она дика и несуразна, но она имеет первобытную силу и красоту, человек здесь свежей и крепче, а там хилый — напудренный.

Так чувствую, так воспринимаю я Сибирь и очень люблю ее. Здесь прихоть и буйство, а в особенности весной и летом, и гораздо легче заработать

Письмо И. Ерошина знакомой Н. от 06.12.1922. Копия письма передана автору статьи родственницей Н., литературоведом А. Н. Малиотиной. Публикуется впервые.

пропитание. Если б я любил Москву или Петроград, то давно уже был бы там. Опротивел мне центр, если и поеду туда, то на какой-нибудь месяц, не больше. В скором времени, так недели через две, покидаю Новониколаевск и уезжаю на юг к киргизским степям, а оттуда поеду в Верный, надоели города, хочу видеть простор и радость».

«МОЙ АЛТАЙ»

Вот что пишет И. Ерошин в предисловии к сборнику стихов «Утренний привет»: «Мне часто приходилось ночевать с охотниками в таежных избушках, под открытым небом у костра, в шалашах с рыбаками, жить на пасеках у русских крестьян, с котомкой за плечами медленно пробираться по глухим тропам от селения к селению, по хребтам и долинам — в седле, с проводником. Первобытная красота гор, насыщенный запахами лесов и трав чистый здоровый воздух, синее глубокое небо, яркое горное солнце над альпийскими лугами, простота нравов как русских, так и алтайцев, гостеприимство их и богатый живой образный язык произвели на меня неизгладимое впечатление и заставили многое передумать. Ничто не вознаграждало так любознательность, как народная мудрость, народная песня и ее бескорыстные хранители — истинные поэты, живущие чаяниями и помыслами народа. Они-то и помогли мне в моей работе над книгой и были моими подлинными наставниками». — Мои наставники // Ерошин Иван. — М.: Сов. писатель, 1956. — С. 4.

См.: Кондаков Г. Иван Ерошин. — Новосибирск: Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1981. С. 8.

Советский энциклопедический словарь. — М., 1979. — С. 125.

В 1922 году Иван Ерошин впервые едет на Алтай и совершает ряд длительных путешествий пешком по горным районам. Готовясь к поездке, поэт основательно познакомился с научными и художественными источниками о Сибири и Алтае. В дальнейшем к своим «наставникам» он всегда будет причислять Ядринцева, Сапожникова, Потанина, Вербицкого, Герасимова. Но интерес Ивана Ерошина к Алтаю шел не только, как считалось, от изученной литературы. Скорее — наоборот: он обратился к книгам, потому что уже существовала какая-то внутренняя установка. *Следует учесть замечание Вивиана Итина: «Сибирь привлекала Ерошина тем, что во всей крестьянской Руси самая крестьянская — это Сибирь. А в Сибири — Алтай».* Но рискну сделать на этот счет еще такое предположение. Не связался ли Алтай для Ивана Ерошина с мечтой о Беловодье, поиск которого в детстве поэта для его семьи, пытавшейся вместе с другими земляками переселиться за Уральский хребет, кончился неудачей?

На эту мысль с неизбежностью наталкивает написанное Иваном Ерошиным в 1927 году стихотворение «По Бухтарме», которое почему-то не попадало в поле зрения критиков. Но оно просто не может быть не учтено как аргумент в защиту предположения о том, что Алтай стал для поэта реально существующим и им лично наконец обретенным Беловодьем. Кстати, небезынтересны в связи со сделанной догадкой сведения, которые нам дает и «Советский энциклопедический словарь»: «Беловодье — легендарная страна свободы в русских народных преданиях 17—19 вв. По мнению старообрядцев, она находилась где-то на востоке, в Индии. Реальный прообраз — *Бухтарминский край на Алтае*» (выделено мною. — Г. Ш.).

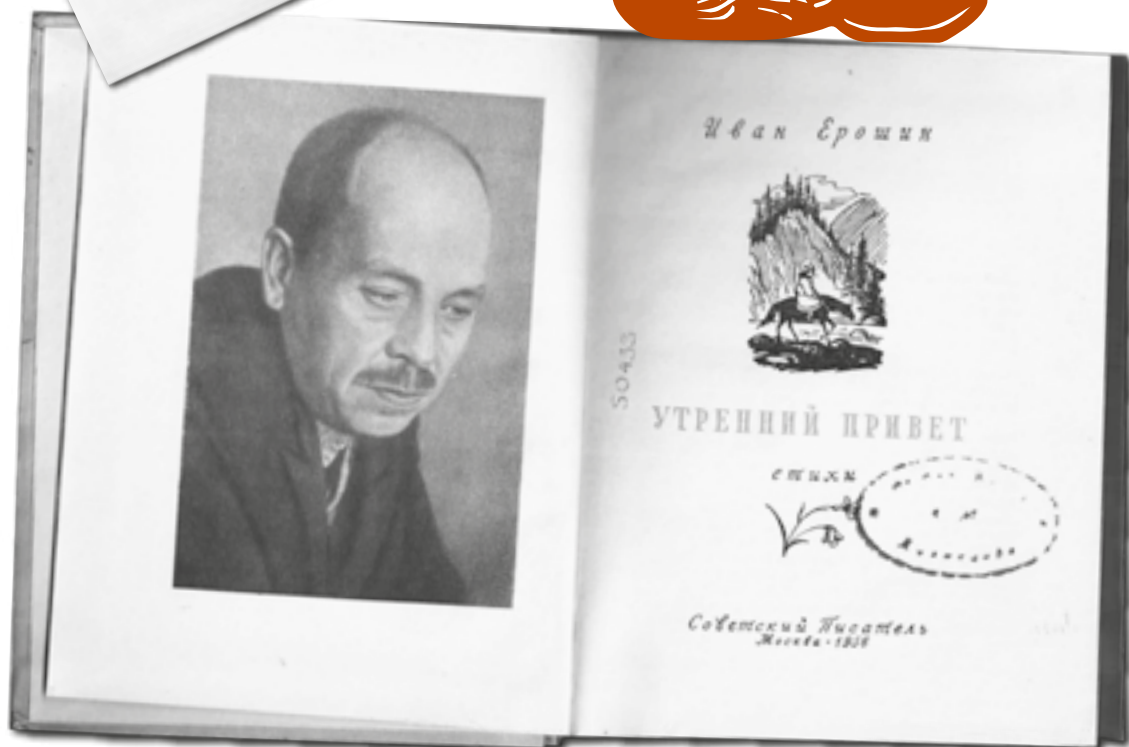
Ерошинское «По Бухтарме» — это картина из простой, как природа, жизни плотогонов. Вступая в спор с кипящей горной рекой, они гонят плоты. На Бухтарме — все «праздник глазам»: и полонивший берега лес, и травы, достигающие человеческого роста, и серые скалы, напоминающие причудливые замки. Ледяные струи обжигают натруженное тело. Вкусен спартанский обед на берегу. Крепок сон на охапке душистого сена под мерцающими звездами.

Мир в этом стихотворении Ивана Ерошина предстает первозданным. И поэт, воодушевленный красотой простой и естественной жизни, испытывает потребность запечатлеть ее в слове.

Стихотворение «По Бухтарме» включено в цикл «Мой Алтай», который складывался постепенно и окончательно как целое определился в книге «Утренний привет» (М., 1956), заняв в ней совершенно особое место. И вот почему.

Поэтические произведения разных жанров (лирическая миниатюра, сказка, рассказ, поэма), составившие книгу, в соответствии с содержанием

Дорогому Ивану Маркеловичу
Кузнецову, с любовью
в память наших встреч
в Краснофресе
Иван Ерошин
4/III 1959г Москва.

группируются в ряд разделов: о нелегком прошлом жителей гор («Прошное»), об их традиционном промысле («Охота»), об изменении в жизни и сознании алтайского народа после революции («Каракось», «Радость»). Все они — об Алтае. И, конечно, в том, что в структуре этой книги автор обособил цикл «Мой Алтай» (подчеркну: «мой»!), был свой скрытый смысл. «Мой Алтай» — это и есть для Ивана Ерошина ставший реальностью миф о Беловодье. «Жизнь... вот она жизнь!» — такое восклицание может вырваться только из души человека, который, будучи сжат пружинами прежних обстоятельств, после мытарств обрел, наконец, чаемое.

Этот смысл цитируемой строки (стих. «Женщина горной долины») еще больше проявляется в переключке ее с другой строкой — из ерошинских стихов «правдинского периода»: «Жить! Страстно жить хочу!».

«Алтай охмелел от богатства» — вот лик ерошинского Беловодья. И каждая из миниатюр цикла вносит в обрисовку его новые штрихи, дополняющие картину довольства и изобилия (см. хотя бы стихотворения «Летнее пастбище», «Женщина горной долины», «На Алтае травы так высоки», «Семья»).

Пожалуй, трудно назвать еще поэта, который, высказывая традиционные для русской поэзии ощущения нерасторжимости связи человека и природы, пользовался бы, как Иван Ерошин, образами семейного родства. Солнце, гуляющее в небе, для героя его стихов — ласковая мать. С добротой матери сравнивается щедрость реки Челима, одарившей его богатым уловом: «С ясными глазами день на сына-юношу похож». Пришедший с дальних вершин ветер — «тихий и легкий, как сон детей». Посадка тополя в одноименном стихотворении ассоциируется с заботами о родном ребенке:

*Зернисто-черной мягкой землей
Я засыпаю корни молодые,
И радость ясная, и тихий свет
Взволнованную душу обнимают.
Как будто бы родное мне дитя,
Уснувшее с игрушкой в руках,
С улыбкой нежной бережно беру,
И в колыбель кладу, и покрывалом
Смягчаю свет и удаляю звуки...*

Это чувство единокровия с природой делает для героя ерошинских стихов естественным отождествление себя со всем живущим под солнцем: «Хорошо, вот хорошо! Я на облако похож». И далее: «Я совсем похож на горы». И, наконец: «Посмотрю, на все похож я».

Герой стихов И. Ерошина распахнут миру, доброжелателен, добродушен, но не наивен, как это может поначалу показаться, ибо обладает той мудростью, которая дается жизнью в природе и тесным сотрудничеством с нею: «Богаты мои глаза, сердце и слух богаты». По определению поэта, его герой одновременно «дитя и опытный старец». Да он и сам таков. И подчас невозможно провести грань между ними. И это естественно, потому что самому поэту важно слиться с миром Беловодья, где он обрел душевное равновесие и открыл незатейливую формулу счастья: «повсюду здоровье и труд повседневный наполнен любовью».

В чередовании времен года и дня Ивана Ерошина более всего привлекает рассветное состояние мира. Не случайно цикл открывается миниатюрой «Утренний привет». Мотив пробуждения — сквозной в цикле «Мой Алтай» (стихотворения «Я проснулся и увидел», «Вышла утром», «Полотенце»). Каждое пробуждение — это вновь и вновь свершающееся чудо открытия красоты мира, который неизменно поражает своей новизной и дарит ощущение радости бытия:

*Каждую минуту нов
Этот мир, веселый, шумный.
Завтра так же, как сейчас,
Человека, землю, небо
Я увижу в первый раз
И опять их не узнаю.*

Не менее привлекает И. Ерошина и утро человеческой жизни. Трогателен и простодушен монолог девушки (постоянного персонажа ерошинской лирики), вступающей в пору любви, готовой доверчиво отдаться охватившему ее чувству и уготованной судьбе:

*Вышла утром.
Крепкий мороз.
Светлым огнем
Горит лиственница.
И я горю золотым
Пламенем любви.
Наверное, сгорю.*

Любуясь красотой своей героини («...быстронога и похожа на козую, весела, легка, игрива...»), поэт светло выдохнет: «Утро видишь ли свое?» — словно желая напомнить, что любовные тревоги и печали — всего лишь спутники самой лучшей, рассветной поры человеческой жизни.

Излюбленный жанр И. Ерошина — лирическая миниатюра. В ее форму оказываются заключены то пейзажная зарисовка, то раскрывающий своеобразие мироощущения жителей гор монолог, обращенный к окружающему миру; то синтезирующий традиции русского и алтайского фольклора диалог, то житейская сценка, например, помолки ячменя, отсылающая даже к античности (вспомним: «мели, мели, мельница, пока не умолкла...»). В построении миниатюры, как указывает Г. Кондаков, поэт следует поэтической традиции Востока. Цитируя миниатюру «Трава» («Ты расти, лучистая трава, <...> трава! Ты язык мой, кровь моя и кости — гибкая и тонкая трава»), исследователь комментирует: «миниатюра написана пятистопным хореем, без рифмы, но в ее строфическом построении мы легко угадываем форму восточной поэзии — *рубай*». Часто не взятая в рамки стихотворного размера, не ограниченная рифмой, ерошинская миниатюра отличается свободой дыхания. Ее музыкальность определена внутренним ритмом, который, по определению Г. Кондакова, столь же естественен, «как ритм бегущего ручья или пения птицы». Здесь предельно отчетливы каждая мысль и слово.

*Свежие листья
На сорванной ветке*

Никнут и вянут.
Вянет и чувство,
Когда оно слышит
Речи сухие.

Кондаков Г. Цит. соч. — С. 12.

Следует согласиться с сопоставлением, которое мы находим у того же Г. Кондакова, некоторых ерошинских стихотворений с «роскошными натюрмортами» («Семья», «Женщина горной долины»). В них — благодарность за щедрость земли, своим плодородием воздающей человеку за его труд. Здесь И. Ерошин становится по-крестьянски обстоятельным и не может отказаться от перечислительности, ибо для него дорога и равно значима каждая деталь обретенного Беловодья. Эти стихи действительно можно рисовать.

<...>
Стол из курчумского кедра,
новая скатерть узорна.
Хлеб, калачи на столе:
белый сугроб ноздреватый,
Миска налимьей ухи, вкусной,
с приправой богатой.
Горной малины бугор —
чашка с краями, крутая.
Мед в белоснежной тарелке,
будто луна золотая.
Рядом сотовый, в слезах.
Зорки глазастые соты.
В соседстве горшок молока,
покрытый росинками пота.
В берестяном туесе квас.
Черный, с сушеной клубникой,
Под белыми косами русский,
здоровый напиток.

(«Семья», 1927 г.)

Публикация стихов цикла «Мой Алтай» заставила критиков признать в их авторе мастера. Однако одновременно появились упреки поэту в том, что «революцию он любит меньше, чем природу». В «Сибирских огнях» (1922 г., № 3, с. 163—164), например, за подписью «И. К.» (И. Калигин) появились такие строки: «В общем, когда читаешь стихи Ерошина, где преломилась революция, становится жалко автора — жалко за то, что он, не любя искренне революции и не принимая ее, пытается отдать ей дань». Нападки такого рода в условиях тех лет звучали предостерегающе. Но дело было, конечно, не в любви или нелюбви. Разумеется, Иван Ерошин, до конца жизни гордившийся своим сотрудничеством с «Правдой», в стихах, воспевавших «мрамор и гранит» революции и «бьющие зорю барабаны», был искренен. И не только потому, что фальшивить в силу своего склада он попросту не мог. Для него, выходца из беднейшего крестьянства, с революцией связывалась веками лелеемая земледельцем мечта о сказочном Беловодье. Но все же более органичны для Ерошина были как раз те стихи, за которые его упрекала критика, — стихи о том,

Строка из письма Ивана Ерошина от 24.01.1956 дочери Кате об А. Ахматовой: «...Она большой мастер стиха. Излюбленная ее тема — любовь. Равной ей по мастерству среди современных поэтесс — нет. <...> Я не защищаю Ахматову, а защищаю то, что не тлеет (подчеркнуто мною. — Г. Ш.) во времени. Ее, Ахматову, а точнее — всякого человека защищает его честный благородный труд. Топтать хорошее мы не имеем никакого права, хотя бы были мы исполнимами». Следует заметить, что письмо написано в пору гонений на А. Ахматову, последовавших после печально известного постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946 г.). Дочь поэта Катя была в это время студенткой ТГУ, и отец, видимо, хотел ее уберечь от искаженного, внушаемого сверху представления об А. Ахматовой. Иваном Ерошиным, пишущим в жанре лирической миниатюры, Анна Ахматова была особенно чтима еще и как непревзойденный мастер этой формы. Публикуется впервые.

Троцкий Л. Незащищенная душа // ЛГ. Досье. — 1995. — № 9—10. — С. 18.

Мартынов Л. Из пламени рубашка // Воздушные фрегаты. — М., 1974. — С. 303.

«что не тлеет» (*строка из письма поэта дочери Кате*). Ему, как человеку земли, импонировало стабильное состояние мира. Борьба, ломка, вражда — все это было за пределами его человеческой и крестьянской натуры. Заидеологизированная критика игнорировала природу его лирического дарования как не востребованного временем. *Примерно в эти же сроки Лев Троцкий писал о несвоевременности явления Сергея Есенина*: «Эпоха же наша не лирическая. В этом главная причина того, почему самовольно и так рано ушел от нас и от своей эпохи Сергей Есенин».

Естественно, что только в стихах о самом сокровенном, составивших цикл «Мой Алтай» (само название, как уже говорилось, — знак обретения чаемого), и смогла сполна высказаться природа лирического дара Ивана Ерошина. А сам цикл стал вершинным в творчестве поэта, которого Леонид Мартынов назвал «*младшим братом Есенина*».

НА КРАСНОЯРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Литературный портрет «Иван Ерошин», автором которого является Г. Кондаков, до сих пор остается наиболее полным источником сведений о поэте. Но, как это ни странно, в нем даже не упоминается о красноярском периоде жизни и творчества Ерошина (1929—1943 или 1944 гг.), который был насыщен многими событиями и стал для поэта наиболее плодотворным.

Часто бывая в Красноярске, Ерошин преимущественно жил на юге края: в селе Иудине (ныне Бондарево) — после женитьбы на Анне Давыдовне Петровой, и в Абакане, где он сотрудничал в газете «Советская Хакасия».

О причинах переезда И. Ерошина в Красноярский край есть две версии. Дочь поэта Екатерина Ивановна связывает его с переломом в личной жизни поэта. По убедительно аргументированной версии И. М. Кузнецова, переезд был вызван обрушившимися на Ивана Ерошина обвинениями в «есенинщине» и упадничестве, которые, в традициях тех лет, грозили перейти в травлю. Доходило до курьезов, когда одно и то же стихотворение поэта получало диаметрально противоположные интерпретации в критике. Так было, например, после появления миниатюры «Череп» (1928 г.). Напомню ее:

*Еду с песней по долине,
Белый череп скалит зубы.
В черепе пророс цветок,
В черную прошел глазницу,
Алым пламенем поднялся
На зеленом тонком стебле.*

Хулители Ерошина, как рассказывал И. М. Кузнецов, обвиняли поэта в том, что и жизнь он видит в черной оправе смерти. Напротив, критики доброжелательные или просто нейтральные по отношению к нему, прочитывали иное: жизнь, пробиваясь тонким стеблем, побеждает саму смерть, свершается вечный в природе круговорот.

Ромен Роллан отнес «Череп» к лучшим миниатюрам «Песен Алтая», поразившим его свежестью и силой образов и чувств. Свои «Песни» поэт послал во Францию, следуя совету В. Зазубрина, в надежде заслониться оценкой

всемирно известного авторитетного писателя от своих преследователей. Ответ Ромена Роллана был получен Иваном Ерошиным в Иудине в феврале 1936 года. Вот его текст:

Дорогой Иван Ерошин!

Уже давно я должен бы был поблагодарить Вас за присланную Вами книжку «Песни Алтая». Извините, что делаю это только нынче. Я хотел быть в состоянии самому дать себе отчет в этой поэзии, и только теперь я смог приступить к чтению ее с помощью моей жены.

Мы поражены свежестью и силой не только образов этих песен, но чувств, в них выраженных. Я знаю пока только несколько стихотворений — с десяток, из самых коротких — «Я похож на облако», «Череп», о юноше, который хотел посмотреть девиц и у которого нет новой рубашки, и несколько других. Образ пальцев — «...как дикие пчелы», голоса — «как рыжее пламя», образы природы (кедровая ветка под инеем и т.д.) замечательны. Это напоминает китайскую и японскую поэзию, и вместе с тем — это могло бы быть написано самими утонченными поэтами Запада.

Мне кажется, что было бы интереснее ознакомить Францию с некоторыми образцами этой поэзии. Но для этого нужно бы иметь не Ваши стихотворные переводы, которые, вероятно, уже несколько исказили оригиналы, а построичный перевод слово в слово, с указанием — рядом ритмов и модуса рифмовки. Могли бы Вы прислать нам подробный перевод на русский этих же стихотворений? Ибо, чтобы с них сделать французский перевод, который еще исказит их, нужно избежать хотя бы в русском стихотворном переводе сделанных приспособлений.

Жму Вашу руку, дорогой Ерошин, и спасибо еще раз за то, что познакомили меня с этими интереснейшими и прекрасными образцами поэзии ойротского народа. Если Вы имеете отношения с представителями этого народа, передайте им мои самые горячие поздравления и мой братский привет.

Ромен Роллан

См.: Кондаков Г. Цит. соч. — С. 22—23.

Перевод сделан Марией Павловной Роллан. И от меня спасибо, дорогой тов. Ерошин, очень интересные песни.

Ромен Роллан принял оригинальные «Песни Алтая» за переводы с ойротского, на что в литературе об Иване Ерошине уже обращалось внимание, и что скорее говорит в пользу поэта, который, используя фольклорные мотивы и формы, сумел поэтически передать специфику инонационального миропереживания. Эта способность была блистательным свойством дарования поэта, что с таким глубоким проникновением в ерошинский текст показал в своей работе Г. Кондаков. Здесь же о ней упомянуто лишь потому, что она проявилась и в красноярский период творчества автора «Песен Алтая». Иван Ерошин много ездил по хакасским улусам, с жадным интересом изучал историю, язык, обычаи и фольклор родственных алтайцам хакасов, в чем ему немало помогала жена, человек самобытный и талантливый, хорошо к тому же знакомый с хакасскими диалектами. Результатом вхождения Ивана Ерошина в новый материал стала поэма о защитнике хакасской бедноты «Хаттых Темир», работа над трагедией из жизни хакасов «Золото», публикация переложений ряда хакасских сказок и легенд.

Здесь и далее письма Ивана Ерошина известному красноярскому книголюбу И. М. Кузнецову цитируются по оригиналам, которые были переданы адресатом автору этой статьи, а им (автором) — в Красноярский литературный музей. Публикуются впервые.

Личный архив автора статьи. Публикуется впервые.

Личный архив автора статьи. Публикуется впервые.

Воодушевленный письмом Ромена Роллана, которое, как сообщила со слов матери дочь поэта Катя, было не единственным, Иван Ерошин работал иступленно. Сошлемся на строки его письма Кузнецову Ивану Маркеловичу от 31.01.1940:

«В настоящее время занят поэмой «Хаттых Темир». Она стала много лучше в сюжете, в глубине замысла, в отделке, но она не окончена. Мне хочется, чтоб она походила на голубую каплю росы на снежном лице цветка. Но как трудна эта работа, она напоминает мне работу китайских мастеров над вазами, над которыми они работают по сто, сто пятьдесят лет из поколения в поколение, т.е. над одной только вазой. *Каждый в отдельности художник*».

Иван Маркелович сохранил не только письма Ивана Ерошина, относящиеся к 1938—1941 годам, на конвертах которых значится обратный адрес: Иудино, Аскизский район, Хакасская область. Он сберег подаренные ему поэтом четыре тетради одного из рукописных вариантов поэмы «Хаттых Темир». На обороте обложки первой — дарственная надпись, помеченная 26 октября 1938 года: «Поклоннику книги, ревностному почитателю русской литературы Ивану Маркеловичу Кузнецову на память и укрепление дружества». Тут же — пометки, свидетельствующие о тщательности работы поэта над текстом: «Поэма начата 13 октября 1937 года. Первый вариант окончен 29 октября 1937 года. Второй вариант окончен 31/I — 1938 года. Третий вариант начат 31/I — 1938 г. (т.е. в день завершения второго варианта! — Г. Ш.), окончен 18/III — 1938 г. *Четвертый начат 19/VI — 1938 г., окончен 8/VIII — 1938 г.*». Но шлифовать поэму И. Ерошин продолжал и в 1940 году, о чем свидетельствуют строки приведенного выше письма от 31.01.1940, где он сравнивает свой труд с работой китайских мастеров.

Особо следует сказать о судьбе книги «Хакассский фольклор», которая, согласно плану Красноярского книжного издательства, должна была выйти в свет в 1938 году, но неожиданно была снята с производства. В передаче по красноярскому ТВ (февраль 1987 г.) Екатерина Ивановна вспоминала: «В 1965 году в Москве за несколько месяцев до смерти отец передал мне верстку почему-то так и не вышедшей в Красноярском книгоиздательстве книги «Хакассский фольклор». Отец был в тяжелом состоянии и объяснить что-либо не мог. *Я поняла только, что книга эта очень дорога ему и ее надо сберечь*». Копия верстки находится сегодня в Красноярском литературном музее. Вот хотя бы несколько наугад взятых из нее текстов хакасских песен, переложенных И. Ерошиным на русский язык:

* * *

*Хорошо сияет
Ясный тонкий месяц
В темно-синем небе...
Как приятно видеть,
Что со мною рядом
Девушка стоит.*

* * *

Светит луна
Над всей землей.
Когда песни пою, —
Слышит улус.
Светит солнце
Над всей землей.
Когда песни пою, —
Слышит весь улус.

* * *

Если б не было островерхого
Снежного Тасхыла,
То откуда бежал бы
Белый Июс?
Если б девицы наши
Не выходили замуж,
То откуда бы родились
Люди на белый свет?

Остается только гадать, почему «Хакасский фольклор» в 1938 году был отвергнут издательством. Иван Маркелович Кузнецов высказывал предположение, что причиной стала переписка поэта с Роменом Ролланом. Версия кажется правдоподобной, если учесть атмосферу тех лет, когда за связь с заграницей строго взыскивалось, а масштаб адресата только усиливал подозрительность соответствующих инстанций. Но может, на то были и другие причины.

И. М. Кузнецов утверждал, что Иван Ерошин был первым в крае членом Союза писателей СССР. В памяти журналиста Афанасия Шадрина, ныне живущего в Минусинске, сохранились литературные пятницы, которые проходили с участием Ивана Ерошина в редакции краевого радио в конце 30-х годов. Будучи, по воспоминаниям людей, знавших его в разные годы, деликатным и даже застенчивым, Иван Ерошин производил на окружающих впечатление человека нерешительного. Но когда речь шла о литературе, оценки его были бескомпромиссны. Он становился твердым и взыскательным, а порой — непримиримым. Афанасий Шадрин вспоминает, что даже возникла «война против Ерошина», когда он утверждал, например, такое: «Гомер выше Маяковского». Влюбленные в боевую, громкую поэзию Маяковского, молодые литераторы *считали подобные заявления кощунственными*. Сам предмет спора может вызвать сегодня только улыбку недоумения. Но позиция ерошинских оппонентов — важный штрих, характеризующий литературную и не только литературную атмосферу времени, когда после знаменитой оценки Маяковского Сталиным («был и остается лучшим и талантливейшим поэтом эпохи») его, по выражению Б. Пастернака, «стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине». А ведь Иван Ерошин находился тогда на положении опального поэта, что, казалось бы, вынуждало его быть осторожным в своих суждениях...

Однако же озабоченность И. Ерошина «здоровьем стиха», его вкус к слову и филигранно отточенному образу вызывали неизменное уважение.

Личный архив автора статьи. Публикуется впервые.

Мартынов Л. Цит. соч. — С. 303.

В телепередаче, посвященной И. Ерошину, И. М. Кузнецов поделился еще и таким воспоминанием: «Он прекрасно знал персидскую, китайскую, японскую и древнегреческую поэзию. Тогда еще молодые красноярские поэты Игнатий Рождественский и Казимир Лисовский, написав новые стихи, не без страха несли их на суд «древнему греку». *Так шутливо называли они Ерошина за пристрастие к античности.*»

Об увлечении «древнего грека» поэзией давно минувших веков свидетельствуют и строки его стихов, написанных в разное время: «В котомке моей за спиной бесценная милая ноша: тетради, калач, карандаш, создание старца Гомера». Или: «О дом родной, Гафиза бирюза, Ли Бо, Ду Фу и хрупкость танки!» В письмах И. Ерошин просил книголюбца И. М. Кузнецова помочь ему заполучить «Манас» и «Витязя в тигровой шкуре»: «Эти две книги для меня необходимы» (от 19.03.1941). *«Почитатель Лукреция и Эпикура», — так характеризовал его Леонид Мартынов.*

Конечно, столь приверженный к культурному наследию прошлого, Ерошин не мог не заинтересоваться той его страницей, которая связана с именем Тимофея Михайловича Бондарева, жившего на рубеже XIX—XX веков в Иудине и состоявшего на протяжении многих лет в переписке с Львом Николаевичем Толстым. Но это отдельная тема.

Здесь же необходимо хотя бы вкратце сказать о том, что Иван Ерошин вместе с переехавшим в Иудино из Абакана в конце 30-х годов поэтом Георгием Суворовым разыскивал камни-писанцы с могилы «иудинского философа» (Л. Толстой), на которых тот, незадолго до смерти, завещав установить их вокруг места будущего захоронения, выбил свои главные заповеди. Писанцы найти не удалось. По слухам, в годы коллективизации они были разбиты и пошли на укрепление фундамента строящейся школы и колхозных погребов. Большой парадокс едва ли можно представить.

Позже Иван Ерошин участвовал во вскрытии могилы Т. Бондарева, на которое было дано разрешение властей: надеялись обнаружить якобы захороненные с ним, как наказывал Тимофей Михайлович, рукописи его философских трактатов. Из письма от 18.06.1940 И. М. Кузнецову: «Ездил на вскрытие могилы Т. Бондарева. Рукописей не оказалось. Вскрытие было на второй или третий год после смерти. Могла ли пройти царская полиция мимо такой фигуры? Конечно, нет. На глубине 50 см оказались осколки разбитой плиты».

Не без участия Ивана Ерошина в середине 50-х годов село Иудино было переименовано в Бондарево...

Следует заметить, что в свой красноярский период Иван Ерошин совмещал многогранную литературно-общественную деятельность с будничной, берущей много сил работой газетчика, разделяя с живущими рядом людьми их житейские заботы и радости.

Из письма И. М. Кузнецову от 13.07.1940: «Дожди в нашей местности славные, хлеб хороший, а это значит: будет человек сыт. <...> Работы по горло, творчество закинул в дальний ящик и вернусь ли к нему скоро — не знаю. Юбилей области отнимает все. На днях еду писать очерк. Каким окажусь в этой работе, сам не знаю. <...> В Абакане частые дожди, огороды жителей растут, как на опаре. Это радостно. Значит, жить будем».

Так напряженно и наполненно в очень непростое время жил и творил на красноярской земле «младший брат Есенина» Иван Ерошин — человек, знавший цену труда пахаря, взрастившего хлебный колос, и труда поэта, в муках отыскивающего слово, которое «не тлеет». Художник, понимавший голос ветра и птиц, говоривший на общем языке с рекой, деревом, горной тропой. Гуманист, способный глубоко постичь дух другого народа и его песни сделать для нас песнями нашими. Он на собственном опыте знал, как тернист прямой путь Правды, но никогда не предпочел ему облегчающую увертливость и кривизну.

Среди многих прекрасных стихов русских поэтов о счастье бытия, о горечи и боли неизбежно предстоящего ухода не должны затеряться написанные Иваном Ерошиным:

*После смерти прах мой схороните
На горе с серебряной вершиной,
Где к потоку много троп звериных,
Как ручьи, к большой реке сбегают.
Пусть хоть заяц на моей могиле
Перекусит тонкую былинку.*

Заключительные строки звучат как предсмертная мольба. А кажущаяся невеликость высказанного в ней желания лишь пронзительнее свидетельствует о крепости пуповины, связывающей поэта Ивана Ерошина с жизнью и бесконечно любимой землей, по которой он прошел в поисках своего Беловодья.

Галина Шленская

(опубликовано в журнале «Сибирские огни», 2009 г., № 8)

ИВАН ЕРОШИН

8
*Интервью с писателем
Кристиной*

Г. И. Чорос-Гуркин. Девушка-киргизка Ымытчан, сестра
Яркына. 16 лет. Озеро Коксу. 1908 г. Б., кар. 20,8х17,8

ПРОШЛОЕ

* * *

Я любила родную мать,
Дорогого любила отца.
Горю горькому нет и конца...
Можно ль их мне родными назвать?
В белогорье трава не густа,
Сохнет, вянет моя красота.
Я совсем молодой отдана
За коня и за четверть вина.

1936

* * *

Быстроногий, черный,
С тонкой мордочкой соболь
В серых каменных россыпях,
Изловить его — нет времени.
Чернобровая моя, черноглазая,
Искорки золота
В глазах ее,
Ходит, гуляет в девицах,
В жены высватать — калыма нет.

1936

* * *

Я боюсь, что купец,
С Чулышмана — Семен,
Молодую отнимет жену.
Я боюсь, что людей
Злых напоит вином
И они меня могут убить.
Я боюсь, что за долг
Он корову сведет —
С Чулышмана жестокий Семен.

1936

* * *

Я пасу у Менко три сотни овец,
А будет ли шуба для моей спины?
Сын пасет у Менко пятьдесят коров,
А будет ли масло на столе у него?

1936

СТАРЫЙ ОХОТНИК

Рассказ

Жил всю жизнь Самай очень бедно,
И одно имел он лишь богатство —
Было шесть сынов у Самая.
Как-то вышел год неурожайный,
И пришлось выехать Самаю
На охоту вместе с сыновьями.
Приезжают в аил подтаежный.
В том аиле коня оставляют
И уходят вместе на охоту.
На серебряно-серых крыльях
Девяносто дней улетело,
На черных, на ярко-пестрых
Девяносто ночей умчалось.
Возвращается Самай с охоты,
А хозяин, где коня он оставил,
Спрашивает старика седого:
— Какова у Самая добыча?
— Сказать по душе и по правде,
Неплохая была охота.
А кстати, какую цену
За присмотр коня ты назначишь?
— За присмотр? Два соболя только,
А не хочешь, пусть конь остается.
«Без коня до дома не добраться!» —
Так Самай про себя подумал
И отдал просимую долю.
Распростившись, поехал до дома.
За горами солнце садилось,
Красное за высокими пылало.
Доезжают они до Усть-Кана.
В юрту первую Самай заходит,
Спрашивает хозяина юрты:
— Можно ль будет проезжим людям
У огня твоего отогреться
И укрыться от темной ночи?
— Что ж, ночуйте, милости просим.

И заходят в юрту шесть плечистых,
Шесть удалых сынов Самая.
Говорит им хозяин юрты:
— Шестерым места, думаю, хватит,
А седьмому, видимо, придется
У соседей моих попроситься.
— Хорошо, пусть ребята ночуют, —
И Самай пошел по айлу.
Миновал он юрту богатых,
Оглянулся, затем остановился.
«Дай спрошусь, испытаю, что скажут.
Может быть, старика и пустят», —
Так Самай про себя подумал.
И заходит он к Ирбису-баю.
За столом сидели, пировали
Сам хозяин с баем Чекчилом
И купец из Барнаула русский.
Низко кланяется Самай сидящим,
Но они его не замечают.
И Самай про себя подумал:
«Знать, повсюду так бедных встречают,
Как меня здесь, богатые люди.
У порога стою, как собака,
От стыда глаза роняю в землю,
И огнем лицо мое пылает».
Огляделся Самай, осмотрелся,
Видит рядом *топшур* на шкуре
На медвежьей, на темно-бурой.
Взял Самай топшур сладкозвучный.
Тронув струны, песню запел он:
— Деревянной чашкой,
Мною сделанной,
Разве воду ручья
Черпать нельзя?
Эти важные богачи,
Гуляющие бездельники,
Неужели не слышат
Моего приветствия?
Повернулись богачи к Самаю,
Поздоровались важно и чинно
И за стол Самая пригласили.

Топшур — музыкальный инструмент.

А хозяин, богатый Ирбис,
Для приличия спросил Самая:
— Далеко ли, Самай, ты ездил,
За большими, за малыми ль делами?
— Если б малые дела здесь были,
В даль такую бы я не поехал.
Шесть сынов растут у Самая,
За семь душ казне он обязан.
— Какова, старик, твоя добыча?
— Да на подать Самаю хватит.
Наливает богатый Ирбис
Чашку полную старому Самаю.
— На-ка, выпей, Самай, с дороги,
Шуба старая тебя не согреет.
И, вина подав, самодовольно
Запевает, похваляясь, песню:
— Запрягайте поскорее,
Слуги, лучшего коня,
На котором ежжу в гости
Я к начальникам большим.
Шелка чистого рубашку
Мне достаньте поживей,
Ту рубашку мне, в которой
Принимаю я гостей.
А Самай, прослушав песню бая,
Что обидной ему показалась,
Отвечал на песню новой песней:
— Запряги ты хорошего коня,
Не вспотеет ли он,
Пробежав шесть-семь верст
По глубокому снегу вскачь?
Ты из шелка рубашку надень,
Проходи по тайге два-три месяца,
То останется ль на ней
Хоть живое место одно?
Словно он Самая и не слышал,
Ирбис песню запел другую:
— Семьдесят жирных
Крупных волов
Я недорого купил.
И для славы дарю

Николаю-царю.
А рядом со мной
Чекчил сидит, —
Чем прославился он
Перед белым царем?
Тут Чекчил обиделся до злобы,
Ирбису он в свой черед ответил:
— Восьмигранную юрту твою
Я покрою чистым золотом,
Семьдесят волов на остатки куплю
И, как ты, подарю
Тех волов я царю,
И прославленным буду
Больше тебя —
Бая Ирбиса.

А Самай хоть беден был, а весел,
Не стерпел, запел он снова песню:
— Хоть даришь ты царю
По семьдесят голов,
Но славы о тебе
Нет в народе простом.
А волов твоих
Колют близко здесь
И мясо везут
Продавать в Барнаул,
Из рогов делают
Гребешки для нас,
Бедняков простых,
Чесать головы.

А Чекчилу песня Самая
То ли обидной показалась.
Не стерпев, Самаю отвечает:
— У реки Катунь
Нет брода для коня,
И богатству Чекчила
Счету нет.
А что, старый Самай,
Покупать у тебя?

А Самай соболей вынимает
Из мешка и на стол их бросает,
Запевая голосом высоким:

— Три морозных месяца
Стрелял я соболей.
Если есть у вас вино,
Угощайте веселей.
А золото если есть,
Покупайте соболей.

Молчалив был купец барнаульский,
Все сидел потихоньку да слушал.
А когда Самай закончил песню,
Вынимает купец из кармана
Золотую звонкую монету
И на стол монету бросает,
Дорогих соболей забирает.
А хозяин с досады, что ли,
Ирбис-бай запел такую песню:

— Запрягайте, слуги,
Хорошего коня,
Отвезите быстро
Самая домой.
Пусть в аиле скажет,
Что его привез
На коне отличном
Славный Ирбис-бай,
А на путь-дорогу
Налейте ему
Еще одну чашку
Белого вина.
Пусть в аиле скажет,
Что лишь Ирбис-бай
Напоил Самая
Вином допьяна.

Тут Самай не утерпел, ответил,
Голосом Самай запел высоким:
— Пусть конь твой и хороший,
Не довезет он нас.
О том хозяин в песне
Нам рассказал сейчас.
Рукой дрожащей, жадной
Ты подавал вино.
Меня, богатый Ирбис,
Не опьянит оно.

Мой конь, хотя и худ он,
Но знай... Пусть всемером
Домой прибудем скоро
Мы на коне своем.

Ирбис-бай запел в ответ поспешно:
— Зачем же обижаться,
Мой дорогой Самай?
Тебя встречал как гостя,
Как гостя провожу.

И Самай, поняв его увертку,
Не стесняясь, от души ответил:
— Когда не было у Самая
Ни гроша за душой, ни копейки
И не знали, что он имеет
Соболей, похожих на полночь,
Вы его совсем не замечали.
А когда показал добычу,
Зазвенел золотой монетой,
Стал для вас дорогим он гостем.

Так ответил им старый охотник
И покинул юрту богатых.

1953

СЕРЫЙ МУЖИК

Сказка

К богачу приходит наниматься
В батраки мужик, неважный с виду.
— Что, скажи мне, можешь ты работать?
— Все, что нужно. Жать, пахать. Ну, словом,
По крестьянству знаю все работы.
— А еще, чумазий, что ты знаешь?
— Языки животных, птиц, растений.
— Хорошо. Посмотрим. Оставайся.
И случилось, в день осенний, серый
Ехали они широкой степью.
Тихий ветер пробежал по травам.
Говорил хозяину работник:
— Это мне все кланяются травы.
— А что травы говорят, скажи-ка?
— Говорят, кто умный, тот и сильный.
Бай на эти слова не ответил.
Едут шагом, ветер стал сильнее.
По степи, как бы живой, вприпрыжку
Темный шар безудержно катился —
Легконогий, перекасти-поле.
— Эй ты, серый, догони-ка травку!
Да спроси, куда она так скачет.
За травой мужик помчался быстро,
У горы она остановилась.
Постоял он и назад поехал.
Догоняет едущего бая.
Бай спросил, сгорая любопытством:
— Что, мужик, трава тебе сказала?
И куда бежит она, спросил ты?
— На вопрос трава мне отвечала:
«Где живу, туда, мужик, бегу я».
— А еще трава что говорила?
«На котором на коне ты ехал —
Конь хороший, а его хозяин,
Кажется, совсем дурак набитый».
Осердился бай, на землю плюнул

И сказал:
— Хозяином бывает
Тот, кто на коне сидит, не так ли?
А мужик в ответ ему на это:
— Дураком вполне я быть согласен,
Лишь от слов своих не отрекайся,
Этот конь моим теперь пусть будет.
Бай на то ни слова не ответил.
День темнел. Доехали до речки,
Ночевать они остановились.
У реки шумел кудрявый тополь.
Низко, низко проносились тучи,
Мелкий дождик падать стал на землю.
К тополю тогда мужик подходит.
Не стерпел, спросил его хозяин:
— Что ты делаешь, мужик ленивый?
— Ночевать прошусь, и не пускает,
Говорит: «Тут каждый, как приедет,
Остановится да рубит сучья
И кору напрасно сдуру тешет.
А теперь вот если кто без спроса
Под моими темными ветвями
Остановится, тот пусть запомнит:
На того своим корявым телом
Упаду глухою этой ночью».
Сильный дождь пошел из туч холодных,
Бай, любезно и понизив голос:
— Попроси сходи, быть может, пустит,
А то за ночь мы совсем промокнем.
К тополю пошел мужик еще раз.
Постоял, погладил, возвратился.
Бай спросил:
— Ну, что сказал твой тополь?
— Одного меня пускает только,
А тебя, — тебя никак не хочет.
Бай всю ночь лежал под серым небом,
А мужик — под тополем ветвистым.
Утром бай, проснувшись, посылает
За водою мужика на речку.
Встал мужик. Принес воды холодной.
На реке в ведро поймалась рыба,

А когда ту рыбу стал он чистить,
Рыба вмиг из рук его скользнула,
Тонко пискнула, перевернулась,
Жадно ртом хватая чистый воздух.
— Что же рыба говорит с тобою?
— Речь ее, хозяин мой, такая:
«Кто трудился, тот меня и кушай.
На жиру на старом твой хозяин
Проживет, что накопил в безделье».
Так мужик себе зажарил рыбу.
Съел, не дав и хвостика понюхать.
Бай смотрел да чаем обжигался.
После завтрака домой вернулись.
Мужику тут говорит хозяин:
— Вот что, друг. Хотелось мне узнать бы,
Как постиг ты хитрую науку?
И мужик спокойно отвечает:
— Сразу съел три жареных барана,
Три бутылки выпил доброй водки,
А потом одежду снял, разулся,
Три версты бежал без передышки.
— Эвон как! А ну-ка, приготовь мне,
Да скорей, лохмотник, три барана.
Заколол мужик ему баранов,
Над костром старательно поджарил,
Водки взял в разгульном заведении.
Скушал бай своих баранов жирных,
Выпил три объемистых бутылки,
Три шага шагнул, — остановился,
И, пыхтя, сказал он с сожаленьем:
— Вот беда, бежать-то не могу я.

1953

ПРОСЬБА С БИСЕРИНКУ

Сказка

Улыбнулась весна белогорью,
Сняли горы песцовую шубу,
В синь и зелень нарядились горы.
Той весной по стране восточной
Разнеслась молва о Намуне,
Что Намун проникает в тайны,
А в глазах его — радость жизни,
Что Намун из счастливых счастливый.
Долетает молва до хана,
Говорит он своим приближенным:
— Адис-хан хочет видеть Намуна.
Поскакали слуги по царству,
Разыскали гонцы Намуна.
Пас Намун при долине стадо.
В один голос гонцы спросили:
— Ты ли будешь Намун счастливый?
Посмотрел Намун на посланцев
И спросил с достоинством старца:
— Что проезжим нужно от Намуна?
— Адис-хан тебя хочет видеть,
Собирайся, Намун, в дорогу.
Через три дня Адис великий
Услыхал о прибытии Намуна,
Через день повелитель грозный
Пожелал говорить с Намуном.
— Позовите, — сказал он страже, —
Посмотреть хочу на счастливца, —
И на трон золотой уселся.
Входит к хану Намун спокойно
И учтиво кланяется в пояс.
Хан приветное молвит слово:
— Рад увидеть желанного гостя.
— Чем Намун полезен будет хану?
— Как здоровье с далекой дороги?
— Сон и пища со мною в дружбе,
Да и годы мои не стары.

— Расскажи, из какого ты рода,
Где рожден, где очаг твой дымится?
— По рожденью Намун не из знатных.
Я пастух, житель гор я и только.
Мой очаг, моя дымная юрта
У подножья Хамар Дабана.
— Пусть еще мне Намун ответит,
Словом правды поделится с ханом.
— Перед ханом подданный покорен.
— Слышал я, что живешь ты счастливо.
— В жизни к счастью каждый стремится.
— В чем, скажи мне, ты счастье находишь?
— В чувстве меры, в доброте, в разумном.
— Среди людей ты встретил чувство меры?
Ты скорее молнию поймаешь,
Взмахом сабли снимешь с Гималаев
Гордость их, жемчужную корону,
Иль с глубин полных океана
Острием иглы возьмешь песчинку,
Чем ты встретишь в существе двуногом
Чувство меры... Так ли говорю я?
— Сколько мыслей в голове разумных,
Столько, хан, у человека счастья.
— За ответ простой и нелукавый
Скакуном Намуна награждаю.
— Благодарен за честь и за щедрость,
Хан, в коне нужды я не имею.
— Коль Намун коня не пожелает,
Знаком высшим его награждаем.
— Повелители в подданных ценят
Неподкупную совесть и честность,
Властины — правдивое слово.
— В верных слугах нуждаются ханы.
— Где награды, там требуют душу.
— Мне, пастух, твоей души не надо.
— Повелитель, даются награды
За дела достойные, за подвиг.
Моих подвигов нет перед ханом.
— Если высшей награды не хочешь,
Вот возьми ключи от хранилищ,
Серебра там и золота много

И камней драгоценных в избытке.
Забирай, сколько сам пожелаешь.
— Адис-хан, и этим богат я.
Где живу, там сияют мне зори —
Перед ними золото бледно.
Снег вершин под солнцем отрадным
Много ярче серебряных слитков,
А роса на цветах и травах
Самоцветней камней драгоценных.
— Если ценностей, денег не хочешь,
Хан дворец построит Намуну,
Хан рабов предоставит к услугам.
Пусть живет счастливый у хана
Беззаботно, в почете, в довольстве.
— Разреши, повелитель, ответить.
— Говори, говори, счастливый.
— Человеку с совестью чистой
Хлеб чужой царапает горло,
А тому, кто век свой трудился,
Жизнь бездельника — наказание.
— Ты пастух одичалый и только!
— Разреши, хан великий, мне просьбу.
— Что Намун сказать хочет хану?
— У Намуна просьба с бисеринку.
— Пусть хоть с гору, хан готов исполнить.
— Разреши мне хан удалиться.
— Не в обиде ли пастух на хана?
— Нет, мой хан, пастух не в обиде.
— Иль подарки ханские не щедры?
— Почему же... даже очень щедры.
Но милей мне, хан, и отрадней
Речка, горы, дымок тальниковый,
У реки берестяная юрта,
Чем дворец с покорными рабами.

1955

КАРАКОСЬ

Поэма

СОВЕТЫ МАТЕРИ

— Элик, на крепкие ноги вставай!
Алый блеск на лице твоём,
Золотятся молнии глаз.
Милый сын, взглянув на тебя,
Я припомнила юность свою,
Проведенную в людях чужих.
Пусть же молодость будет твоя
Темно-яркой травой весны,
Серебристою с гор водой!
Ты запомни этот рассказ,
Как ты помнишь о пище днем
И об отдыхе в тихую ночь.
Ничего нет на свете трудней,
Тяжелей и прискорбней, сын,
Быть покорным, забитым рабом,
Исполнять тирана закон,
Непосильную дань платить.
Ты запомни этот рассказ,
Как ты помнишь о пище днем
И об отдыхе в тихую ночь.
Старуха смолкла. Тихо поднялась
Ее рука с давно погасшей трубкой
К кисету с табаком. И видел сын:
Она боялась пестрой постучать,
Чтоб выбить пепел. Будто слух ее
Ловил шаги. Суровой непогодой
Вставала перед ней нерадостная юность,
Прошедшая по темным тропам горы.
Насыпав табаку, рука тянулась
К костру за углем. Красный глаз огня
Моргал на трубке. Едкий дым
Туманной струйкой поднимался
И таял в черном дымоходе.
Молчал и сын, а думы старой

Г. И. Чорос-Гуркин. Женский кисет Санаты, сестры Сайму Такачак.
28 лет. 28 мая 1914 г. Б., акв. 33x25,5

Бродили по дорогам тяжелой жизни.
Ему казалось: матери глаза
Кричали в темное пространство
И будто звали издали кого
К сияющему, с гребнем серебристым
Костру из камней драгоценных,
К сердечной, до краев наполненной печалью
И горестной и сладостной беседе.
Метелью звездною клубилась даль,
А возле юрты рыхлые сугробы
Легли песцами пышно-голубыми,
Дымя пушистыми и теплыми хвостами.
Погасла трубка: старое лицо
Рассказом новым оживилось.
— Жили, сын, мы на Лебедь-реке,
Твой отец пас у бая коров,
Мать овчины мяла в тот год,
Шила шубы его семье.
Износилась, состарилась я,
От работы руки болят,
На глазах будто серый туман.
Трудно с речки воды принести,
А из лесу — вязанку дров.
Не пора ли, милый мой сын,
О женитьбе помыслить нам,
О помощнице в юрте твоей?
Э л и к .
Мать, об этом я думал давно,
Да стеснялся тебе сказать.
М а т ь .
Как отец, ты такой же пастух,
И богатство то же у нас,
Трудно будет невесту найти.
Только вспомню, и сердце замрет.
Ходит бедность тропинкой глухой,
Радость бедных живет у костра,
Счастье бедных — хлеба кусок.
Голос бедности — голос дитя
Темной ночью в темном лесу.
Сытый... сытый не слышит его.
Горек хлеб из богатых рук.

Э л и к .
Что же делать? Если бедны —
Духом падать, будем бедней.
М а т ь .
Мяť овчины сил моих нет.
Э л и к .
У меня на примете одна
Очень милая девушка есть,
И скромна, и собой хороша.
М а т ь .
Помни, Элик, одно не забудь:
Красота как видение сна,
Как по осени вянущий лист.
С чистым сердцем невесту ищи,
С кротким нравом, с доброй душой.
Доброта не уходит, как сон,
Не теряет своей красоты.
Э л и к .
Мать, та девушка так хороша, —
Лучше в мире девушек нет.
М а т ь .
Сын мой, девушки все хороши,
Если им восемнадцать лет.
Э л и к .
Каракошь... Нет милее ее.
Я не знаю, что больше сказать.
М а т ь .
Где же вьется той юрты дымок,
Где красуется горный цветок?
Э л и к .
Рядом с нами, в аиле Куюм.
М а т ь .
Кто ж родители девушки той?
Э л и к .
Джюмала.
М а т ь .
А как матушку звать?
Э л и к .
Мать ее померла.
М а т ь .
И давно?

Э л и к .
Каракошь мне сказала, что с год.
М а т ь .
Кто есть, кроме отца, из родни?
Э л и к .
Тоньчи старая, тетка ее.
М а т ь .
Помни, Элик, одно не забудь:
Красота как видение сна,
Как по осени вянувший лист.
Костер погас. Взяв ясный уголек,
Старуха трубку раскурила.
Чадил табак. По звонким красным углям
Порхали бархатные пятна
И синекрылый легкий огонек
Перебегал с сухим и тонким звуком.

ВСТРЕЧА

У коновязи возле юрты,
Звеня удил железом льдистым
И чутко уши наострив,
Ржал конь. Порывистое ржанье
В горах высоких разливалось,
И зорко в горы конь смотрел,
Сверкая черными глазами,
Но табуна он там не видел.
— Что ржешь ты так нетерпеливо,
Кого зовешь ты, беркут горный? —
Сказал, из юрты выйдя, Элик
И стремени рассеянно коснулся.
И неуверенной рукой
Он тронул тонкие поводья,
Направившись к горе лесистой,
Где пасся тучный скот по склону,
А у подножья чистый ключ
Глядел на мир оконцем ясным.
Долина пестрая, и скот,

И голубое серебро
Вершины снежной, величавой,
И тихий темно-синий лес
Цветистым сном ему казались.
Его покинуло веселье,
Покинул сон — роса здоровья.
Задумчиво он ехал по долине,
Не замечая, что над ним
Рукою смугло-серебристой
В избытке сил проснувшаяся юность
Взметнула пурпурное знамя —
С лучистым солнцем посредине.
В час пробуждения любви
В смятенье мысли, кровь и чувства,
И разум покидает нас,
И голосу лишь одному
Тогда бываем мы послушны.
И Элик был ему послушен,
И незаметно для себя
Коня другой тропой направил.
Аил. И сердце у него
Сильнее прежнего забилося,
Понять не мог он, отчего
Надежда, радость затаились
В его душе.
Казалось, он
В испуг, в смятенье погружен.
У коновязи слез с коня,
В горах бледнели краски дня.
Нежданно юрта отворилась,
Навстречу Каракось: она
Была невольно смущена.
А Элик? Мигом на коня
И, стремянем пустым звеня,
Умчался в горы.
Вечер тени,
Как пихты черные, стелил...
Давно уж далеко аил,
А Элик ехал, напевая
Простые песни — сердца крик:
«Смелый парень рода Темир,

Сам не знаю, ехал куда.
А у юрты ее отца
Робким стал, соскочил с коня.
Широко отворилась дверь,
Вышла милая Каракось, —
Стало жарко, слова потерял.
Пот на лбу, на седло скорей.
Быстро, быстро бежала трава.
Горы богаты
Лесом и зверем,
Синие реки —
Серебряной рыбой.
Элик богат
Заботами, думой:
Что подарю
Милой моей?
Сила и молодость —
Добрый калым.
Больше у Элика
Нет ничего».
А Каракось... Она успела
Лишь только вслед ему взглянуть
И с грустью, горестно вздохнуть,
В волненье прошептать несмело
Простые, нежные слова,
Чем кроткая любовь жива:
— Нет, нет... не любит он меня.
Зачем он повернул коня?
Зачем так быстро ускакал?
Зачем ты, день мой, ночью стал?

СВАХА

О ю н ь ч и .
Здравствуй, Каракось!
Как здоров отец твой?
Тоньчи хлопотливая здорова ль?
Скот здоров ли?

К а р а к о с ь .
Все здоровы, живы.
Оюньчи здорова ль?
О ю н ь ч и .
Куст над речкой клонится к воде,
Оюньчи склоняется к могиле.
К а р а к о с ь .
С доброю ли, Оюньчи, к нам вестью?
О ю н ь ч и .
С вестью горькой человек разумный
К другу иль соседу не заедет.
Горе их он про себя оставит.
К а р а к о с ь .
Добрым вестям кто не рад бывает!
О ю н ь ч и .
Оюньчи для рода Катугаса
Никогда не делала худого.
К а р а к о с ь .
Не по госте будто наша юрта?
Араки в ней, сытной крепкой пищи
Не найдется. Скромнен стол хозяйский.
Не обидьтесь, дорогая гостя.
О ю н ь ч и .
Не моим ушам бы это слышать
От красавицы разумной,
Глуп тот гость, который не находит
Угощенья в ласковом привете.
К а р а к о с ь .
Человек приветом сыт не будет,
Оюньчи пусть чашку чая выпьет.
О ю н ь ч и .
Буду я сыта твоим согласьем.
К а р а к о с ь .
С добрым не была я в ссоре.
О ю н ь ч и .
Сходит снег, и реки лед ломают,
В лес веселый прилетают птицы,
Гнезда выют и думают о детях.
Не пора ли и тебе подумать,
Дочь моя, о муже и о детях?
Юности всегда пристойна песня,

Старикам и детям — сказки,
Красоте — богатство и наряды.
К а р а к о с ь .
Он бедный иль богатый?
О ю н ь ч и .
Красоте не с бедностью дружиться.
К а р а к о с ь .
Кто ж такой он?
О ю н ь ч и .
Человек с достатком.
К а р а к о с ь .
Я спросить бы, я узнать хотела:
В дружбе ль щука
С мелкой рыбкой,
А с утенком ястреб?
О ю н ь ч и .
Что, дитя, сказать ты этим хочешь?
К а р а к о с ь .
Не в ладу живет богатый с бедным.
О ю н ь ч и .
Посмотрю я и дивлюсь немало.
В голове твоей слепые мысли,
С языка чужие льются речи,
И не в юрте будто родилась ты.
В бедности ты, дочь моя, засохнешь,
Безо времени краса увянет.
Аргамай не молод, но почетен,
О его богатстве всюду слава.
Каракось ему так приглянулась,
От нее без памяти он ходит.
Передать просил меня, старуху:
«Род ее я награжу по-царски,
И скажи, что дам калым богатый,
Пусть моей женою только будет».
К а р а к о с ь .
Цвет девичий, девичье веселье
Губят ранние заботы.
Дом богатых полон злыми псами,
Узки там широкие ворота,
Тяжки двери, бьют они по пяткам,
Высоки корявые пороги,

Лесенки там узенькие круты.
О ю н ь ч и .
Красоте, разумная девица,
Мир открыт, повсюду ей просторы.
К а р а к о с ь .
Бедность я счастливой не видала.
О ю н ь ч и .
Молода и жизни ты не знаешь.
К а р а к о с ь .
Оюньчи, наверно, не забыла,
Оюньчи обычай старый помнит.
Выйдя замуж, я должна умолкнуть.
Ни родных, ни мужа при народе
Не могу по имени назвать я.
Чегедек — неволю злую женщин —
Не надену, не хочу нарядов.
О ю н ь ч и .
Ты послушай, девица, подумай...
Не надежен бледный лед в апреле,
Пылкий ум у юности не крепок.
Конь, привычный ко тропе опасной,
Седока над пропастью проносит.
Верный опыт за плечами старых,
В старых людях сильны корни жизни.
К а р а к о с ь .
Не всегда бывает старость умной
И неопытной доверчивая юность.
Наше время видит в юных мудрость,
В стариках отыскивает юных.
Каракось не думает о муже,
Понапрасну Оюньчи трудилась.
О ю н ь ч и .
Не по возрасту речиста,
Не по дому девица нахальна.

ЭЛИК И ТОНЬЧИ

Тоньчи.
Далеко ль поехал, милый Элик?
Элик.
В горы, тетка Тоньчи.
Тоньчи.
Заверни-ка к Тоньчи на минутку.
Элик.
Некогда мне, как-нибудь заеду.
Тоньчи.
У меня к тебе есть дело.
Элик.
Говори, я не глухой, услышу.
Тоньчи.
Заходи, я рассказываю, в юрту.
Элик.
Новости, что ль, важные какие?
Тоньчи
Говорю, привязывай гнедого,
Мне с тобою нужно перемолвить.
«Что-то скажет старая ворчунья,
Неспроста зовет она заехать», —
Привязав коня, подумал Элик.
И заходит в дымную он юрту.
Элик.
Здравствуй, тетка Тоньчи!
Тоньчи.
Здравствуй, здравствуй, Элик!
Элик.
Скот, хозяйева здоровы ль?
Тоньчи.
Скот здоров, хозяйева здоровы.
Элик.
Что ж есть лучше, если не здоровье.
Тоньчи.
Проходи, не стой в дверях, как нищий.
Проходи, закуривай, вот трубка.
Элик.
Покурить с дороги не мешает.

Тон ь ч и .
Добрый, крепкий самосад у Тоньчи.
Э л и к .
Что же ты мне скажешь, тетка Тоньчи?
Тон ь ч и .
Я спросить хочу тебя сначала.
Э л и к .
Спрашивай, охотно я отвечу.
Тон ь ч и .
Слышала я стороной недавно,
Будто Элик девушкам пригляден
И характер у него хороший.
Что ты статен и с лица недурен,
Не чужими вижу я глазами,
А своими. Но не только это,
Милый мой, в народе замечают.
Слышала я про тебя другое,
Что окрестных девушек смущаешь.
День их любишь, на другой бросаешь.
Э л и к .
Я смущаю девушек? Каких же?
Тон ь ч и .
Кто их любит, тот их знает больше.
Э л и к .
Пусть мне скажет тетка Тоньчи.
Тон ь ч и .
Каракошь ты разве не смущаешь?
Э л и к .
Что ты, что сказала, тетка Тоньчи?
Тон ь ч и .
Каракошь — я говорю. Иль глух стал?
Э л и к .
Тетушка, а в этом ты ошиблась.
Тон ь ч и .
Кто ж другой, скажи ты мне, виновен?
Э л и к .
По неволе милым не бывают.
Тон ь ч и .
Пожила на свете я немало,
Тетке Тоньчи, Элик, лгать не нужно.

Э л и к .

Я не лгу, а Каракось люблю я.

Т о н ь ч и .

Сын, любовь бывает скудоумна,
О себе она лишь только помнит,
О своих нетерпеливых встречах.
Об укромных уголках, прогулках
Под вечерним сумеречным небом.

Э л и к .

Что ты, тетушка, сказать мне хочешь?

Т о н ь ч и .

Что сказать? Скажу я не плохое,
Слов на ветер тетка не бросает.
Ты ответь мне, не таясь, по правде,
Что ты ходишь всюду безотвязно,
Что, скажи, тебе от девки нужно?

Э л и к .

Каракось возьму себе я в жены.

Т о н ь ч и .

А твоя ли, Элик, это ровня?

Э л и к .

Почему же Каракось не ровня?

Т о н ь ч и .

Потому, скажу тебе я, Элик, —
Ты пастух, и все твое богатство:
На плечах — изношенная шуба,
На ногах — из недубленной кожи
Ичиги с дырявою портянкой
Да на теле грязная рубаха.

Э л и к .

Каракось ведь тоже не богата.

Т о н ь ч и .

Говорю и я тебе о том же.

Что же будет, если бедный Элик
Жить сойдется с нищенкой такой же?
По отцу ты будто не из глупых.
Нет калыма, так зачем жениться?

Э л и к .

Если Тоньчи Элику не верит,
Каракось ты расспроси об этом.

Тоньчи.
Каракось? Да ты в уме ли, парень?
Есть у ней родитель, есть и тетка.
Каракось пока что в нашей воле.
Элик.
Что еще мне, тетушка, ты скажешь?
Тоньчи.
Ты постой... Да что ж это за память!
Элик.
До свиданья, тетка Тоньчи.
Тоньчи.
Каракось, я говорю, не ровня.

ПЕСНИ КАРАКОСЬ

Реки синего Алтая
С ветром легким, голубым
Разнесите по аилам:
Сердце юных — только милым,
Но не старым за калым.
Говорят мне, я прутик зеленый,
Нежно выющийся, гибкий, свежий.
Говорят, мои девичьи мысли —
Грустный дым над горой Надым-Тау.
Мне сказали, что смуглым телом
Я стройнее тонкой камышинки,
Пальцы рук моих — дикие пчелы,
А глаза задумчиво глубоки.
Мне сказали — рыжее пламя
В моем голосе взвилось высоко.
Говорят, что звери и птицы
Понимают голос влюбленных.
Ловит слух мой: «Сияющий прут» —
Про меня по аилам поют...
«Каракось бедна, да умна,
Парням сердце тревожит она».
Много люди всего говорят,
Их речей не могу я понять.

Я здорова и будто больна,
А долина в цветах, зелена.
Мои мысли грустны, как дым
Над высокой горою Надым.
Нет, не мысли! Не знаю я...
С дымкой схожа радость моя,
Может быть, и ошиблась я —
Это тихая нежность моя.
Говорят, запах тела — трава,
Непонятны мне эти слова.
Быть хотела б я мягкой травой
Под твоею, Элик, ногой.
Пчелы дикие — пальцы мои.
Злой язык, лживы стрелы твои,
В зной отраден полет ветерка,
Мягче ветра девичья рука.
Кто, скажите, мои глаза,
Кто неправду о вас насказал?
Где же темная глубина?
Вы и ночью как в небе луна.
Пламя рыжее в горле моем, —
Что же в теле случилось моем?
По груди от рассыпанных кос
Пробегает острый мороз.
Из аила ушла без коня,
По горам проходила полдня.
Слышат звери и птицы меня,
Только Элик не слышит меня.
Где ты, светлый,
Где, косматый,
Бегунец мой
Черно-смольный,
С гривой черною, густой?
Грива мне нужна твоя!
Мгла косматая нужна!
Руки я хочу запутать
В волос крепкий,
Синий, жесткий!

СЛОВО ТЕТКИ ТОНЬЧИ

Д ж ю м а л а .
Где была ты, дочка моя?
К а р а к о с ь .
Я ходила коров искать.
Т о н ь ч и .
Каракось бродит целый день.
К а р а к о с ь .
Тетушка, я смотрела коз.
Т о н ь ч и .
По горам, поди, девица, ходишь,
Беззаботно песни напевая?
Погоди, вот скоро замуж выйдешь,
Потеряешь звонкие ты песни,
Где — сама об этом знать не будешь.
Беззаботность легкую оставишь,
Сладкий сон, девица, ты забросишь
И не станешь так порхать сорокой.
Ты одной рукой доить корову,
А другой держать ребенка будешь.
Где ты целый, долгий день бродила?
Для стола набила б лучше масла,
Ячменю на жерновах смолола,
Присмотрела бы за меньшим братом,
Шаловливым, юрким мальчуганом.
Табак у отцу бы нарубила,
Задымила, разожгла бы трубку,
Накормила бы огонь березой,
На ручей сходила говорливый,
Струй веселых быстро зачерпнула.
В том нашла бы ценный клад для дома
И для мужа будущего радость.
Ты б нашла в работе хлопотливой
Счастье жизни, золото привычки.
А то бродишь, девица, без дела,
От хозяйства ты совсем отбилась.
Песнями ты горы поджигашь.
По кустам царапаешь ты груди,
По пригоркам — бешеные ноги.

Оглянись ты, девка, на тропинку,
Что до юрты парни протоптали.
Вся она, как водопад сыпучий,
Светится зернистыми слезами:
Слезы те твой холод заморозил.
Пробегаешь ты по ним проворно,
Словно легкий ветерок весенний
По ветвям в пушистом перелеске.
Слушай тетку, пожилую Тончи:
Радуюсь лицом твоим веселым,
Вспоминая в мыслях прожитое,
О слезах любви тебе расскажет,
Передаст их речь, а ты послушай,
Ты послушай, девица, подумай...
Там, где нас, рыдая, обронила
Сокрушенно искренняя юность,
Пусть то будет каменное поле —
Родники там чистые пробьются,
Зашумят, зазеленеют рощи.
Светлы росы, мы росы светлее,
Кто нас понял, скажет — дети солнца,
Через нас проходит радость мира,
Через нас любитесь собою
И земля, и человек, и небо.
Ах, дитя, птенец неоперенный,
Что ты мыслишь, думаешь о жизни?
Ты простись теперь, моя былинка,
С резвостью, козою легконогой,
С вольностью, водицею речною,
Беззаботность глупую ты выбрось,
За дверь юрты отнеси подальше...
Ты б, отец, занялся милой дочкой,
Посадил бы к месту непоседу,
Привязал тугим арканом крепко.
Д ж ю м а л а .
Что же я могу поделаться с девкой,
Если замуж выходить не хочет?
Т о н ч и .
Улетит, скажу, твоя певунья,
Выпорхнет веселая, лесная,
С мягким голосом твоя девица.

Д ж ю м а л а .
Это как так выпорхнет? Ты что-то...
Т о н ь ч и .
Выпорхнет, да так, что не увидишь.
Не теряй, старик, мешок с деньгами,
Не разбей посуды с чистым маслом.
Д ж ю м а л а .
Речь твоя мне, Тоньчи, непонятна.
Т о н ь ч и .
Чем старее, тем ты бестолковей.
Что, скажи, тебе в том непонятно?
Знаешь ли, кто девушку заметил?
Д ж ю м а л а .
Что-то ты, сестра моя, сегодня
Так не в меру сильно горячишься.
Как мне знать, что кто-то там увидел
И кому-то дочка приглянулась?
Т о н ь ч и .
Ты, я вижу, стал глухим и глупым
И глаза твои совсем ослепли.
Девку... девку... Дочь твою.
Ты слышишь?
Говорю я, слышишь, кто посватал?
Д ж ю м а л а .
Без меня тут, видно, что-то было?
Т о н ь ч и .
И не стыдно?! Ты отец... О боже!
Про дитя он ничего не знает.
Д ж ю м а л а .
Каракось, ты что-нибудь мне скажешь?
К а р а к о с ь .
Приходила сваха.
Д ж ю м а л а .
От кого же?
Т о н ь ч и .
Аргамаю дочка приглянулась.
Д ж ю м а л а .
Что же вы сказали этой свахе?
Т о н ь ч и .
Без меня была. Я так жалею.
Каракось... Ну, что она ответит?

Ей самой подсказывать все нужно.
К а р а к о с ь .
Я сказала, что на сердце было.
Д ж ю м а л а .
Что же, дочь моя, ты ей сказала?
К а р а к о с ь .
Не пойду за старого, и только.
Т о н ь ч и .
Осмотришься, подумай, наша радость,
Над своею глупостью девичьей!
Женихов не так теперь уж много,
А таких, как Аргамай... В уме ли
Отказаться от такого счастья?
К а р а к о с ь .
Добрая ты, тетушка, спасибо
За совет, за ласковое слово.
Ты мне мать родную заменила.
Не забуду умные я речи.
Память мне слова твои оставит,
Выслушай ты глупую невесту.
Улетело прежнее то время,
Тот обычай больше не вернется,
Когда брали девицу калымом,
Покупали юную, как телку,
Продавали, будто кобылицу,
Увозили без ее согласия.
Красотой владел всегда богатый,
Часто юностью — старик беззубый.
Не по сердцу мне твои советы,
Я их брошу, как без мяса кости.

СВАДЬБА

Д ж ю м а л а .
Что ж сказать мне молодым супругам?
Т о н ь ч и .
Ты отец: поди, найдешь словечко.
Д ж ю м а л а .
Говорить, беда моя, не мастер.
Ну, да ладно, что-нибудь да скажем.
Т о н ь ч и .
Что-нибудь себе бы ты оставил.
Д ж ю м а л а .
В юрте вашей, дети мои,
Пусть живут доброта и любовь,
Дружба мягкие стелет ковры,
Честь и совесть беседы ведут
И ветвится потомство от вас.
Э л и к .
Пейте, гости дорогие, пейте.
К а р а к о с ь .
Пейте, кушайте и веселитесь.
Т о н ь ч и .
Где есть зерна, мышки там найдутся.
Э л и к .
Кушай, Тоньчи, помни нашу свадьбу.
М а т ь .
Два кусточка встали на пригорке,
Два зеленых распустились рядом.
Свежий дождик, напитай их корни.
Э л и к .
Мать, ты что же?
М а т ь .
Малость опоздала.
Ничего, сынок мой, выпью, выпью.
Т о н ь ч и .
Лебеди всегда летают парой.
Э л и к .
Я тебя не понял, тетка Тоньчи.
Т о н ь ч и .
Так же гуси серые гнездятся.

Д ж ю м а л а .
Верно, верно говорит сестрица.
Э л и к .
А при чем тут лебеди и гуси?
Т о н ь ч и .
Словно мы о чем-то позабыли?
По другой пора налить, сынок мой.
Э л и к .
Извините, дорогие гости,
Молодой хозяин позабывчив.
Д ж ю м а л а .
Вот она — неопытная юность!
Э л и к .
Хорошо, что скоро подсказали.
Т о н ь ч и .
Эту рюмку, эту вот, вторую,
Выпьем за хозяйку молодую,
Пусть ей в жизни улыбнется счастье,
Годы юности встречает радость,
Полное, богатое довольство.
К радости, к довольству пожелаем,
Чтоб девчонка за полу держалась,
За другую — черноглазый мальчик,
Третьего бы на руках носила,
К трем еще б с десяток народила.
Д ж ю м а л а .
За здоровье молодой хозяйки!
Т о н ь ч и .
Выпьем, сватьяшка, за молодуху.
М а т ь .
Выпьем, дорогие мои, выпьем.
Э л и к .
Пейте, ешьте да и песни пойте.
Д ж ю м а л а .
Вот какое наступило время:
Без калыма и выходят замуж.
Т о н ь ч и .
Время, время... Ох уж это время!
М а т ь .
Время, Тоньчи... время все меняет.
Кто кичился, — пал с коня в дороге.

Кто пешком шел, — на коне гарцует.
Мы ведь тоже были молодыми,
А теперь состарились. Что ж делать?
Т о н ь ч и .
Вот уж, сватья, ты мне не по духу.
Что, скажи мне, с ними, с молодыми?..
Жизнь у них, а что ж тогда у старых?
Д ж ю м а л а .
Что у старых? А пустые руки.
Т о н ь ч и .
Вот что, братец, я тебе отвечу:
Эти руки не простые палки,
На плечах-то у меня не тыква.
Я живу — так я хозяйка жизни,
И указки мне ничьей не надо.
Э л и к .
Тетка Тоньчи, гостя дорогая,
Ты совсем про рюмку позабыла.
Т о н ь ч и .
Нет, мой Элик, что-нибудь другое,
А про рюмку тетка не забудет.
Э л и к .
Пейте, ешьте, дорогие гости.
Т о н ь ч и .
Выпью, Элик, выпью. Только после.
Кое-что хочу сказать до рюмки,
Во хмелю нескладно говорится.
Э л и к .
Что же ты нам, тетушка, расскажешь?
Т о н ь ч и .
Расскажу вам, люди молодые,
Давние, старинные побаски,
Бабушки и дедушки причуды,
Дорогих родителей указки,
Наставленья добрые соседей,
От себя добавлю два словечка:
Чтобы жизнь была отрадной, светлой,
Много нужно знания и умения,
Опыта и разума немало.
В дом чужой, разумница, ты вышла,
В том дому порядков ты не знаешь,

Неизвестны и его привычки.
Первое, что делай, молодница, —
Ты вставай всегда с веселым солнцем,
За водою поспеши на речку,
Там струей холодною умойся,
Сон стряхни с пылающего тела.
Долгий сон с лица уносит свежесть,
Легкую улыбку и веселье,
В тень глухую прячет искры смеха.
Долгий сон питает жиром бедра,
Ноги — ленью, рыхлою походкой.
Принесла воды, очаг там кличет,
Разбудить он просит в углях пламень,
Хочет видеть шелк его летучий
На поленьях смугло-золотистых
И с водою остроносый чайник.
Разожжешь, иди доить корову —
В зимний холод с доброй горстью сена,
Не забудь с собой сырую тряпку,
Чистой тряпкой оботри ей вымя.
За соски берись ты с мягким словом —
Слово ласки любит и скотина.
Подойди, то молоко в посуду
Процеди, прожаренную в печке,
Или в кадку, где чегень готовишь,
И от мух закрой ты плотно крышкой.
Мимоходом посмотри на чайник,
Закипает — кинь щепотку чаю,
Нет огня — подбрось скорей полено.
В хлопотах не позабудь корову
Отогнать на мягкий луг росистый,
А зимой без корма не оставить.
Любит свекор, любит и свекровья
Снох таких, что в деле расторопны,
Сметливы в хозяйстве и работе,
А в хозяйстве первое — привычки.
Не найдешь их на большой дороге,
На лесной тропинке не поднимешь.
Не растут они цветком на горке,
Ни на поле колосом зернистым,
Потому и дороги привычки,

Мил обычай, дедовские сказки.
Нет и дома без своих привычек,
Нет селенья, где б не жил обычай,
Без пословиц милой, горькой жизни.
Уважай, дитя, привычки в людях,
Соблюдай в дому обычай добрый.
Ты найди сама себя в работе,
А в работе — милые привычки.
В узелок завязывай приметы,
Сказки береги в надежном месте;
Ты клади их в закрома амбара,
Где хранится хлеб для нас насущный.
Песни и пословицы положи ты,
Чтоб душа голодной не осталась.
И о том должны вы, дети, думать:
Вслед за юностью идут подростки,
А у вас им и труду учиться,
Брать от вас примеры и привычки.
Где их нет, там сиротеет поле,
Тощий колос там шумит под ветром,
А привычки — нам родные дети.
Чтоб росли они и красовались,
Им нужны заботливые руки.
Поливают, холят их и кормят
Светлой долей, умным обхожденьем
И достойной, милой всем наградой.
Без наград они хиреют, чахнут,
А затем... затем и умирают.
Где привычки, там и смех, и радость,
Детвора, достаток и веселье,
На гумне и в поле бережливость.
В доме том встречаются человека
Хлебом, солью, ласковым приветом.
Если он с дороги и под вечер,
Говорит ему хозяин добрый:
«Оставайся, путник, заночуешь.
Поздним часом до греха не долго,
Можешь встретить по дороге зверя
Иль убийцу. Человек, он темен.
Отпрягай. Что? Корма нет? Не нужно,
Сена для коня у нас найдется,

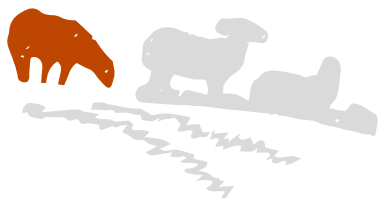
Есть чем и с дороги подкрепиться». Так, дитя, живет в доме добрых, Так-то вот ведется у хороших. Только горе и жене разумной И печаль придет к трудолюбивой, Если муж в жене не видит друга, А свекровь со свекром — человека, Деверья сочтут ее прислугой, А золовки, пестрые сороки, Эти злые в доме стрекотухи, Вертихвостки, заключают беднягу. У худого в доме неуютно, По его жилищу бродит скука, Суется по двору безделье. У плетня — без передков телега, Без гужей хомут лежит в навозе, Задние колеса без чекушек. На гвозде на деревянном вожжи. Как посмотришь, так тебя и тянет Молвить, глядя, доброе словечко: «Видно, черт из камня вил веревку, А не вожжи... Так-то узловаты». И в дому такой же непорядок. Печь озябла, хмурясь, ждет полена, По-за печью тихо спят ухваты, Там кастрюли чем-то недовольны И горшки с надутыми щеками, Кочерга не помнит, что за угли, Пол немытый три подряд недели. Зло железным веником сметает Сор, отбросы. Подметая, шепчет: «Что б вас дьявол... наклубили, к черту! Не прислуга, выносите сами». Мухами засижены там окна, По углам повисли паутины, Под столом рычат, глаза прижмурив, Ссоры — сухопарые собаки. Лают и в обед они, и в ужин, Лают утром с хрипотой, с надсадом. В дом худого добрый не заходит, А сосед не поведет и глазом.

Там зимой не выпросит он снега,
Ни травинки ни весной, ни летом.
Если б знала, что умом вы крепки,
О таких бы людях умолчала.
Слово — цвет, а плод у слова — дело,
Дело — книга у порога дома.
Умный книгу, не входя, читает,
Человека узнает по слову.
Вот вам, дети, старые побаски.
Приплелись тут, может быть, и сказки,
Кто их знает... Все перезабыла.
А еще скажу я вам такое:
Пусть слова мои запомнит Элик,
Молодой хозяин не забудет...
Будь жене всегда во всем помощник
И в делах советник постоянный.
Добрый муж встает с женою вместе,
Глаз один, одна у них забота.
Дом, дитя — душа его хозяев.
Д ж ю м а л а .
Все смешала: присказку и сказки.
Э л и к .
Тетку Тоньчи не совсем я понял.
Т о н ь ч и .
Поживешь среди людей, увидишь.
Люди, Элик, понимать научат,
Дело руки приложить заставит.
Жизнь не тетка, любящая выпить.
Речь ее корява и сурова,
Дышит лютым, северным морозом.
М а т ь .
Правда, правда, дорогая Тоньчи.
Кстати, о себе скажу я слово,
О своей теперь прожитой жизни.
Горько, дети, быть вдовою бедной,
Быть прислугой у людей богатых.
Только вспомню, почернеет сердце.
На работу до зари вставала,
Спать ложилась в сумерки глухие.
Пол казался мягкой мне постелью,
А полено — пуховой подушкой.

Трудно, Элик, жили мы с тобою,
По чужим истратилась я людям.
Без отца нам тяжело приходилось
Добывать сухую горсть толкана.
Зло смеялись надо мной соседи,
А родные вовсе забывали.
Наша юрта стала робкой, тихой,
Словно в ней погас огонь приветный,
Поселился злой мороз, когтистый.
Ее стены будто пошатнулись,
Дверь прямая словно покосилась.
Дочь моя, теперь ты вышла замуж,
В этой юрте новая хозяйка.
Ты послушай материно слово.
Мой совет возьми в дорогу жизни.
К а р а к о с ь .
Говорят в алтайских дымных юртах,
В серых юртах моего народа:
«Слово матери питает сердце.
Что от сердца, в сердце проникает».
М а т ь .
Не забудь, на всю ты жизнь запомни:
Не ходи ты ни за чем к богатым,
Ничего у них не занимай ты.
Если в юрте нет ковша напиться,
Не проси, дитя, напейся горстью.
Если нет ведра сходить на речку,
Ты пойдешь в березовую рощу,
Там коры спроси ты у березы,
Пусть ведром кора березы будет.
Сито ли понадобится часом
Или дрожжи для закваски хлеба,
Дочь моя, пусть ветер будет ситом,
А закваской — ржавое железо.
К а р а к о с ь .
Хоть немного я жила на свете,
Мало знаю, опытом беднее:
Я была батрачкой и прислугой,
С темным горем под руку ходила
И голодной часто спать ложилась,
С злой нуждой встречалась я нередко,

Люди мне богатые знакомы.
Тоньчи.
После бури светит с неба солнце,
После горя радость и веселье,
После рюмки запевают песню.
Мать.
К месту, к месту. Доброе словечко.
Джюмала.
Тоньчи никогда не ошибется.
Элик.
Пейте, ешьте, дорогие гости.
Каракось.
Тетка Тоньчи, ну-ка, по старинке
Запевай, а мы тебе подтянем.
Тоньчи.
Все бы тетка, где же молодые?
Элик.
Тут же, рядом, дорогая Тоньчи.
Тоньчи.
Старым людям вас-то и послушать.
Каракось.
Реки синего Алтая
С ветром легким, голубым
Разнесите по аилам:
Сердце юных — только милым,
Но не старым, за калым.

1933

OXOTA

* * *

Богаты мои глаза,
Сердце и слух богаты.
Сентябрь — пылают костры
Красных осин и берез.
Марал на горах загремел,
Вскинул ветвистую голову
И неба не видит.
Ноздри, как пестрые раковины,
Раскрылись и полны жизни.
Жаркий, призывный голос
Коснулся тела подруги,
И листья, как стая
Птиц перелетных,
Вслед ей шумят.

1925

* * *

Ходит осень... Ай алтын!..
Снег сияет у вершин.
Чистый, чистый, свежий снег,
С кедра падает орех.
Скоро, скоро белковать,
С лайкой хлеб наш добывать.

1926

* * *

Сталь, кремь, зеленый трут, —
Все на поясе живут..
Что им скажет песнь моя?
Неизменные друзья!
Вы — хорошие друзья!

1925

* * *

Синий ветер — лыжи мои,
Синий ветер с горы мохнатой,
Крепко, крепко их подшивал
Молодого оленя кожей.
Лыжи, лыжи мои легки,
Мягкий снег,
Вкрадчивый снег,
Зверь не услышит.

1925

НОВОЕ РУЖЬЕ

Новое купил ружье,
Тонкое, с двумя глазами.
В их сумраке глубоко
Спит золотая змея,
Тусклый, колючий паут
И маленькое облако.
Когда глаза глядят на зверя,
В его костях — тоска.
Сверкнут, и вскрикнет кровь,
И ясный лебедь — белый день —
Летит из глаз широких зверя,
Ему навстречу быстро, быстро,
Стремится жадный ворон смерти.

1927

* * *

Над горами выросла ночь,
Словно кедр над белым потоком.
Пора отдохнуть от охоты,
Дать покой собаке и лыжам,
Добро сделанному ружью, —
Верным в труде товарищам,
Славным помощникам юрты,
Моей восьмигранной юрты.

1924

БУРАН

Схоронились белки по дуплам,
Резвые комочком свернулись.
На приманку горностаи не выйдет,
Он в корнях мышонка поймает.
Не зажжет лиса перелеска
В погоне за робким зайцем.
Жирная не выползет выдра
Из норы ледяной кувыраться
По хрустящему синему снегу.
Густомглистый, с искрами соболь,
Легконогий, не бросит петли
Мягких лапок по рыхлому снегу.

1933

КАРАТАЗ

Каратаз вернулся в избушку,
Каратаз подстрелил косулю.
Каратаз не истратит пули,
Лишней пули на зверя.
Над тайгой голоса завывли,
Чешет косы старая выюга
Частым гребнем сосны и кедра.
Белый пламень в черной избушке,
Каратаз отдохнет от охоты.

1923

* * *

После смерти прах мой схороните
На горе с серебряной вершиной,
Где к потоку много троп звериных,
Как ручьи, к большой реке сбегают.
Пусть хоть заяц на моей могиле
Перекусит тонкую былинку.

1923

* * *

Соболя ловить иду,
Дорогого соболя.
Соболя, похожего на ветку,
Черную ветку кедра, —
Под синим, звонким инеем
В морозную ясную ночь.
1926

* * *

Горы, я купил собаку,
Лес мой, добрую собаку.
Весело с собакой умной!
Радостно с ружьем хорошим!
1924

* * *

Солнце — жаркий мой костер.
Ночь тиха, черна, как соболь,
Шкурою своей мохнатой
Валится на мой костер.
Светлолицый, легкий пламень
Обогрел, сварил мне пищу,
Вспомнилась родная мать.
1925

Б Е Л К А

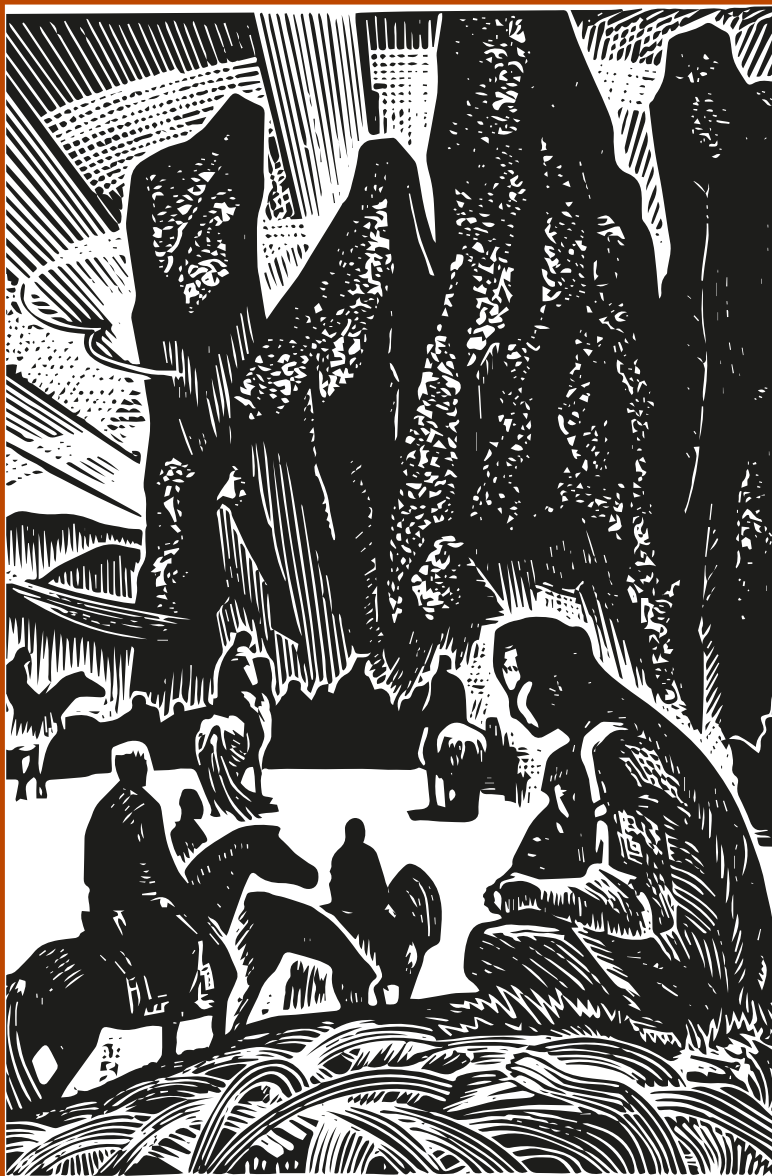
Птицы в лесу замолкли.
Вот уже носит орехи,
Прячет в дупло под корни,
Сушит, смотрю, на остром
Белый грибок, на тонком,
Сером сучке-колючке
Шустрая телеутка.
1927

ЗА ОРЕХИ МНОГО БЛАГОДАРЕН

За орехи много благодарен,
Черный лес!
И за ягоды тебе спасибо,
Мглистый лес!
За избушку много благодарен,
Гулкий лес!
За зверей и птиц тебе спасибо,
Шумный лес!
На прощанье кланяется Ойка,
Добрый лес!
Все сказал. К семье уходит Ойка,
Милый лес!

1925

РАДОСТЬ

НОВАЯ РУБАШКА

Износилась, посмотрю, рубашка,
Старую рубашку надо бросить,
Новую купить рубашку надо.
Славно новую надеть рубашку!
Старая юрта покосилась,
Юрту новую строить надо...
Жизнь отцов совсем изломалась —
Жизнь хорошую будем строить!

1923

* * *

Много в городе муки,
Славная моя хозяйка.
Много белой на базаре,
Славная моя хозяйка.
Брось ты жернов
Глухой, скрипучий.
В город я поеду скоро,
Привезу тебе муки.
Целый мешок
Белой муки,
Белой, как пена
Горной реки.

1923

НА АЛТАЕ ШУМИТ МНОГО РЕК

На Алтае шумит много рек,
Много рек на Алтае течет,
А в Москве большой человек,
Сильный там человек живет.
Слышал я — его Ленин звать.
Он простой, он без золота друг!
Ах, как хочет его повидать
С гор Алтая бедный пастух!

1922

* * *

Посмотрю я на милый свет —
Как цветок, распускается мысль,
Посмотрю на родное дитя —
Веселится сердце мое.
Посмотрю на мужа —
Думы о ласковой ночи.

1923

* * *

Сын уехал в Улалу,
В школу милый сын уехал.
Скоро ли приедет?
Город как живет — не знаю,
Сын мой как живет — не знаю.
Что расскажут горы?
Приходи, спеши, весна,
Приходи, веселая!
Сына приведи скорей.

1924

МИЛАЯ ДЕВУШКА

С незнакомой девушкой
Здравствуюсь поклоном.
С ненаглядной, милой —
Глаз моих сияньем,
Ласковой улыбкой
И махаю шапкой.

1927

* * *

У Темея конь с гривой серебряной,
У любимой косы черные.

У Темея конь быстрый на ногу,
У любимой брови крылатые.

У Темея конь в серых яблоках,
У любимой щеки алые.

1927

* * *

Потеряю честь — и что же?
Я совсем останусь нищим,
Хуже дерева, бедней
В мае дерева без листьев.
Нет, — терять ее нельзя!
Честь со мной и совесть рядом.

1927

* * *

Садагай, не ленись в работе!
Что ты сваришь в котле чугунном?
Будет брюхо твое сердитым,
Да и дров у тебя ни полена.
Садагай, мое слово ты вспомнишь.
У зимы хоть и мягкая шуба,
Есть у ней серебряные когти.

1927

ВСЕ НА КРЫЛЬЯХ

День склонил на отдых
Золотые крылья,
Ночь в тайге проснулась,
Поднялась на темных.
Юность улетела,
А куда? Не знаю.
Вот и годы силы,
И у них есть крылья.
Все-то, все на крыльях.

1927

ПАРА УТОК

Что за птицы там летят?
Это — пара серых уток.
Вслед смотрю, зачем смотрю?

Над горой, где камень сер, —
Серые растаяли.
Вслед смотрел, зачем смотрел?

Горе мне: жена ушла.
Глупая покинула.
Глупую зачем люблю?

1927

МОЙ
АЛТАЙ

ВЫСОКАЯ ГОРА

С высокой горы я вижу просторные дали,
С высокой горы я вижу стада и селенья,
С высокой горы я вижу дороги и тропы,
С высокой горы я путника вижу в долине.
Высокая мысль — поющая птица на ветке,
Высокая мысль — родник на пустынной дороге,
Высокая мысль — дождик над сохнущей степью,
Высокая мысль — дня восходящее солнце.
Высокий душой сердце имеет простое,
Высокий душой радостью мысли питает,
Высокий душой — дитя и опытный старец,
Высокий душой — совесть и думы народа.

1952

УТРЕННИЙ ПРИВЕТ

С ясными глазами день
На сына-юношу похож.
Здравствуй, день веселый!
Здравствуй, все живое!

1927

* * *

Возле лиственниц много народа.
Там не воет ли бубен шамана?
Что-то пестрое глаз мой заметил, —
То не пегий ли конь для жертвы?
Нет, то красная юрта в плакатах,
В широких, расписанных ярко.
Что там кучкой собрался народ?
Избач там читает газету.

1927

* * *

У детей алтайца веселые лица:
Дети учатся грамоте в школе.
Черные заклинанья шамана
Не набросят черных арканов
На чистые мысли счастливых детей.

1933

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-бай,
Птицы спят,
Золотой сгорел закат.
Вечер тих.
Баю-бай,
В сумрак спрятался Алтай.
Баю-бай,
Спят цветы,
Спят над речкою кусты.
Баю-бай,
Спит гора,
И малюткам спать пора.
Спи, росток.
Ой, е ай,
Зло на нас не крикнет бай.

1933

* * *

Морозной зимой быстрые реки
Скованы льдом, как синим железом.
Пестрым летом их чистые воды
Словно нити светлого шелка.
В серый день солнца не видно,
В день безоблачный солнце светит.
Если жить хорошо — как скажешь,
Что живется Санзару худо?

1934

РАССКАЗ МАТЕРИ

Белая и чистая палата.
Снежные подушки, занавески,
Простыни, и тишина такая —
Муха пролетит, и муху слышно.
Врач зашел, и он в халате белом.
Руку взял, спросил:
— А как здоровье?
Отвечаю:
— Со здоровьем лучше.
После няня подошла к кровати.
Няня Анна — с виду пожилая.
Не алтайка, русская, простая.
Как и врач, она меня спросила
О здоровье, не болят ли груди.
А затем... затем уж так душевно:
— Я сейчас. Одну, одну минутку.
Я сейчас. Я принесу малютку.

1952

НОВОСТРОЙКИ

Посмотрю, глазам своим не верю...
Помнится мне узкая тропинка,
Звери здесь на водопой ходили,
Да весна девической рукою
Ивам, наклоненным над рекою,
Вешала пушистые сережки.
Пахли ивы тонким ароматом.
А теперь? Теперь совсем другое.
Станция гудит на речке шумной,
Освещая ровным светом хаты.
А пониже — мельница, хозяйка,
В острозубых жерновах проворно,
Так легко перетирает зерна, —
Добрые в колхозе новостройки.

1952

ЮРТЫ НЕТ

Если солнце погасло за черной горой,
Завтра выглянет, говорю.
Если раньше мой край был заброшен, забыт,
Ожил край мой теперь, говорю.
Если в юрте я жил, как барсук под землей,
Юрта где? Юрты нет, говорю.
Новый дом, окна в нем. Видит горы мой дом,
Снег вершин, видит он, говорю.
А безглазая где? Юрте серой конец.
Отжила, юрте вслед говорю.
Яркий свет, как звезда, ночью в доме моем.
Есть огонь, дыма нет, говорю.
Если друг мой Василий заходит ко мне,
— Слушай, друг, дом смотри, — говорю, —
Дом глазастый, с крыльцом, дом с хрустальной звездой,
Жизнь другая теперь, говорю.

1952

ВЕСЕЛЫЙ ОЙКА

Солнце ходит —
Месяц спит,
Месяц ходит —
Солнце спит.
Ойка, Ойка...
Тоже ходит,
Сам и ходит,
Сам и спит.
Звезды? Звезды —
Бисеринки.
Где ж река?
Зачем туман?
Урожай,
Колхозный праздник...
Ойка выпил,
А не пьян.

Звезды... месяц...
Добрый месяц.
Круглый, медный
И большой.
Я налево —
Он налево.
Я направо —
Он за мной.
Месяц ходит —
Солнце спит,
Солнце ходит —
Месяц спит.
Ойка... Ойка...
Повалился.
И не ходит,
И не спит.

1933

ПЕСНЯ СТАРИКА

Туутан был недавно в Туве.
Туутан тосковал о траве,
Быстроногом степном скакуне
И далекой, родной стороне.
Не пустая в народе молва.
Он гремит, этот город, Тува.
И не дружит он больше с конем.
Нет ни сосен, ни лиственниц в нем,
Кое-где на полянках трава,
А в домах пузыри с огнем,
И от шума болит голова.

1952

МОЙ АЛТАЙ

Как хорош ты весной,
Мой Алтай!
Милый сердцу навек,
Мой Алтай.
Лес твой — темная ночь,
Мой Алтай.
Лес на стройки готовь,
Мой Алтай.
Бурны реки твои,
Мой Алтай.
Силу рек покорит
Мой Алтай.

1952

* * *

На Алтае травы так высоки
И хребты зубчатые высоки,
Реки чисты, словно день весенний,
На Алтае — резвые олени.

1927

КЕДРЫ

Кедры наши — сумрак ущелья!
Кедры наши — мех соболиный,
Сладок орех с белым зерном.
Жирный орех нравится белке.
Летний вечер, ты — черный медведь.
Тонкая луна — коготь орла.
С дальней вершины ветер пришел,
Тихий и легкий, как сон детей.

1925

ЗЕМЛЯНИКА

Две ягоды красных
Спелой, крупной земляники
Глаз порадовали мой.
Стой, Буланка! Рву кровинки,
Лист сорвал я вместе с ними.
Жадно, жадно их понюхал.
Пахнет лист здоровым телом,
Ягоды — лучистым солнцем.

1924

* * *

На родном, на дорогом Алтае
Снег вершин и тает и не тает.
Солнце-мать гуляет в небе синем.
Ветер и сорока на осине.

1923

КАТУНЬ

Резвая моя Катунь,
Белопенная река,
В летний полдень — облака.
Много ходит в ней добра,
Рыб, живого серебра,
Славная моя Катунь!

1927

* * *

Хорошо, вот хорошо!
Я на облако похож.
Эй-ой, эй-ой,
В легкой лодке я плыву.
Хорошо, вот хорошо!
Я совсем похож на горы.
Эй-ой, эй-ой,

Мои плечи — две горы.
Хорошо, вот хорошо!
Я совсем похож на солнце.
Эй-ой, эй-ой,
Пусть я крив, но глаз мой — солнце.
Хорошо, вот хорошо!
Посмотрю, на все похож я.
Эй-ой, эй-ой,
Посмотрю, на все похож я.

1925

КИСТЬ МАЛИНЫ

Здесь медведи не топтали
Трав и дымную малину,
Не помят и не исхожен
Этот мыс дремучий лапой.
Травы! Кисть в моей руке,
Кисть малины в пять клубочков.
Два из них белы и туги.
Три пахучих, будто ветер
С гор в долине в летний вечер.
Ой, малина, вот малина!
Солнцу и земле спасибо!

1924

* * *

Много раз я проезжал
По тебе, тропа лесная,
Пояс пастбищ и хребтов,
Дай спокойный перевал,
Будь ко мне, тропа, хорошей,
Скот мой сбереги, тропа.

1922

ЧЕРЕП

Еду с песней по долине,
Белый череп скалит зубы.
В черепе пророс цветок,
В черную прошел глазницу,
Алым пламенем поднялся
На зеленом тонком стебле.

1928

ГОРНЫЙ ВЕТЕР

Ветер! Ветер с гор подул.
С дальних, синих прилетел,
Вьется, путаясь в траве.
В ветре запахи цветов,
Запах рыжих сосен есть.
Склон горы, пологий склон,
Для коня — хороший склон,
В ветре запахи цветов,
Запах рыжих сосен есть.
Ветер, ветер, передай
Мой привет реке Чилим!
Доброй матери — Чилим.
Рыбу в той реке ловил.

1952

* * *

Пью чегень иль к другу еду —
Широки мои глаза.
Каждую минуту нов
Этот мир, веселый, шумный.
Завтра так же, как сейчас,
Человека, землю, небо
Я увижу в первый раз
И опять их не узнаю.

1928

ДРУГ

Перевод с алтайского

Когда проезжал
Белую долину,
Повод белого коня
Крепко держал я.
Когда я увидел
Близкого друга,
Быстро руку его
Пожать захотелось.
Когда проезжал я
Синюю долину,
Серый конь мой
Играл иноходью.
Когда я увидел
Близкого друга,
От радости сердце
Сильно забилося.
У ослепительно чистого
Коня — снежной масти —
Волнистая грива
Блестит и светится.
У встретившихся друзей
Радостные глаза
Полны сияния.
У серо-облачного коня
Шерсть серебряная.
У долго не выдавшихся
Верных друзей
В разговоре радостном
Слова золотые.

1936

* * *

Наклонился я к ручью,
В чистый воздух ветерковый,
Утолить прохладой резвой
Пересохшую гортань...

И себя в ручье увидел!
Нет румянца на лице —
На лице песок ручья.
Темно-алых два крыла,
Вы когда с лица спорхнули
И куда ж вы улетели?

1923

* * *

Еду, еду на коне.
Ой ли! Еду на Игреньке,
Голос мой звучит.
А поеду ли я завтра
К черноглазой?
Я не знаю.
И увижу ли я завтра
Милый свет мне?
Я не знаю.
Жизнь быстрее реки бессонной.
Что потеряно —
Найдешь ли?
Слава лесу, речке, травам,
Честь и слава
Добрым людям!
Мой высокий сильный голос
Разноси по юртам, ветер.

1952

* * *

В черной ступке обтолкла
Колкий, жареный ячмень,
В жерновах смолола мягко.
Вкусный, сытный мой толкан!
Закипай скорее, чайник!
Чайник, масла принесла.
Чистое масло,
Свежее масло,
Соль готова у меня,
Серебряно-синяя,
Как снег мерцающий
Под тонким месяцем.

1926

ЕДУ В ГОСТИ

Я, Василий, выпил водки чашку,
Я надел из пламени рубашку.
Где мой конь, моя витая плетка?
Еду в гости — угостят ли водкой?
1923

* * *

Девицы Алтая,
С чем сравнить вас,
На коне скачущих?
Я сравню вас, девицы,
С песней, с искоркой в глазу,
С птицей на зеленой ветке.
1926

* * *

Сладостны твои глаза
С влажной, огненной мглою.
Посмотрю и — пламень в жилах.
Ой, глаза! Похожи вы
На глаза косули горной,
Стройной, зоркой, быстроногой.
И сама ты быстронога
И похожа на косулю,
Весела, легка, игрива.
Утро видишь ли свое?
1923

* * *

Месяц, месяц на сосне,
Золотой повис на темной —
Радостно смотреть глазам.
Так и снял бы для девицы,
Узкоглазой, чернокосой,
На сережку для подарка.
1925

СУГДААЛЬСКИЕ ДЕВИЦЫ

Девиц посмотреть хочу,
Девиц сугдаальских гор!
Как я с ними познакомлюсь?
Как вступлю я в разговор?
Сапоги хорошие надену,
А рубашки новой нет.
Я скажу: «Зовут меня Тюргень,
Мне семнадцать лет».

1924

АРГУТСКИЙ ВЕТЕР

Глаз моих искали все джигиты...
Взгляд один — они покорны были
И склонялись, как рога оленя,
На бегу, под выстрелом смертельным.
Много раз джигиты говорили,
Что глаза мои — осенний ветер,
Резкий ветер, северный, с Аргута,
А теперь глаза кострами стали —
Лишь один того не замечает,
И никак он их не называет,
Ни аргутским ветром, ни кострами.
Сердце бы ему за это вырвать!

1923

* * *

Вышла утром —
Крепкий мороз,
Светлым огнем
Горит лиственница.
И я горю золотым
Пламенем любви.
Наверно, сгорю.

1925

ИВАН ЕРОШИН

8
*Интервью с
Кристиной*

ПРОШЛОЕ

* * *

На кусту у самой реки
Сорока домик свила,
Детей вывела.
Вдруг вода прибыла
И гнездо унесла.
Прилетела сорока
И смотрит на куст:
Ни гнезда, ни детей.
И стала сорока причитать:
«Милые дети мои,
Не успели нарядиться вы
В пестро-шелковый наряд.
Где вы, где?
Дорогие дети мои,
Своей пицци не съели вы,
Черно-бархатную шапочку
Не успели надеть.
Где вы, где?»

* * *

Хорошо, если б рыбы Черной реки
Всплыли на поверхность, вскипая.
Ах, если бы эта девица
Вышла за меня без калыма.

Хорошо, если б рыбы глубокой реки
Всплыли на поверхность, вскипая.
Ах, если бы красивая девушка
Вышла за меня без калыма.

* * *

Когда покидала
Дом отца,
Я нарядилась в одежду
Хорошую.
Когда прибыла я

В дом своего супруга,
То за зверя
Меня там считали.
Когда покидала
Дом матери,
В богатую одежду
Я нарядилась.
Когда пришла я
В юрту супруга,
Стали считать меня
За животное.

* * *

Будь ты проклят,
Огнесерый волк,
Истребляющий овец
И молодых ягнят!

Будь ты проклят,
Огнеглазый волк,
Истребляющий скот
И молодых жеребят!

* * *

У меня нет коня,
Чтоб поехать на нем,
Нарядиться
Красивой одежды нет.
Но зато у меня
По отцу есть родня
И любимая песня моя.

У меня нет коня,
Чтоб поехать на нем.
Нарядиться
Красивой одежды нет.
Но зато у меня
Есть по матери родня
И любимая песня моя.

* * *

Зверь с когтями крепкими,
По крепким лесинам лазящий,
Прыток, хорош.
Муж с твердым сердцем,
Средь народов путешествующий,
Славен, хорош.
Зверь с когтями крепкими,
По высоким лесинам лазящий,
Видно, силен.
Муж с умом испытанным,
Средь народов путешествующий,
Видно, он мудр.

* * *

Подо мной мой Гнедко,
Не теряя дороги и бег свой, бежит.
Я, сын разумного отца,
Средь мудрого народа
Буду жить, не ошибаясь.
По степи мой Гнедко побежит,
Будет скусывать вершинки трав.
Сын разумного отца,
Я буду говорить с народом,
Отвечая на мудрые речи.

* * *

Неужели думали вы,
Что на подоблачный Тасхыл
Белый снег не упадет?
Неужели вы подумали,
Что я не умею петь?
Неужели вы думали,
Что на синий Тасхыл
Снег не упадет?
Неужели вы думали,
Что я, молодой,
Не умею петь?

ЛИРИЧЕСКИЕ

* * *

Красиво сшитых моих сапог
Не сниму, пока не пройду по песку...
Не пущу на волю игреневого коня,
Пока не доеду до милой.

Из кожи сшитых крепких сапог
Не сниму, пока не пройду по улусу...
Моего Савраску не пущу на траву,
Пока не доеду до моей любимой.

* * *

Гусь летит, гогочет гусь,
А под крыльями ветер шумит...
Дышит осень, ветер сырой,
Ноет сердце мое.

Лебедь летит, лебедь кричит,
Ветер в крылах его...
Дышит осень, ветер свистит:
Грусть на душе моей.

* * *

Горную чалую козу
Я на горе подкараулю...
А кто споет прекрасную песню,
Я почувствую сердцем.

Горную серую козу
Я на горе подкараулю...
Кто споет разумную песню,
Я внимательно слушаю.

* * *

На широкой степи
Я посеял белый овес,
Чтобы вырос он.
Перед народом песни пою,
Чтоб меня слышали.

На зеленой степи
Я посеял золотой овес,
Чтобы вырос он.
Перед народом песни пою,
Чтоб меня слышали.

* * *

Первый певец:
Быстро бегущий Абакан
Переплывешь, если имеешь коня...
Если ты умный,
В песне победителем будешь.

Второй певец:
Чтоб переплыть резвый Абакан,
Есть для этого лодка...

Чтоб песнями соревноваться,
Имею много хороших песен.

Первый певец:
Хорошо смотреть на цветы,
Рассыпавшиеся по степи...

Как отрадно мне слушать
Хорошую твою песню!

Второй певец:
Прекрасно смотреть в зеленой степи
Рассыпавшиеся цветы...

Как хорошо слушать
Разумную твою песню!

* * *

Намытое золото
В белом Тасхыле
Я приберег, чтоб купить
Новую одежду.
Голос мой легкий,
Высоко взлетающий,
Я приберег
Для веселья вашего.

* * *

С грубой шерстью красная коза
Щиплет на косогоре траву...
Многокосые красные девицы
Песни поют передо мной.

Длинноногая красная коза
У опушки леса щиплет траву...
Длиннокосые белолицые девушки
Песни поют передо мной.

* * *

Если попадутся
Красные козы,
То, подкараулив,
Буду стрелять.
Если попадутся
Хорошие девицы,
То, встав перед ними,
Буду песни петь.
Если попадутся
Серые козы
Мне на косогоре,
Буду стрелять.
Если попадутся
Молодые девушки,
Рядом с ними стоя,
Буду песни петь.

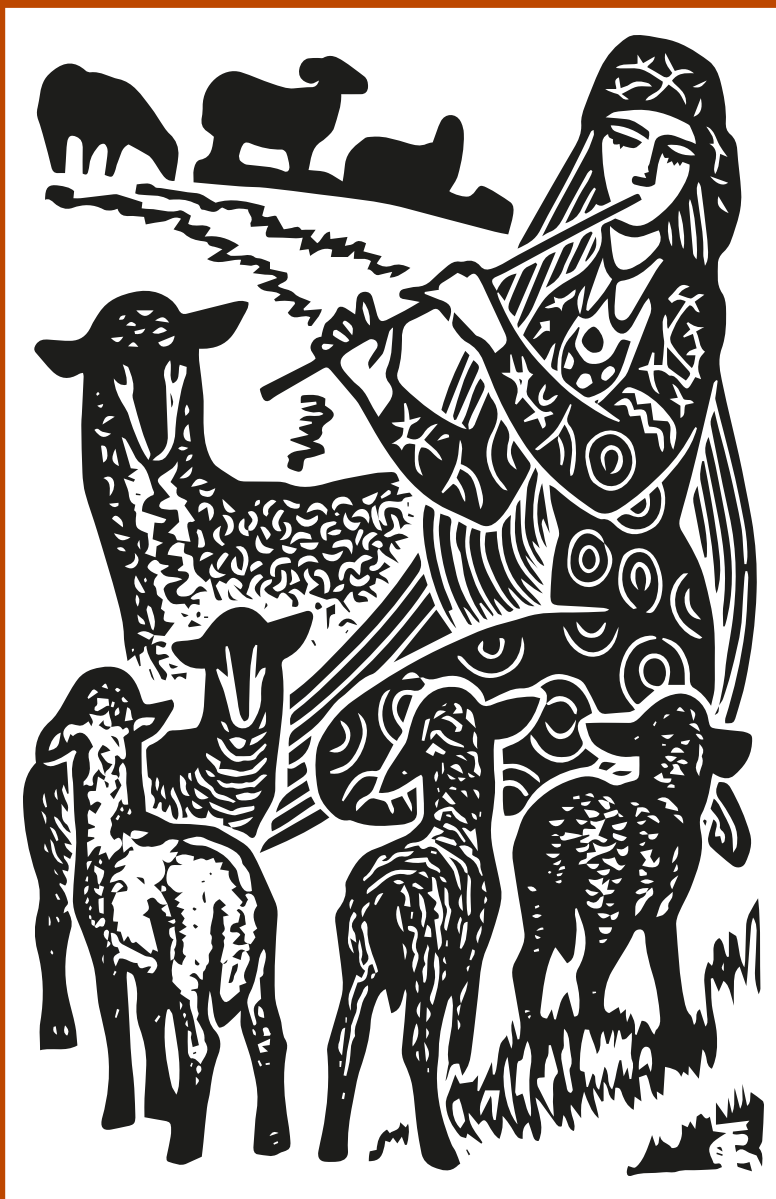
* * *

Если дождик идет,
Трава вырастет зеленая.
Если буду песни петь
Хорошему другу,
Слушать будет он меня
И по песням поймет,
Что плохого во мне,
Что разумного.

* * *

Одежду с серебряной вышивкой
На солнце высушив, нарядился.
Прибывшие из Кузнецка два парня
Даже на меня не взглянули.
Одежду с золотой вышивкой
При луне высушив, нарядился.
Из Аба-Туры прибывшие парни
Даже на меня не взглянули.

Наряжусь в свою одежду,
Поплыву вниз по Абакану.
На шести лесинах,
Вместе связанных,
До Аба-Туры доплыву.
Нарядившись в одежду свою,
Я задумал вокруг света бродить.
Семь лесин я свяжу,
Доплыву до края земли.

ПЕЧИ

* * *

Если б не было островерхого,
Снежного Тасхыла,
То откуда бежал бы
Белый Июс?
Если б девицы наши
Не выходили бы замуж,
То откуда б родились
Люди на белый свет?

* * *

Жирнолапый, бедный волчишка
Все по горам бегают.
Какой лоскутик потеряется,
Все на волка говорят.

* * *

Не сниму бродней кожаных,
Пока не износятся...
Хвастуна, гордеца не выпущу,
Пока не раскается.

* * *

Вино, которое буду пить,
Стоит еще в винной лавке.
Девушка, на которой женюсь,
Живет еще где-то.

* * *

Палтырган — дягиль.

Трава *палтырган*
На одном корне растет.
Песни петь нужно ровным,
Несбивающимся голосом.
Лук полевой
На одном корне растет.
Песни петь нужно ровным,
Несбивающимся голосом.

* * *

Когда в юрте один,
Скучно сидеть.
Когда бесталанный человек поет,
Скучно слушать.

* * *

Хорошо сияет
Ясный, тонкий месяц
В темно-синем небе...
Как приятно видеть,
Что со мною рядом
Девушка стоит!

СОВРЕМЕННЫЕ

* * *

Длинная, длинная эта дорога.
Знать, старики протоптали.
Так что же стесняешься, не поешь,
Коли около нас нет стариков?

Неизмеримая эта дорога.
Знать, наши предки топтали ее.
Кого же стесняешься, не поешь,
Коли около нас нет стариков?

По длинной этой дороге,
Не отдыхая, желаю проехать.
Перед старыми и молодыми
Без стеснения спеть я могу.

По этой широкой дороге
Без сна я желаю проехать.
Перед молодежью и стариками
Смело песню могу я спеть.

* * *

Светит луна
Над всей землей.
Когда песни пою,
Слышит улус.

Светит солнце
Над всей землей.
Когда песни пою,
Слышит весь мир.

* * *

Мой красивый, крашеный стол
Останется там, где я жил...
Мною любимая девица
Останется там, где родилась.
Мой красивый, крашеный стол
Будет стоять в доме моем...
Моя милая, моя любимая
Останется там, где выросла.

* * *

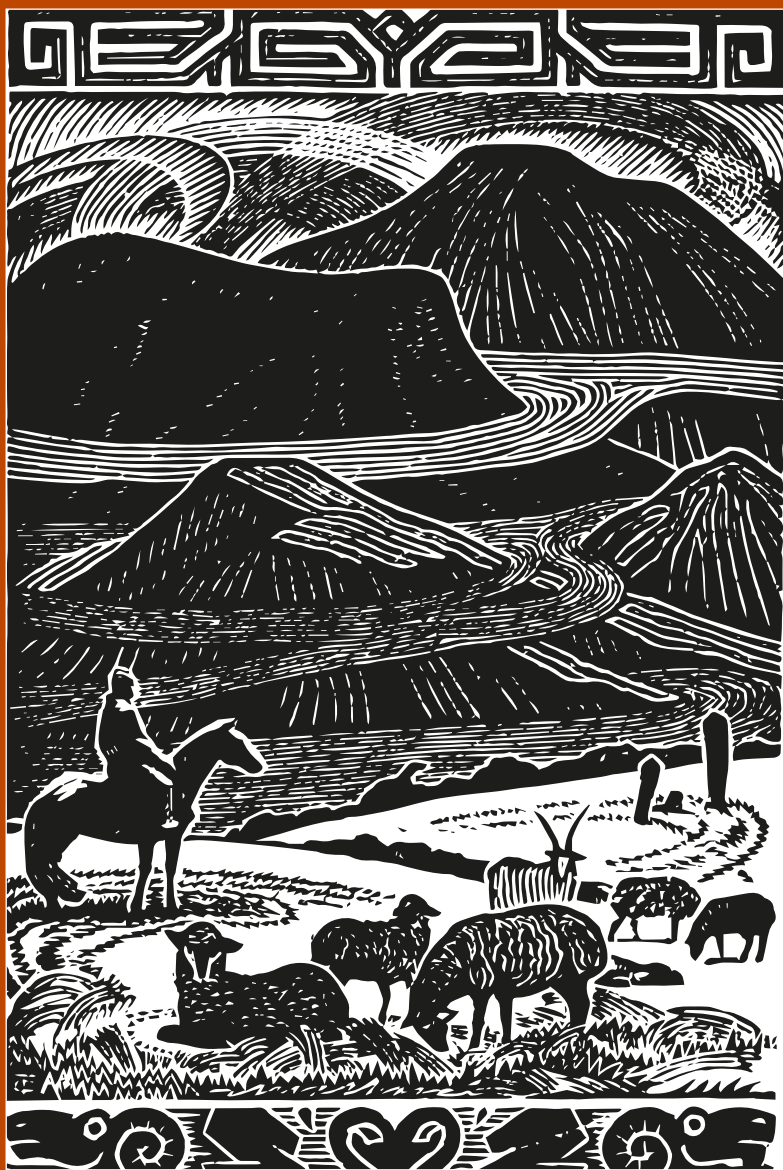
Плавает по озеру красивый селезень.
А где-то ходит моя милая,
Которую я так люблю?

В камышах находится серый селезень.
А где-то находится моя милая,
Моя милая, любимая?

* * *

Дети играют
В зеленом лесу.
Красной смородиной
Лес тот богат.

Девушки играют
В кудрявом лесу.
Красной смородиной
Лес тот богат.

ПОЭМЫ

АЙ МИРГЕН

Одиноким Ай Мирген был,
Охотой занимался.
Приемную сестру имел
По имени Семекчин Арых.
Однажды он на охоту поехал,
С охоты с невестой возвратился.
Сильно влюблен был,
А плохо стал жить.
Ум его в разные стороны пошел,
Как дороги,
Что на перекрестке расходятся.
После,
Как он женился,
К нему никто не заходил.
Вокруг коновязей
Трава поросла.
Вместо дороги
К дому его
Маленькая тропинка стала.
Ай Мирген закручинился,
Хозяйство свое забросил,
На народ не показывается.
Через недолгое время
Жена Ай Миргена
Беременной стала:
Ему теперь
За больной женой ходить
Бабушка нужна.
Девка,
Приемная сестра Ай Миргена,
Семекчин Арых
За бабушкой пошла,
Не нашла
И не хотела искать.

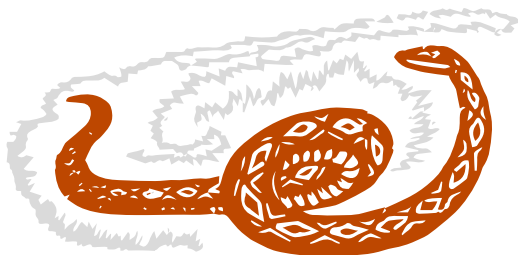
Слишком злая была
Жена Ай Миргена.
Через день, через два ли
В дом заходит старая женщина.
В дверь
Из-за толщины своей
Боком проходила,
Басовитым,
Твердым голосом говорила,
На беременную кричала:
«Лежи, змея! Рожай!»
А у жены Ай Миргена
Сын родился.

..... (нет страницы)

Глаза его
На огонь походят,
И быстры, и чисты;
На руках
Ногти золотые,
И голова золотая.
Хара Ниньчи,
Как его убить, думает
И с собой говорит:
«Не в мою породу пошел,
В отцовскую».
Так мысленно сказав,
К прислуге обращается:
«Этого ребенка возьми,
Полотном заверни,
На вершину
Высокой горы взойди,
Голову ему отруби,
Пусть звери съедят».
Семекчин Арых
Ребенка завернула, пошла,
А сама дорогой плачет
И думает:
«Как она может
Смерти отдать
Дитя такое?»
Семекчин Арых

На вершину горы выходит,
Прохаживаясь,
На дитя смотрит.
А он лежит,
Как солнце, прекрасный.
И видит Семекчин Арых
Четырехугольный, как стол,
Белый камень стоит.
Ребенка она
На камень кладет
И хочет резать,
А руки не поднимаются.
Тогда ребенка она берет
И по вершине горы с ним ходит.
Недалеко от камня
Яма ей попадается.
Холодный северный ветер
Из ямы той дует.
И она бросает
Ребенка в яму.
Бросив,
Семекчин Арых домой пошла.
Долгое время мальчик лежал,
Никого не слышал.
Вдруг видит: черные,
С золотыми головами,
Как звезды горящие,
Две змеи ползут.
Один змей говорит:
«Вот мне и мяса кусок».
Другой змей сердито:
«Фу, паршивая,
Чего ни увидишь,
Все есть хочешь.
Сперва надо узнать,
Потом есть».
Этот змей
Царем был
Среди змеиных царств.
«Если б ты
Вперед меня съела,

Я убил бы тебя.
Этот ребенок
Когда-нибудь
Нашим царем будет,
Кормильцем нашим будет,
А ты его хотела съесть.
Иль забыла ты,
Что Ай Мирген
Нас поил, кормил
И землю нашу поддерживал?
А подлая
Его жена
Хочет убить его.
Сам Ай Мирген
Для жизни пропал.
От нее, собаки злой,
Он ходит безумный.
Что будем делать
С малым дитем?» —
Спрашивает змей.
«Давай так сделаем:
Ты мне его на спину
За крылья привяжи».
Змея привязала.
«А как будем кормить? —
Спрашивает змей. —
Нашим молоком нельзя:
Испортится ребенок».
Змей к белому морю полетел.
Там девушка-богатырь,
Имя ее Алтын Бас.
С золотой головой дитя
Змей на лестницу положил
И сказал:
«Пусть возьмет Алтын Бас
Или кто другой».
И сам улетел.
Когда утром Алтын Бас вышла,
На белый свет посмотрела,
«На меня войной
Кто нейдет ли?» — подумала.

И, по лестнице спускаясь,
Ребенка видит,
Взяла его,
В пазуху положила
И незаметно ни для кого
Домой принесла.
«Дай, — думает, — посмотрю».
Раскрыла и видит:
Ребенок с золотой головой,
С золотыми ногтями на руках,
С глазами, на звезды похожими.
Когда он родился,
Материнской груди не сосал,
Когда в яме лежал, не ел,
А теперь стал поправляться.
Молока хватало,
Много коров было.
И ребенок на глазах подрастал
И начинал ходить.
Прошло несколько времени.
Рост его
Можно было
Каждый день замечать.
Через три месяца
Он стал говорить:
«Спасибо тебе, Алтын Бас,
Милая сестра.
Ты меня поила,
Ты меня кормила.
За твою доброту ко мне
Я тебя не забуду.
Сестра Алтын Бас,
Прошу я тебя
Одолжить мне царскую
На три дня одежду.
На тот же срок
Взять мне разреши
Твоего коня Игреньку
И позволь
Быть мне царем три дня».
Алтын Бас удивилась

И подумала:
«Зачем ему одежда нужна?
Зачем быть ему царем три дня?
Зачем нужен ему конь мой?»
Алтын Бас одежды дает,
Разрешает ему царем быть
И коня Игреного брать.
Он царские одежды надевает,
Берет с царскими законами книги,
Читает,
Коня седлает,
На остров едет.
С острова назад вернулся,
С корнем вырванную березу
С собой привез.
Алтын Бас смотрит,
Что он березой будет делать.
Богатырь в город идет,
Направо и налево
Бьет березой
Женщин, детей, стариков.
Так он едет
И на другой день на остров,
С корнем березу вырывает.
Возвратившись в город,
Народ избивает.
То же делает
И на третий день.
Смотрит Алтын Бас,
Делам его удивляется.
На четвертый день
Мальчик-богатырь
Царские одежды сдает,
Книги законов возвращает,
Коня приводит
И говорит сестре:
«Твой народ
Я за то березой бил,
Что речи обидные о тебе слышал.
В народе говорили:
«Лучше б замуж вышла,

Чем девкой гулящей жить.
Неизвестно от кого
Детей приживать».
Алтын Бас застыдилась,
Скраснела.
А потом спрашивает:
«Откуда ты это узнал?
Ведь ты никуда не ходишь,
Ни с кем не разговариваешь,
Никого из жителей не знаешь».
Промолчал сын Ай Миргена.
Еще больше стала удивляться
Девушка Алтын Бас,
Когда сын Ай Миргена
У порога лег.
Шабур на нем рваный,
Запачканный,
Ни с кем не разговаривает,
Язык отнялся,
Немым стал.
Утром рано по городу
Народ шумит.
«Богатырь, богатырь едет», —
Слышится с улицы.
Алтын Бас думает:
«Если злой богатырь,
Воевать будем.
Если мирный,
То в гости заедет».
В дом Алтын Бас
Молодой богатырь заходит,
Здоровается.
А сопливый ребенок
У порога лежит,
Весь вымазанный.
Вошедший богатырь
Говорит Алтын Бас:
«Жить желаю с тобой».
Алтын Бас стало жарко и холодно.
Зло взяло Алтын Бас,
Но была она сдержанная

И сердцем терпеливая.
А этот мальчик,
Что лежит у порога,
Все знал, все предвидел.
А сейчас он лежит и слушает,
Чтобы не узнали
Ни сестра Алтын Бас,
Ни богатырь приезжий.
Лежит мальчик у порога,
Думает:
«Как быть? Терпеть надо...
Без терпенья добра не будет!»
«Я приехал, Алтын Бас,
Взять тебя:
Готовься в дорогу.
Поедем,
Женой моей будешь», —
Так приезжий проговорил,
Алтын Бас оскорбляя,
Как будто она
Была не девицей.
Мальчик-богатырь
У порога лежит,
Зло его разбирает.
Алтын Бас думает:
«Когда бы он мне
Братом родным был,
Так бы у порога не лежал».
«Сестра, Алтын Бас,
Сряжайся,
Замуж за него иди!» —
Сказал мальчик-богатырь
И замолчал.
«Если бы братом родным был,
Другие бы слова сказал», —
Алтын Бас вновь подумала.
Мальчик-богатырь привстал
И заговорил:
«Я, дорогой зять, не обиделся,
Когда ты при входе в дом
Со мной не поздоровался».

А к сестре обращаясь,
Он так говорит:
«Сестра Алтын Бас,
Хотя я с ним не был знаком,
Все же я
Его за родню считаю
И согласие даю:
Его женой пусть будешь». —
Алтын Бас сердится,
Мальчик-богатырь встает,
На него тошно смотреть:
Весь грязный.
«Значит, зять ты мне будешь? —
Говорит он богатырю. —
Сестра Алтын Бас,
Стол накрывай,
Гостя принимай.
Я хочу с ним побеседовать,
Расспросить, разузнать,
Откуда он,
Какого роду будет
И какую богатырскую
Фамилию носит». —
Алтын Бас накрывает,
Гостя приглашает;
Богатырь садится,
Мальчик-богатырь говорит:
«В доме сестры
За гостеприимным столом,
В беседе мирной,
Богатыря честью спрашиваю:
Какую ты носишь фамилию?
А то будут меня люди пытаться,
Где сестра,
Как я могу ответить?
За кого замуж вышла,
Как я скажу?
И еще я спросить хочу:
Кто у тебя родители,
Из какой ты местности,
Какая у вас река протекает,

Какие горы,
Небо подпирая, стоят?» —
«Наша река —
Белая река...
Гора у нас Ах Тасхыл,
Там, около него,
Отец мой живет.
Конь моего отца бело-сивый,
Имя моего отца
Ах Пора аттых Алып Хан,
Матери — Ах Элен Арых,
Имя коня моего
Хара Хула ат,
Мое имя
Хара Хула аттых Хатых Молат».
На этом слове
Богатырь замолчал.
«Хорошо, мой зять, хорошо».
Мальчик-богатырь,
К сестре обращаясь:
«А ты, сестра моя,
Прекрасная Алтын Бас,
Собирайся!»
Сердится Алтын Бас,
Но ни слова брату не говорит.
«Хара Хула аттых Хатых Молат,
Хорошо,
За тебя Алтын Бас
Можно отдать.
А на мои условия
Согласишься ли?
Не дорогие они, но трудные.
Дело тут пустяшное.
Бороться с тобой
Я не буду.
Мал я еще.
Бороться совсем не умею.
Три щелчка я хочу тебе дать
И больше ничего.
После этих щелчков
Сестру возьмешь

И домой уедешь.
Мы здесь одни,
Богатырей нет,
Смеяться тут некому.
Все дело уладится.
Если хочешь,
На стул садись».
А сам по дому похаживает.
Хара Хула аттых Хатых Молат
На стул сел,
Крепко держится,
А мальчик-богатырь
На лоб смотрит
И говорит:
«Хороший лоб у тебя,
Крепкий,
А у меня вот маленький.
Зажмурься,
А то я могу промахнуться,
Если отвернешься».
Хатых Молат
Глаза зажурил.
«Теперь я щелкну,
Крепко сиди, Хатых Молат!»
Мальчик-богатырь подошел,
Щелкнул.
Хатых Молат
Сразу свалился,
Голова его
Раскололась,
И он скончался.
Алтын Бас удивляется
И сердцем радуется,
Что у нее такой могучий брат.
Мальчик-богатырь говорит:
«Сестра Алтын Бас,
Я зятя убил.
Тебе его жалко ли?
Если жалко,
Могу вылечить,
И он сейчас же встанет».

Алтын Бас ревет,
Руками машет:
«Дорогой брат мой,
Не надо, не надо!
Хорошо сделал,
Что его прикончил». —
«Если тебе его не жалко,
Богатыря к родителям отправим.
Хотя отец его
Будет на меня сердиться,
Мать — плакать».
Берет его, как рукавичку,
На улицу выносит.
Хара Хула ату,
Его коню,
Говорит:
«Не сердись, Хара Хула ат,
Что твоего хозяина убил.
Один щелчок всего дал,
И голова лопнула.
Привяжу я твоего хозяина
К твоему седлу.
Домой его вези,
Не обижайся!
Если Алып Хан
Будет спрашивать,
То ответь ему:
Мальчик-богатырь
Хатых Молату
Один щелчок лишь дал,
И голова его лопнула.
Пусть Алып Хан
На меня не сердится.
А если обидится,
Пусть на меня войной идет.
А возможно, Хара Хула ат,
О моей просьбе
Ты позабудешь.
Я ему напишу
На твоём седле».
И написал он так:

«Очень я сердился,
У меня на сердце
Досада была.
Есть сестра у меня
Алтын Бас.
Вы, Алып Хан,
На людях говорили,
Что Алтын Бас
Без мужа родила.
Мою сестру
На народе
Вы, Алып Хан,
Опозорили.
За это я
Вашего сына убил.
Если думаете мне отплатить,
Можете войной на меня идти!
Ни войны, ни вас не боюсь.
Если золота и мудрости
У вас хватит,
То сына своего лечите,
А когда богатырем стану,
То к вам, Алып Хан,
В гости заеду».
Мальчик-богатырь
Мертвого Хатых Молата
К седлу привязал.
Хара Хула ат
Домой с ним помчался.
А мальчик-богатырь
В прекрасного юношу превратился.
Удивляется Алтын Бас,
Что он бывает плохим
И, как солнце, хорошим.
Говорит богатырь сестре:
«Алтын Бас,
Отпусти меня
На три дня воевать.
Царство есть,
Слышал я,
Царь его

Ахсабдар аттых Ай Мирген.
На него войной пойду.
Это отец мой.
В три дня я войну закончу
И приеду».
Алтын Бас думает:
«Нельзя богатыря
Дома держать».
Ехать ему разрешает.
«Поезжай, — говорит, —
Куда задумал».
А когда отпустила,
Мыслями затуманилась:
«А как он поедет?
Ни коня, ни оружия
У него нет.
Все богатство его —
Из белых овчин овечья шуба
Стремя лунными пуговицами,
Пояс простой, кожаный
Да пряжка серебряная».
Ехать сряжается
Юноша-богатырь
И говорит Алтын Бас:
«Прощай, сестра, оставайся,
Благополучно живи».
Три раза по дворцу прошелся,
На крыльцо вышел,
На небо и на землю смотрит,
И все, что на небе происходит,
Он знает.
С лестницы шагнул,
И Алтын Бас его больше не видела.
В пулю огненную
Богатырь превратился.
Дорога его была
Из белого шелка.
Вскоре он
В царство отца приехал,
На высокую Белую гору,
К белому камню.

При виде камня
Ему припомнилось:
«На этом камне
Спеленутым лежал я.
На этом камне
Мать приказала
Голову мне отрубить.
Здесь я хочу
Отца повидать,
Хотя душа моя
В подземной пещере
У царя Чылан Хана.
Он меня кормил,
Он на человеческий
Путь меня пустил.
Да живет Чылан Хан!»
Чылан Хан из пещеры
Наполовину вышел,
Здоровается
И говорит:
«Алтын Чус, туюхтых
Чибек чилинных
Ах Сабдар ат, конь твой,
Осмотришься вокруг,
Он рядом стоит».
Обрадовался богатырь,
Конь был оседлан,
И оружие на нем было.
Сарыг мюсь чаачах
На седле лежал,
Крепко привязанный,
Стрелы тугие были,
Богатырская одежда
При коне находилась.
Алтын Чус
Шестирядную кольчугу надел,
Кожаным ремнем подпоясаясь,
На одежды свои смотрит:
Впору они ему пришлись.
Стоит,
За шелковые поводья коня держит

Сарыг мюсь чаачах — желтый ро-
говой лук.

И говорит:
«Благодарю тебя, Чылан Хан!
За то я тебя
Дедушкой назову
И никогда не забуду...»
Алтын Чусу Чылан Хан говорит:
«Немного слов я тебе скажу,
молодой Алтын Чус.
Данный тебе конь —
От Белой горы.
У Белой горы дверь есть,
Я отворил и коня привел.
Все время тебя я ждал.
Я знал, что ты сюда приедешь
Своих родителей наказать.
Теперь мне скажи:
Как ты будешь судить их?
Ты богатырь сильный,
Нет сильней тебя.
К родителям ты пойдешь,
А твой отец уже скончался,
Дома лежит.
Наверно, ты его увидишь,
А о смерти его сам знаешь,
Рассказывать не буду.
Когда в дом зайдешь,
Сам увидишь,
Что делается,
И на то не сердись,
Спокойным будь.
Три раза ты будешь здороваться,
По сторонам оглядываться,
Про себя много рассказывать».
Сказав это,
Змеиный царь
В пещеру ушел.
С Белой горы
Алтын Чус спустился,
В дом родителей приходит,
Три раза с матерью здоровается,
Но она молчит,

Привет его как бы не слышит.
Алтын Чус в правую сторону смотрит,
Покрытого кожей дохлого торбака
Отца видит.
А когда отец
Голос родной услышал,
С сыном поздоровался:
«Дорогой сын мой,
До тех пор, пока тебя не было,
Я мертвым был.
Когда голос твой услышал,
Я встал.
А что со мной случится,
Давно я знал.
И о том я тебе расскажу.
В сундуке у меня
Черная книга была.
Три листа бумаги в ней нашел.
Давно я читал,
Когда еще неженатым был.
На тех листах было написано:
Будет у меня сын Алтын Чус,
Мать его, Хара Ниньчи,
Пожелает своего сына убить,
Но он жив будет,
От его голоса отец встанет.
А мать свою он судить будет,
Смерти предаст».
Хара Ниньчи без чувств сидит.
Она могла бы стать змеей, червем.
Когда Алтын Чус
Эти слова услышал,
То мать за косы взял
И на улицу потащил.
«Дорогой отец мой,
Мать свою
Я не могу судить,
Сам ее суди». —
«Не могу и я судить,
Потому что ты
От нее родился.

Пусть ее судит Чылан Хан», —
Так отец сказал.
Алтын Чус на коня сел,
С собой Хара Ниньчи захватил
И к Чылан Хану поехал.
Доезжает богатырь
До царя змей,
Здоровается
И говорит:
«Вот, дорогой дедушка.
Когда я маленьким был,
На Белую гору,
На белый камень
Меня принесла
Семекчин Арых,
В яму бросила.
Долго ль, нет ли
Там я лежал,
Но меня хотела
Бабушка-змея съесть.
Но ты не дал.
Вот я подарок тебе привез —
Мяса кусок.
Как хотите,
Так и делайте».
И в яму бросил.
А там ее змеи
С огненными головами
Вскоре съели.
Алтын Чус и Ай Мирген
Двое остались.
Алтын Чус с отцом прощается
И говорит:
«С народом своим царствуй,
А я по белу свету поеду,
Богатыря буду искать,
По силе равного себе.
И буду борьбу с ним вести.
Если силы не хватит,
Скончаюсь.
А за мной не гонись».

И уехал.
А перед приездом Алтын Чуса
Алтын Хан сыну своему
Хатых Молату говорил:
«Без меня в мой дом
Кто бы ни зашел, ни заехал,
Ты должен принять,
По-доброму угостить.
И что б приезжий ни сказал,
Ты не должен сердиться.
Скоро к нам прибудет
Сильный Алтын Чус.
Помни, сын,
Ты не должен с ним
Ни ругаться, ни бороться.
Сильней его
Нет никого
На всем белом свете, на всей земле».
Заезжает Алтын Чус
На Белое море
К Алып Хану,
Здоровается.
Алып Хан
За стол его садит,
Кушаньем, винами угощает,
Рассказывает:
«Я черную книгу имел,
В черном сундуке она лежала,
В ней было написано:
Будет на свете жить
Богатырь Ай Мирген,
Родится у него сын, Алтын Чус,
Мать его будет Хара Ниньчи,
И съедят ее два змея». —
«Царь Алып Хан,
Ты вот знал,
Что жить будет
На земле Ай Мирген
И у него сын родится.
Имя матери его Хара Ниньчи.
А я вот не знал,

Что с сыном твоим,
Хатых Молатом, встречусь
И его убью.
В тот час, в ту минуту
Сильной злобы во мне не было,
Зря его смерти предал.
От стыда за сестру
Я его убил.
Пусть Алып Хан
Обиды не помнит
И богатырю расскажет,
Какие на свете царства,
Какие богатыри есть». —
«Друг Алтын Чус...
Светло и прекрасно небо,
Широка земля,
И нет ей края.
Глубоко пространство,
И глубину его никто не знает,
И обо всем узнать невозможно.
Есть у нас небо
Бело-синее, шелковое,
Оно прекрасно.
Что есть лучше его на земле?
Есть на свете две сестры,
Две красивые девицы,
Телом на снег похожие,
Но их никто не видел.
Человека на земле нет,
Который бы на них взглянул
Хоть одним глазом
Или хоть с ними
Слово сказал.
Больше ничего не знаю, —
Сказал Алып Хан. —
А сколько царей на земле,
Я знаю.
Первый царь Алтын Хан,
Второй — Кен Хан,
Третий — Ай Хан,
Четвертый — Кун Хан,

Пятый — Пага Хан,
Шестой — Хая Хан,
Седьмой — Колетки Хан,
Восьмой — Хара Хан.
И у каждого царя
По дочери есть.
И есть еще
Царь-девица (Хан Хыз)».
Прощается Алтын Чус
С Алып Ханом,
Проезжает через все указанные
Царем Алып Ханом
Царства.
И ни с кем он в пути
Не спорил, не дрался,
И ни одна царская дочь
Ему не поглянулась.
И прибывает он в царство
Царь-девицы (Хан Хыз),
Заезжает во дворец к ней,
А Хан Хыз сидит,
На сорокаструнном чатхане играет
И песни поет.
Алтын Чус здоровается.
Поздоровавшись, сватается,
Не за себя,
А за отца сватает.
Хан Хыз говорит:
«Где твой отец, Алтын Чус?
За отца, старика, меня сватаешь.
Оскорбил ты меня, богатырь.
За обиду эту
На гору бороться
Тебя вызываю».
Но не могла она
С Алтын Чусом бороться:
Два круга прошла,
Устала.
Рассердившийся Алтын Чус
Путем не мог ее расспросить,
Смял Хан Хыз, поборол.

В дом ее пошел,
Карего коня взял,
Хан Хыз в тороки привязал
И к отцу поехал.
Хан Хыз без сознания стала.
Домой Алтын Чус приезжает,
К столбу коня привязывает,
С отцом здоровается.
«Ну, как живешь, отец?» —
спрашивает.
Отец отвечает:
«Да лучше, чем с Хара Ниньчи». —
«Сходи, отец, посмотри,
Я тебе жену привез». —
Выходит отец и видит:
Рядом с конем сына
Карий конь стоит,
В тороках мертвый человек привязан.
Ай Мирген человека снимает,
На ноги ставит,
В дом ведет.
Отдохнула Хан Хыз,
В себя пришла.
«Деваться некуда», — думает.
Белый платок взяла,
От стыда платком тем закрылась.
«Вот со мной не зашла,
А зашла в дом с тобой.
Видно, свадьбу будем играть», —
Сказал Алтын Чус.
Затем к свадьбе готовиться стали,
Девять яловых коров закололи,
Девять неезжанных кобылиц зарезали,
Пятьдесят молодых баранов обсняли,
Тридцать бочек айрану наварили,
Много разных вин накупили.
Девять дней свадьбу справляли,
К вечеру последнего дня
Гости разъехались.
Был на свадьбе Чылан Хан,
Ай Миргену спасибо говорил,

На прощанье сказывал:
«Алтын Чус будет жениться,
Свадьба его лучше будет».
Через некоторое время
Алтын Чус собирается
По белу свету ездить.
На пути заезжает
К деду Чылан Хану
Спросить в путь-дорогу
Доброго совета.
Дед его спрашивает:
«Куда Алтын Чус едешь?» —
«Еду на поиски
Отменных богатырей.
Своими силами
С ними хочу померяться».
Чылан Хан говорит:
«На свете нет
Таких богатырей,
Которые могли бы
С тобой побороться,
Лучше не ездить.
А вот на свете что есть,
Об этом знаем я
И Алып Хан.
Две сестры,
Две прекрасные девицы
На свете живут.
Одна излучает свет месяца,
Другая — свет солнца.
Проехать туда нельзя.
Никакая птица туда не залетала,
Зверь не забегал,
Конь не заезживал».
На этом их разговор кончился,
Алтын Чус уехал.
Едет он и думает:
«Девиц этих я должен увидеть,
Я на свете единственный
Из сильных богатырей».
Едет он по пути неизвестному.

Никто об этом не мог
Ни знать, ни догадаться.
В прекрасный город он приезжает,
Там прекрасные люди живут,
В цветных одеждах ходят.
В самый лучший дом
Алтын Чус заезжает.
Здоровается.
А в доме том Пага Хан жил.
Старый Пага Хан
На кровати сидит.
Пага Хана жена
В платье одета
Из черного шелка,
В ушах серьги золотые,
Каждая серьга
Доброго коня стоит.
Старуха стол накрывает.
На стол
Черную бутылку с вином
В деревянную чашку ставит.
Берет бутылку,
Вино наливает,
Богатырю подает.
Алтын Чус отказывается.
Выпить не смеет,
Что в бутылке — вода иль вино,
Не знает,
И потому, что Алтын Чус
Вина никогда не пил.
«Я, бабушка, вина не пью,
Молод я еще,
Кушай сама».
Бабушка выпила,
Другую чашку наливает,
Снова Алтын Чусу подает.
«Дедушке подавай», —
Говорит Алтын Чус.
Выпил старик,
Ни слова не промолвил.
Третью чашку

Алтын Чус выпил.
Теперь все трое пьют.
Старуха большую
Чашку наливает, подает.
Пьет богатырь
И забывает,
Куда ему ехать.
Старуха
О прежней жизни рассказывает.
«Куда едешь, Алтын Чус?» —
Спрашивает.
Богатырь невпопад отвечает:
«За этим вином
Все позабудешь». —
«Много не пей.
Если чашкой большой
Угощала я,
Вызвать хотела тебя,
Хотя и без вина знаю,
Ты мне родня будешь.
Слушай, Алтын Чус,
Что буду тебе говорить:
Ты Ай Миргена сын.
Ах Хан
Ай Миргена отец.
Ай Миргена мать
Кун Арых.
А я Ах Хана
Родная сестра буду.
Куда едешь, тоже знаю.
Молодец, что заехал,
Нас, стариков, проведаль.
Сын наш сиротам и бедным
Помогать уехал.
А ты, Алтын Чус,
Напрасно силы тратишь,
Невесту ищешь,
Куда невозможно едешь.
Трудно же будет
Тебе назад возвращаться.
Если будешь сердитым и злым,

Домой не вернешься.
Поезжай, но только не сердись,
Тогда возвратишься.
Кто бы что тебе ни говорил,
Терпи:
Начальником будешь».
Простился Алтын Чус и уехал.
Коня его
Нельзя было бить.
А он поторопился, рассердился
И плетью один раз коня ударил.
Конь вихрем пошел.
Земля и небо
В царстве Пага Хана
Качаются.
Много людей, скота гибнет.
А в это время
Прекрасные сестры,
Что со светом луны одна,
И со светом солнца другая,
Услышали.
«Алтын Чус к нам едет.
Хорошо его надо принять», —
Говорят сестры.
«Это самый сильный богатырь
На всей земле широкой,
Его нельзя сердить, —
Сказала сестра,
Солнца свет излучающая, —
А то рассердится,
Всех побьет и уедет».
Сестры на славу его приняли
И долго с ним беседовали.
«Громко же ты ехал, Алтын Чус,
Сколько скота погубил,
Сколько людей;
Все ты едешь,
Невесту себе ищешь,
Но так ты не найдешь,
Состаришься, и все будешь искать». —
«Я приехал к вам повидаться

И, как брат, поговорить», —
Сказал Алтын Чус.
«Хорошо, Алтын Чус, что приехал:
Повидались друг с другом,
Побеседовали.
Теперь, Алтын Чус,
Домой поезжай.
Сильно долго сидеть
И говорить у нас
Не полагается.
Ты зря не езд
И по белу свету не крутись.
Нет такого богатыря,
Кто б с тобой боролся.
С тобой страшно ездить.
Твои силы — силы огненные,
Ни пуля, ни меч тебя не возьмет,
Домой поезжай.
На девице Алтын Бас женись».
Простился с сестрами Алтын Чус,
Уехал.
К Алтын Бас возвращается,
Здоровается.
«Как можно на сестре жениться?
Она поила, кормила меня», —
Так Алтын Чус думает.
Вдруг дверь отворяется:
Худая, на щепку похожая,
Девка заходит,
Глаза, как свечи, горят,
Нос словно у индюшки,
В грязной холщовой рубахе,
На голове шесть кос,
Похожих на куделю,
По три на каждой стороне.
«Здорово были,
Алтын Чус и Алтын Бас!
Я гостя незваная,
Но на вашу свадьбу приехала.
Я вижу, что свадьбы нет.
Видно, замуж не смеешь выйти?

Давай снаряжаться!
Алтын Чус твоим мужем будет».
Алтын Бас соглашается
И за Алтын Чуса выходит.
А девкой этой
Был царь-змей (Чылан Хан).
Отец, Ай Мирген,
И мать, Хан Хыз,
С радостью детей встречают,
Свадьбу устраивают.
На пир приглашают
Пага Хана, Алып Хана,
А пир готовился на сорок дней.
Пага Хан
На сорока чалых конях
Разных вин привез
И закусок всяких,
На каждом коне
По три бочки было.
Пага Хан на пиру поет,
Весь народ слушает.
За всю свадьбу Пага Хан
Пьяным не был.
Жена Пага Хана
Сорокаведерную
Бочку вина оставила
И поет песню:
«Алтын Чус,
Дорогой сынок,
Позабыл, видно, нас:
Первую б чашку
Ты должен подать
Деду, Чылан Хану.
Вон бочка стоит,
Для него я ту бочку
Оставила».
Алтын Чус бочку берет,
На Белую гору едет.
«Изен, Чылан Хан! —
Говорит Алтын Чус, —
Угостить я приехал тебя».

«Молодец, Алтын Чус!» —
Отвечает Чылан Хан.
«А как пить?» —
«Там дырочка есть,
Воском залитая,
Открой и пей».
Открыл Чылан Хан, потянул.
Горьким вино показалось.
Еще раз потянул,
Веселее стал.
Выпил всю бочку
И начал буяннить.
«Уйми его, —
Говорит Хатых Молат, —
А то нас побьет».
Алтын Чус на Белой горе стоит,
Смотрит,
Гора качается.
Чылан Хан на гору выскакивает,
Землю грызет, царапает.
В улус хочет бежать.
Поймал его Алтын Чус
И в яму бросил.
Чылан Хан там уснул.
Утром встал, голова болит.
Вина, мяса ему дали.
Опохмелился — лучше стало.
Свадьба кончилась.

КЕН ХАН

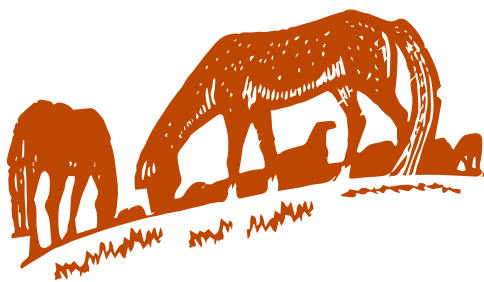
Вырос Кен Хан
Статным.
Славный был конь у него,
Мастью сивый,
Именем Кен Борат.
Жену Кен Хана
Звали Кен Арых.

Весело живет Кен Хан
И прекрасно.
Богат и знатен Кен Хан:
Есть у него
Табун в семьдесят кобылиц,
Мастью сивых,
И табун тот пасет
Прекрасный конь
Кен Бора асхыр,
Но где,
Никто не знает.
И не видят косячного
Кен Бора асхыра.
Только видит его
Сам Кен Хан,
И то изредка.
Живет Кен Хан,
О народе своем заботится.
Но печальна жена его
Кен Арых,
И печален он сам.
Старость близка,
Детей у них нет.
«Кто заменит меня
После смерти?» —
Так думает Хан.
А косячный конь,
Резвый Кен Бора асхыр,
По всему свету ходит,
Осматривает.
Знает он,
Где, какие богатыри
И силы какой.
А боялся Кен Бора асхыр
Только одного
Царя Ай Хана.
А этот царь
Был самый худой
На всей земле.
Кен Бора асхыр
На высокой

Белой горе стоял
И, подумав,
Шагом пошел
К своему табуну.
И увел его к морю
Кен Талай,
А там его встретил
Кен Хан.
И смотрит он
Свой табун,
И сколько, считает,
В табуне том коней.
А кони с горы спускаются
По узкой тропинке
Один за другим,
И легко их было считать.
Одна из кобылиц,
Сивая, отстала,
Сзади идет,
Тихо, тихо,
Назад оглядываясь.
Очень Кен Хан
Был удивлен.
«Почему она тихо идет? —
Спросил он себя. —
И почему она
То с одной стороны
Траву рвет,
То с другой.
Что могло случиться?
Так раньше с ней
Не было никогда.
И почему она
Все хуже и хуже идет?»
Сивая кобыла
Жеребится на ходу.
Вот голова жеребенка вышла,
Жеребенок вымя сосет.
А когда он оставил
Утробу матери,
Вмиг на ноги встал.

Вокруг матери
Три раза обежал,
Вымя пососал
И скрылся.
Кен Хан
Быстро бегущего жеребенка
Больше не видал.
А только заметил,
Как хвост метнулся
И, словно дым, растаял.
Запечалился Кен Хан
И думает:
«Не хорошее дело,
Что на ходу ожеребилась
Сивая кобылица.
Иль конец моей жизни приходит?
Или будет война?»
И могучий конь,
Кен Бора асхыр,
Тоже не видал,
Куда скрылся
И как убежал
Молодой жеребенок.
Табун кобылиц
Напился воды
И вернулся вновь
На вершину Белой горы.
Кен Хан рассердился,
В путь пустился,
Жеребенка искать.
Кен Хан много ездил,
Не мог найти
Не только жеребенка,
Но и следа его.
И тогда он решил
Весь свет объехать,
Жеребенка найти.
Едет Кен Хан,
А ему навстречу
Белая птица летит
Низко, низко,

Что можно поймать.
И вдруг она
Возле Хана крутится.
Свет прекрасный
Из ее перьев исходит.
Удивился Кен Хан,
Коня повернул
И решил птицу поймать.
Хану хочется знать,
Что за дивная птица
Летала вокруг.
А в погоне за ней
Доскакал Кен Хан
До родимых мест,
До горы Аргал.
И птицы не стало.
В дом свой Кен Хан заходит,
Здоровается.
«Здравствуй, Кен Хан!» —
Отвечает жена.
Кен Арых стол накрывает,
Разные вина на стол несет,
Всякие кушанья ставит,
А потом спрашивает:
«Где так долго был,
Долго ездил, Хан,
Что хорошего видел,
У кого был?»
Отвечает Кен Хан:
«Я по белу свету ездил,
Ни у кого не бывал,
Но кое-что видел.
Когда я свой табун смотрел,
То одна старая
Сивая кобылица
На ходу ожеребилась.
И только показалась
Голова жеребенка,
Жеребенок вымя сосал,
А когда утробу покинул,
То на ноги встал.

Три раза мать обежал,
Вымя пососал
И тут же скрылся.
Только хвост мелькнул.
И решил жеребенка найти.
И дорогой поехал,
Навстречу мне
Белая птица летит,
Из перьев ее свет разный светит.
Той птицей я был очарован
И, чтоб поймать, за ней погнался.
Вдруг родные места я вижу,
Вижу гору Аргал».
Кен Арых рассказу его удивилась
И в ответ говорит:
«Коня молодого зачем гонял?
Коли вырастет, богатырем будет
И к нам прибежит.
На старости лет ты с ума сошел:
Своего жеребенка из табуна гонишь.
А вот такую красивую
Птицу ты видел,
А почему не поймал?» —
Так сказала жена, засмеявшись.
И, помолчав, добавила:
«А не он ли, прекрасный
Кен Бора асхыр,
Птицей белой был?
А не он ли Кен Хана привел
До горы Аргал?»
«Может быть», —
Отвечал Кен Хан.
«А слуха твоего не коснулось ли, —
Спрашивает Кен Арых, —
Что некоторые богатыри
Твое царство хотят завоевать,
А тебя и меня в плен забрать?
И что на нас
На коне своем
Богатырь Алтын Тах едет?»
Вестью жены Хан опечалился:

Не ест, не пьет.
Думой встревоженный,
Стол покидает.
А богатырь Алтын Тах
Во владения Хана приехал,
На высокой горе уже встал,
А Кен Хан жил
На реке Кен Талай.
«Хорошо Хан живет», —
Подумал Алтын Тах.
«А ведь слышал я, —
Говорит он вслух, —
Что у Хана жена прекрасная,
Зачем же сразу войной идти...
Не лучше ли вперед посмотреть
Кен Хана честь,
Супругу его,
И его обращение с людьми?
А также спросить, разузнать,
Почему он носит имя Кен Хан?»
На эту мысль богатыря навел
Кен Бора асхыр.
Алтын Тах заходит и кланяется.
«Здравствуй, Кен Хан!» —
говорит богатырь.
«Прошу заехать, проезжий человек.
Если устал,
Можешь у меня отдохнуть.
Если есть хочешь,
Здесь ты пищу найдешь.
Если жаждой томим,
Можешь ключевой воды испить,
Телом освежиться,
Чистым полотенцем утереться».
«Добрые люди здесь, видно, живут», —
Подумал богатырь Алтын Тах.
Кен Арых одета была
В платье из черного шелка,
На голове ее
Цветистый платок.
Алтын Тах за все виденное

И узнанное
За хороших людей их признал.
И в мыслях своих думает:
«С такими людьми породниться надо».
А мысль эту
Кен Бора асхыр подсказал.
За гостеприимство Хана поблагодарив,
Алтын Тах домой уехал.
Ай Хан, Хара Хан, Сарых Хан
Между собой сговорились
Кен Хана убить,
Царством его завладеть,
Потому что нет у него
Прямых царству наследников.
Так решили они,
Но потом страх их взял.
У ханов тех было по дочери.
У Ай Хана — Ай Арых,
У Хара Хана — Хара Ниньчи,
У Сарых Хана — Салачин Арых.
Втайне от родителей
Три девицы решили,
Три незамужних задумали
На Кен Хана войной пойти,
Царством его завладеть,
А Кен Хана смерти предать.
Дочь Хара Хана,
Хара Ниньчи,
Подруг к себе зовет
И говорит им:
«За многие тысячи верст
Есть Белое озеро,
Рядом с ним
Синее озеро.
Там растет
Белая береза
С листьями золотыми,
А на этой березе
Птица сидит
С золотыми перьями.
Птицу эту

Нужно убить:
Это душа
Сына Кен Хана».
Салачин Арых говорит:
«Дело это я знаю,
Но меня опасность берет.
Мой отец решил с ними
Не воевать, не ссориться.
Есть у Кен Хана
Могучий Кен Бора асхыр,
От него нам не спастись.
Всех он заставит
Со смертью породниться».
Девушка Ай Арых,
Дочь Ай Хана, говорит:
«Нельзя нам воевать
Со старым Кен Ханом.
Если узнает
Отец мой Ай Хан,
То всех нас
Сильно за это накажут».
А в это время
Между девушками
Был Кен Бора асхыр
И речь их слышал,
Прицепившись легким
Птичьим пером на окне.
Хара Ниньчи говорит:
«Откуда Кен Бора асхыр
Нас узнает?
Где мы птицею полетим,
Где рыбой поплывем,
Где мышью побежим».
Ветерок дунул,
Перо с окна поднял,
Кен Бора асхыр улетел к ханам:
Ай Хану, Хара Хану и Сарых Хану.
У каждого из них побывал
Под видом пастуха.
На войну девушки снарядились,
Родители их про то не знали.

Хара Ниньчи им говорит:
«Славного сына Кен Хана
Нам не найти,
Теперь он далеко спрятан.
Его душу,
Золотую птицу,
Нам нужно убить».
Когда они поехали
По дороге зла
К белому озеру и синему,
Их на Черной реке
Алтын Мирген поймал.
А в то время
На Кен Хана войной
Хара Ай ат пошел.
Конь у этого богатыря
Темно-соловый
И с крыльями,
Каждое крыло сорок сажень.
И был тот богатырь
Из богатырей самый сильный.
Во владениях Кен Хана
Высокая гора была
Кен Тасхыл.
И на самой вершине
Этой горы
Росла высокая
Богатая береза.
На той горе
Ни одного живого существа не живет.
А около богатой березы
Белый,
С четырьмя углами
Огромный камень,
Похожий на сундук, лежит.
А под камнем тем рос
Сын Кен Хана.
Охранял и растил его
Кен Бора асхыр.
На той березе,
С листьями золотыми,

По ветвям прыгая,
Прекрасные песни пела
Золотая птица.
Хара Айат
Въехал на гору
Кен Тасхыл.
До березы не доезжая
Сажень двадцать,
Остановился,
Рот разинув, смотрит
Глазами широкими
На березу с листьями золотыми.
Стоит и не поймет,
Откуда льется
Голос прекрасный
И кто в ветвях
Богатой березы поет.
К Хара Айат подъезжает
Хатых Молат.
А против них,
В помощь Кен Хану,
Идет богатырь Алтын Тах.
Сходятся Хатых Молат
И Алтын Тах.
От их борьбы шум стоит,
Ничего не видать.
Все то место
Туманом густым,
Непроглядным покрылось.
Долго бились
Алтын Тах с Хатых Молатом,
Обессилели,
И Хатых Молат
Прикончил его.
А Кен Бора асхыр
Мгновенно улетел
К озерам Белому и Синему.
Крепость, дом там построил
И стал охранять
Золотую птицу,
Душу сына Кен Хана,

И силу богатырей,
Что там хранилась,
Под белым камнем.
А перед Хатых Молатом
Вдруг появился
Мальчик, всадник
На бело-голубом,
С золотой шерстью коне.
Хатых Молат смотрит
На коня и мальчика.
Мальчик соску сосет.
Пососав, говорит:
«Ты мне не должен,
Не должен и я тебе
Зачем сюда приехал?
Мать не должна тебе,
Не должен и я.
Зачем приехал
С нами воевать?
А если хочешь,
Давай бороться».
И мальчик с коня
Бело-голубого слез,
Соску на седло поставил,
К Хатых Молату пошел.
Шагнув три шага, вернулся,
Соску взял
И, подбежав, ударил
Хатых Молата.
Усидел Хатых Молат,
Не свалился.
Вслед Хатых Молат ударил.
Крепок был мальчик,
Устоял.
После удара засмеялся
И говорит:
«Крепко ты бьешь,
А будешь ли бороться
Или домой уедешь?
Согласье давай.
После не сердись,

Ты меня убьешь,
Или я тебя».
Сошлись, схватились.
Но мальчик не может бороться:
Мал ростом.
Но когда он боролся,
За это время подрос,
Сила у него прибавилась,
А у Хатых Молата
Сил меньше стало.
Мальчик говорит:
«Бороться хочешь иль умереть?
Любое выбирай».
Хатых Молат молчит.
Мальчик его поднял,
Над головой покружил
И на камень,
С углами острыми,
Бросил.
Тело его на две части разорвалось.
Конь Хатых Молата,
Голову понутив, стоит.
«Беги, куда знаешь, живи,
Хозяина доброго найдешь,
Со мной воевать приезжай».
Конь головой взметнул и скрылся.
А камня вдруг не стало,
И перед богатырем Кен Бора асхыр
Появился
И человеческим голосом заговорил:
«Здравствуй, Алтын Хус,
Сын Кен Хана!
Узнаешь ли ты меня или нет?»
Алтын Хус отвечал:
«Привет тебе, конь богатырский,
Кен Бора асхыр,
Говорящий языком человека!» —
«Живи теперь, Алтын Хус,
Со своим отцом
Жизнью славной, богатырской.
Много лет я охранял

Кен Хана и царство его,
Теперь охранять
Твое время настало.
Запомни, Алтын Хус:
Ты родился вот на этой
Прекрасной горе
Кен Тасхыл.
Не забудь, юный богатырь,
Когда будешь вспоминать
О месте, где ты рожден,
Там река протекает
Кен Талай,
Имя отца твоего
Кен Хан,
Матери — Кен Арых.
А имя дедушки
Кен Бора асхыр,
Имя твоего коня
Алтын Тюхтюх Агоят,
Твое же имя Алтын Хус».
Простился Алтын Хус
Со своим конем
И с Кен Бора асхыром
И домой пошел.
Родители его не узнали.
Когда же сын поздоровался,
То мать и отец его узнают,
Поспешно стол накрывают,
Всякими винами и кушаньем угощают,
За угощением беседуют,
А из беседы узнают,
Что хранил их сына
И кормил
Кен Бора асхыр.
Кен Хан рассказывает
Алтын Хусу о богатырях
И землях далеких.
«Был богатырь, — говорит Кен Хан, —
Сильный могучий Ай Хан,
А теперь он состарился.
Есть богатырь Хара Хан,

Не сильный, но хитрый.
Из рода его родятся
Злые, коварные люди.
И есть на свете белый царь,
С которым я не ругался,
Жил дружно.
Еще есть золотой царь,
Твой дедушка,
Матери отец».
Вдруг они слышат,
С улицы гул доносится,
То народ шумит, говорит:
«Кто-то едет
На прекрасном коне».
Алтын Хус в окно смотрит и говорит:
«Алтын Мирген, золотой царь, едет».
Кен Хан его принял
С царским почетом.
Разными винами угощал.
На пиру Алтын Миргена он спрашивал:
«Славный богатырь,
Могучий Алтын Мирген!
Где, скажи, ты бывал,
Какие страны видел,
Какие приключения пережил?»
Алтын Мирген отвечает:
«Я трех девиц поймал
На Черной реке.
Куда их девать,
Что с ними делать
И как наказать?»
Алтын Хус говорит:
«Кен Бора асхыра
Надо спросить:
Он все знает
И наказание может им дать».
Алтын Хус стол покидает,
На крыльцо выходит
И громким голосом зовет:
«Богатырский конь,
Резвый Кен Бора асхыр,

К нам заявись!»
Конь мгновенно явился
И спрашивает:
«Что вам от меня,
Храбрые богатыри, нужно?»
Алтын Хус отвечает:
«Кен Бора асхыр,
Тебе покоряюсь,
Твоему совету
Всегда внимаю,
Хотел бы сейчас
Его услышать».
Кен Бора асхыр спрашивает:
«В каком совете
Алтын Хус нуждается?»
Алтын Мирген говорит:
«Трех девиц поймал
На Черной реке.
Одну звать Хара Ниньчи,
Другую — Ай Арых,
Третью — Салачин Арых.
Как с ними поступить?»
Кен Бора асхыр говорит:
«На высокую белую гору поедемте,
Там их судить будем».
На Кен Тасхыл они едут,
Кен Бора асхыр говорит:
«А ну, дай посмотрю
Я на этих людей».
Три кожаных шарика бросает —
Три девушки появляются.
Кен Бора асхыр говорит:
«Здравствуйте, девицы,
Молодые красавицы!»
Потом обращается
К Алтын Хусу:
«Хочу я посмотреть,
Как ты будешь людей судить,
Каким судом и как
Зло наказывать?»
Алтын Хус к Алтын Миргену обращается:

«Алтын Мирген, ты их сам суди».
Алтын Мирген отвечает:
«На горе Хара Тас
Их нужно убить
И там сжечь!
Здесь нельзя ни судить, ни казнить...
Кровь злых людей
На горе Кен Тасхыл
Нельзя проливать».
Алтын Хус в ответ говорит:
«Слова твоего, Алтын Мирген,
Не могу отменить.
А по мысли моей,
К своим родителям
Отпустить их надо.
Кен Бора асхыра спросим:
Слово последнее
Пусть он скажет».
Кен Бора асхыр отвечает:
«Ты, Алтын Хус, и ты, Алтын Мирген,
По правде вы их судили.
А коль меня просите,
И я слово скажу.
Если мы их убьем,
То худшее зло сделаем,
Ведь они самовольно уехали:
У родителей не спрашивались,
На наше родное царство ополчились,
Тебя, Алтын Хус, убить хотели».
Алтын Хус второй раз говорит:
«Они меня убить хотели,
Но я жив, не убит».
За Алтын Хусом Алтын Мирген говорит:
«Изо всей силы их догонял,
Мудростью моей с трудом их поймал.
В зверя они превратились,
Быстрой водой бежали,
Мышью прятались.
Если так Алтын Хус решил,
То и я согласен.
Но они, Алтын Хус,

Будут возможность искать
В другой раз тебя убить».
«Но не выбьют же всех, —
Алтын Хус отвечал, —
Кто-нибудь у нас все же останется,
Но тогда врагам в живых не бывать,
С корнем вырвем их».
Кен Бора асхыр и Алтын Мирген
Потом согласились.
Отпуская на вольный свет,
Сказали:
«На Алтын Миргена
Злобы не имейте
И на Алтын Хуса
Не сердитесь».
Кланяясь,
Девушки говорили:
«Никогда не пойдем
На ваше царство воевать,
Родней будемте:
Мы вам — сестрами,
Вы нам — братьями».
Поклонившись,
С радостью уехали.
Алтын Мирген с Алтын Хусом
Прощался тут,
В свое царство направляясь.
Алтын Хус и Кен Бора асхыр
Дома остались.
Алтын Хус ходит,
Табуны досматривает,
Коней и скот пересчитывает,
Домом своим правит.
Думу думает
И народу сказывает:
«Чужие страны я поеду смотреть,
А ты, мой народ, в мире живи».
Кен Хан и Кен Арых дома сидят.
Алтын Хус с собой говорит:
«Надо к родителям пойти,
Совета спросить:

Можно ль мне жениться?»
Едет. Спрашивает:
«Отец и мать,
Сыну посоветуйте,
Алтын Хусу ответьте:
Можно ль мне
В возрасте таком
Думать о невесте, жениться?»
«Почему тебе, Алтын Хус, не жениться?
Вышел ты грудью,
Вышел плечом,
Вышел и умом.
А если наш совет
Тебе недостаточен,
У народа спроси, что он скажет», —
Так отвечали
Родители сыну.
Алтын Хус выходит,
Народ собирает,
Хромых, слепых, калек
Сам во дворец ведет.
Режут тысячи быков,
Из подвалов холодных
Сотни бочек вина выкатывают,
Айран варят,
В ташауры наливают.
Когда пир открылся,
Народ угощал сам Алтын Хус
И у народа спрашивал:
«Кто знает,
Пусть мне скажет:
Где прекрасная девушка живет,
Чтоб можно было
На ней мне жениться?»
За тем же столом отец и мать сидят.
Алтын Хус угощает их
Айраном хмельным.
Кен Хан говорит:
«Царство одно есть,
Белый царь им правит,
Жену его зовут Кен Арых,

Дочь их Алтын Арых.
Теперь у него народ собирается,
Хочет царь замуж дочь отдать.
Со всей земли
Богатыри там съехались,
У каждого богатыря
По доброму коню есть.
Каждый конь
В отдельную конюшню поставлен.
Белый царь объявил:
«У кого конь быстрее
И силы больше,
Пусть тот богатырь
Дочь мою добывает».
Кончился пир, народ разошелся.
Алтын Хус решил по белу свету ехать.
Родители ему говорят:
«Пора тебе, Алтын Хус, ехать».
А конь его к отъезду готов,
Стоит оседланный.
С родителями простившись,
Алтын Хус поехал,
А перед отъездом народу говорит:
«Живи, народ мой,
В дружбе, согласие.
У кого нет коня,
Пусть конь будет.
У кого нет скота,
Пусть скот будет.
Живите хорошо и дружно».
Тронув коня, поехал.
На правом боку у него
Золотая хамчи,
На левом — серебряная.
Хамчи Алтын Хус
Никогда не трогал.
По дороге его догоняет
Кен Бора асхыр.
«Изен-минди! —
Сказал Кен Бора асхыр. —
Куда ты едешь, Алтын Хус, я знаю,

И что думаешь, тоже знаю.
И знаю, что с тобой случится,
Правду тебе говорю,
На Алтын Арых ты женишься,
Богатыри тебя и белый царь
Дожидаются.
А чей конь на бегах
Вперед придет,
С хозяином того коня
За царскую дочь
В борьбу ты вступишь.
Когда приедешь, то увидишь там —
Все кони
Будут хорошие,
Среди тех будет мохнатый конь,
Масти черно-бурой,
Собой страшный,
Седлю на нем без потников, деревянное,
Подпруги из старой веревки,
Стремена деревянные,
Уздечка из лыка,
Хвостом к поленнице дров привязан.
Хозяин коня на вид ничтожный будет:
Одежда на нем рваная,
Обувь изношенная, худая,
Глаза у него красные.
А когда войдешь,
Знакомых среди богатырей не увидишь,
А тебя они будут знать
И все здороваться.
Богатырь, маленький мальчик,
Будет тебя всячески срамить,
При богатырях обзывать.
Помни, тот богатырь
От народа послан.
И будет он с вами бороться
И всех победит».
Алтын Хус с Кен Бора асхыром попрощался
И дальше поехал.
..... (нет 10 страниц)

ХАТТЫХ ТЕМИР

Поэма-сказка

Ал закат, в долине мгlisto, месяц-льдинка светел, юн.
Капргасов род справляет шумный и богатый тун.
Словно звезды в зимнем небе, возле юрт костры блестят.
От котлов, кипящих тихо, мяса, лука аромат.
От айрана пахнет сыром, вкусен пенистый айран.
Свежий, в кадках он дымится, словно над рекой туман.
Гости шумны, говорливы, веселится молодежь.
Там, где хмель, смелее речи и труслива часто ложь.
Вдруг в неясный громкий говор страстно песня ворвалась.
Все в мгновение замолкли, покорила песни власть:
«У князей роскошные палаты.
Говорят, что всем они богаты.
Ходит слух: по пышным их покоем
Бродит немощь, с причитаньем воя:
— Ой, палаты, крылья нашей славы.
Никнут, вянут, как в засуху травы.
Что нам делать?.. Нет болезни злее.
Наши девы извести белее.
Юноши, о горе, рыхлы, вялы,
А когда-то лица были алы.
Все твердят: князя лишь только пища
Для давно готового кладбища».
— Этот выродок Мултана всюду сеет семя зла, —
Так сказал один из братьев, смуглый, как монгол, Чула,
И озлобленно добавил: — Эй, оскребок нищеты!
Чьи ты басни там читаешь, проповедуешь что ты?
Гости все переглянулись, а Темир спокойно встал.
Всех окинул смелым взглядом и с достоинством сказал:
— Что ж, охотно я отвечу. Кто вам табуны пасет?
Кто вам делает овчины, обувь и одежду шьет?
Для скота готовит сено? Что ж молчишь? Иль стал немой?!
Кто везет орех, пушнину? Кто? Не наш ли бедный брат?..
Чьим трудом, хотел бы знать я, Капргасов дом богат?
А еще хочу спросить вас: за один клочок травы
Почему, скажите, братья, платим подать, как и вы?
Отвечайте, ложь отбросив, прав ли тяжкий тот закон?

Поэма начата 13 октября 1937 г. Первый вариант окончен 29 октября 1937 г. Второй вариант кончен 31 января 1938 г. Третий вариант начат 31 января 1938 г. Окончен 18 марта 1938 г. Четвертый начат 19 июня 1938 г. Окончен 8 августа 1938 г. Запись сделана рукой И. Ерошина. Конец рукописи отсутствует. Название поэмы сохранено в авторском варианте, хотя в соответствии с этнолингвистическими представлениями хакасского народа имя главного героя звучало бы «Хатых Тимер» (твердое железо).

Для кого царем он издан и кому на пользу он?
На родные горы взглянешь — чьи пасутся табуны?
И не ваши ли карманы звонким золотом полны?
Не тобой ли мы и живы? Если бы не ты — беда?!
Не своими ли считаешь капргасовы стада?!
Кто обиды нам наносит, пишет он их на песке,
Получающий обиды — вырезает на клинке.
— Да. Так вот о чем поешь ты. Что ж, куда понятна речь.
Не себе ль, искатель правды, ты готовишь нынче меч? —
Процедил сквозь зубы, хмурясь, старший из семьи Чатых.
Больше не сказав ни слова, он сидел, угрюм и тих.
И Темир гостей покинул, снова оживился тун.
Только песня не звучала, не звенели струи струн.
Разошлись хмельные гости. Говорит Чула: — На нас
Выпустит когда-то когти этот смелый, дикий барс.
Перед кем, скажи мне, трусить? Что в руках имеем мы?
Написать письмо, и только. Крепки стены у тюрьмы.
Он злопамятен, настойчив, и характером он дик.
Пусть. За песни и за речи вырвал бы ему язык.
Дай перо мне и бумагу. — Сел Чатых, к столу склонясь,
Страж порядка и короны, верных друг, великий князь.
— Не оставьте нашей просьбы: там, где вьется Ай-Июс,
Незаметный, вам неизвестный расположился улус.

**ЗАГАДКИ
И ПОСЛОВИЦЫ**

В воде — целая степь, из воды выйдет — целая горсть
(конский хвост).

Когда ляжет — ниже собаки, а встанет — выше коня
(дуга).

С горы катится щепка
(гребень).

Открою шкатулку, достану золотце
(орех).

Открою — беленькое, съем — сладенькое
(орех).

Со змеиным ртом и гладким телом
(чайник).

Тетка Марья на том свете, а сережки ее под солнцем
(сарана).

Один говорит — пойдем, другой говорит — ляжем
(вода, камни).

На лесине горит огонь
(свечка).

Степан, ушедший утром, возвращается вечером
(ставни).

Днем болтается, вечером в норку заходит
(засов ставни).

Расколол скалу — оттуда голый парень выскочил
(костный мозг).

И сзади тянет, и спереди тянет
(дремота).

Идет яловая, возвращается беременная
(ведро).

На косогоре сидит собака
(нос).

Под яром полбалагана
(ухо).

Длинная катушка не могла докатиться до конца
(дорога).

Пеструю, шелковую опояску нашел и не могу в руки взять
(змея).

Имеет красивый бег и черносуконную шапку
(сорока).

На косогоре висит задавленный ястребок
(пуговица).

Грудь пуста, горла нет, а голос певучий
(чатхан — музыкальный инструмент).

Пущу в табун — не ржет, пущу в траву — не ест
(лыжи).

Не имеет языка, а обо всем рассказывает
(книга).

Длинную свою веревку я не мог собрать
(дорога).

С неба падает Тикпежек и ногами дрыгает
(паук).

Имеет кисть в один обхват и кудрявую голову
(прялка).

Падает с неба, как подпилком обточенный
(град).

Гремя и стуча идет кочевье. Конь идет под серебряным седлом, идет девица, обшитая перламутром, накинув аркан, не удержишь
(ледоход).

Где нога, где голова — ни за что не найдешь
(яйцо).

Что такое быстрее быстрого, слаще сладкого?
(мысль, сон).

Туда-сюда побегал, золотых сережек насобирав
(ягоды).

Длиной — чуть больше метра, а голос за горой слышен
(ружье).

Под водой светлые камешки
(рыбы глаза).

Ростом меньше, но меня, подняв, бросил
(стремена).

В окошко влез по полгруды
(ключ).

Сама меньше меня, но одевает меня
(иголка).

Между тридцатью березами заблудился конь
(язык).

Черный пороз рассердился и стену насквозь прободнул
(гвоздь).

Между пятью березами выплыл месяц ясный
(перстень на руке).

Одна сопка и вся в дорожках
(косы на голове девушки).

На льду посеял пшеничную муку
(снег).

Пустил своего лося, взялся за хвост
(плуг).

Одну бросил, целую горсть взял
(зерно).

Дам я пуговку перламутровую — донесешь ли до дяди?
Дам я медную пуговицу — донесешь ли досюда?
(горячий уголь).

Сто овец утонули, а пастух Чузельдей за ними нырнул
(крупа и поварешка).

Хоть слышишь, что я ругаюсь, а меня не увидишь
(ветер).

Полон двор белых овец
(зубы).

Вход нашла, а выход не нашла
(рыба в морде).

Маленький черный камешек далеко виден
(глаз).

С широкими ушами и черными кистями
(черемуха).

Длинное бревно вост, а конец в моей руке
(чатхан).

Четверо сыновей Теремея прокладывают путь
(ноги коня).

Единственный сын Чаломая идет, воюет
(плетка).

Карька на привязи, плетка в тороках
(ковш в ведре).

Три парня в одной опояске
(таган).

Одна бабушка бегала, бегала и в угол прислонилась
(метла).

Вокруг света обежала, но не вспотела
(телега).

Захар лежит, задрал ноги
(деревянный козел).

Растянешь — целая степь, соберешь — один обхват
(повод).

Золотоголовый парень сидя скончался
(свечка).

Вокруг дома шелковую нитку обтянул
(мох в пазу).

Два ворона сидят и клювами друг друга задевают
(ножницы).

Бурая корова пыхтит, шуршит и ляжками шлепает
(кожаные сумы на коне).

Не видит ни солнца, ни луны, а высотой с дерево
(сердцевина дерева).

В поле жирная чурка лежит
(барсук).

Белоголовый дедушка сидит
(пучка в цвету)

Где встретишь такие высоты, чтобы не мучился оседланный конь? Где найдешь таких баев, чтобы не мучили батраков?

Для иноходца всегда есть путь, для лгуна — разговор.

Не точи то, что не станет острым, не учи того, кто не слушает.

Кто любит трудиться — у того всегда губы в сале, кто любит лениться — у того вечно голова болит.

Не торопись за столом, а торопись в пути.

ИВАН ЕРОШИН

Интервью с писателем
8

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В данном разделе помещены избранные стихи с посвящением друзьям, воспоминания современников о поэте и человеке Иване Ерошине. Своеобразный литературный портрет дополняют письма Ивана Ерошина красноярскому библиофилу И. М. Кузнецову и дружеские шаржи художника Стася Прушинского.

Иван Ерошин. 1910-е гг.

* * *

*Кондратию Урманову,
перевод с эвенкийского*

В этот день, ликующий и синий,
От тревог и шума удалюсь,
Возвращусь к поруганным святыням
И земле и солнцу помолюсь.
И спрошу: земля моя родная,
Дай ты сердцу каплю красоты,
Чтобы пел, тебя я восхваляя
И твои пахучие цветы,
Что цветут в долинах и по склонам,
На опушках, в рощах, по лугам,
Средь болот, по зыбистым затонам,
По безбрежным, маревым степям.
Мать-земля и солнце, хоть крупичу
Дайте мне своих святых даров,
Чтоб полна была моя кошница
Золотой словесною пшеницей
От земли благоуханных слов.

* * *

Марии Горбуновой

Может быть, опять иду в туманы,
Юность, юность, светлая пора!
Я сегодня радостный и пьяный,
Не усну за песней до утра.
Сердце верит. Может быть, ошибка
В этой новой встрече для меня.
Как не петь, когда в душе улыбки,
Не лучиться, солнечность приняв?
Окроплю медовой влагой строки,
Как цветы росой по утрам.
Образ твой, и близкий и далекий,
Уплывает к вечным берегам.
Пусть обман, благословенна встреча —
С нею жизнь. Благословенна ты!
За окном поет мне мальчик-вечер:
Помолись во храме красоты.

«КТО ПОЙМЕТ ЭТОТ КРИК В ПРОСТОРЕ...»

Дочь Ивана Малютина литературовед А. И. Малютина утверждала, что это стихотворение очень любили в Сибири. Впервые опубликовано: Сибирские огни. — Новониколаевск: Сиб. обл. отд-ние гос. изд-ва. — 1922. — № 2. — 194 с.

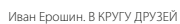
Кто поймет этот крик в просторе,
Где звериную прячу тоску?
Песнь со словом «убийцы и воры», —
Гнев и муки кому изреку?
И услышат ли крик исступленный:
Невозможное, нет, не могу!
Те сердца, ядом змей напоенные,
На зловещем, другом берегу.
Эх, вы, песни, бродячие лоси,
Породила вас темень-тайга.
Не поете веселых покосов,
А сибирские суров-снега.
Убаюкайте, лапы кедровые,
Схорони их, медведица-ель.
Плещут по ветру космы багровые,
И свинцовая свищет метель.
О Сибирь, сторонushка кандалная!
То не твой ли сын
Запевает снова песнь опальную
Средь твоих равнин?
По дорогам спутники-могилы
И ночные без имен холмы.
Кто в них спит, когда они почили?
Как прочесть на черных камнях тьмы?

* * *

Синь-туман в снегах упругих,
От полозьев свист и хруст.
Катит заяц от испуга,
Придорожный бросив куст.

Сзади вьется свиток пышный,
Чаши пенные вина —
Ничего кругом не слышно,
Звоном даль занесена.
Эх, вы, кони, вихорь-кони,

«К лучшим друзьям отца принадлежал Иван Ерошин, участник доктятбрьской большевистской печати, стихами которого, впитавшими прелесть алтайского фольклора, восхищался Ромен Роллан. На титульном листе его новониколаевского сборника «Переклик» (1922) значилось: «Ивану Малютину с любовью посвящаю эту книгу». У нас наиболее популярным было его стихотворение «Кто поймет этот крик в просторе...». В моем детском альбоме Ерошиным записаны стихи «Синь-туман в снегах упругих». // Цит. по книге А. Малютина. Повесть об отце.— Челябинск: Южно-Уральское книжн. изд-во, 1974.

Колокольцы под дугой,
Утопите сердце в звоне
В этой шири голубой!

Рвите грудью ветер в клочья,
Пой, серебряный песок.
Знать, с тоской, как вечер с ночью,
Подружился паренек.

В ГЛУШИ

Друзья, друзья, и ваш не верен круг.
Теперь мне дорог скит самоизгнания,
Событий мира мой не ловит слух,
Для сердца меньше мук и содроганья.
К безглазой критике я безнадежно глух,
Со мной мой труд, а в золотой досуг
Я часто ухожу на луг беспечной лени
Внимать напевам смутных вдохновений.
Тенистый сон — мой кроткий тихий друг,
Шатер спокойствия раскрыл у изголовья.
Когда он бархатом задернет окна глаз,
С какой отрадою, блаженством и любовью
Я пью тогда мгновенной жизни час.
Моя постель — как пестрый луг с цветами,
Моя постель — тень кедра в летний зной,
Гроздь виноградная с забвения волнами,
С туманом темным в чаше пировой.
Проснусь и весел я и телом и душою!
Струей серебряной лицо и руки мою
И полотенцем белоснежным тру.
Луч радости сияет надо мною,
Как ясная роса на травах поутру.
Надев тулуп, скорей, скорее в горы,
И предо мной в величьи солнца даль,
Долин и гор сребристые уборы,
Иртыш в броне — бугорчатый хрусталь.
Мне там легко!.. В раздумие влюбленный,

Смотрю закат иль пышную зарю.
За радость жить коленопреклоненно
Кого-то и любя благодарю.
Люблю, люблю мое уединенье,
Люблю седую, острую скалу,
Молчанье гор и взлеты вдохновенья,
Поэзии таинственную мглу
И строй стихов свободно-величавый,
Как моря шумного размерные валы,
Созвучий сладостных весеннюю дубраву
И образы — крылатые орлы.
Спокоен я, я не гонюсь за славой.
Что слава мне? Как перстень на руке
Забытой девушки иль эхо вдалеке.
Она всегда красавицей лукавой
Приходит к нам, ласкаясь, нежно льнет.
Вдруг нет ее — другого обоймет.
Одно молю! Чтоб трепет вдохновенья
Играл в груди лазурно-знойным днем.
Я с ним готов услышать мрак забвенья,
Почить в изгнании непробудным сном.
В любви с трудом я жду весны веселой,
Земли младенчества и гула горных вод,
Всего живущего любовный хоровод,
В теснинах черных выюгу водопада,
Подвесных кружев тихих флейт каскада,
С заботой о земле задумчивые села,
И буйною водой наполненные доли,
И по ночам крикливый перелет.

1926

Стась Прушинский.

Поэты И. Ерошин и А. Серостанов. Дружеский шарж. 1939 г.

Зазубрин Владимир Яковлевич (1895—1937), прозаик, автор первого романа-хроники о Гражданской войне «Два мира» (1921). С 1923 года был членом редакции, а затем редактором первого сибирского журнала «Сибирские огни». Кроме того, Владимир Яковлевич был организатором и руководителем Сибирского союза писателей.

Статья «Литературная пушнина» посвящена пятилетию журнала «Сибирские огни» // Сибирские огни. — 1927. — № 1.

ВЛАДИМИР ЗАЗУБРИН ИЗ СТАТЬИ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУШНИНА»

Только один человек во всем Сибирском союзе писателей освободил себя от забот о завтрашнем дне.

В редакцию он обычно вбегает, стучает об стол шапкой, валится на стул и кричит вам, не обращая внимания на то, заняты вы или нет.

— Ну, слушай, и книгу я нашел! Вот язык!

Резко щелкает пальцами и подпрыгивает.

— Слово звенит!

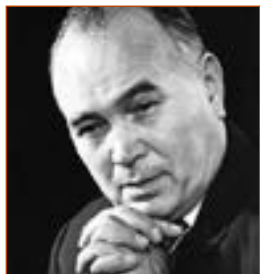
Хватает со стола шапку и снова бьет ее об стол. Ваши бумаги испариваются, как стая вспугнутых голубей.

— Слушай, ты обязательно прочитай!

Можно заранее поручиться, что автором книги окажется или перс, или индус, или китаец. Этот человек влюблен в слово, как пахарь в зерно. Он ласковой рукой собирает зерна-слова для того, чтобы щедро и густо бросить в глубокие и по-земляному теплые бороздки своих стихов.

Летом живет на Алтае. Проживает семь рублей в месяц. Каждую осень бывает в Москве. Зимует в маленьких сибирских городишках около газет. Все имущество его — несколько книг и смена белья. Но он богаче всех нас, единственный в Сибири свободный зодчий.

Столичные журналы печатают его регулярно. Сибирь он любит больше России, хотя сам из «рассейских», земляк Сергея Есенина. Он курносоват, голубоглаз, ростом не велик, но большелоб. Фамилия его — Ерошин.

Коптелов Афанасий Лазаревич (1903—1990), русский писатель. Основная тема творчества — история и культура Алтая, перемены в жизни местных кочевников при советской власти (романы «Великое кочевье», 1935, «Сад», 1955). Известен как составитель и редактор многих книг и тематических сборников сибирских писателей, изданий алтайского героического эпоса, а также как исследователь литературы народов Сибири.

АФАНАСИЙ КОПТЕЛОВ ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ «ДНИ И ГОДЫ»

Приехал Иван Ерошин. Не помню, на поезде или на пароходе. Пожалуй, на пароходе. И четвертым классом, так как он привык экономить буквально каждую копейку. Сразу же зашел к нам в редакцию. В стареньком пиджачке, в стареньких сапогах, вроде кирзовых, появившихся позднее, и в серой кепочке. Через плечо у него был перекинут полупустой мешок, такой грубый, в каких возят зерно или картошку.

— Ваня! — обрадовался я. — Сдержал слово — приехал. К нам в город или дальше?

Он, талантливый лирик, земляк и почти одноклассник Сергея Есенина, встав в позу и восторженно прищелкнув пальцами, ответил мне строфой своего стихотворения, которое я знал еще по первому номеру «Сибирских огней»:

Лицо туманами умою,
Землей и травами утрусь.
Пойду проселочной тропой
Читать зарю и слушать Русь.

— Хотя сейчас иду в голубой Алтай, — добавил он. — Буду слушать горные речки и алтайские песни! — И снова прищелкнул пальцами. Он был как бы пьян от радости, что одной ногой уже ступил на алтайскую землю. Положив мне руку на плечо, сообщил уже тихим голосом: — Привет тебе от Вивиана. Он стоваривал меня лететь на «юнкерсе». На «Сибревкоме».

— Я летал! До Барнаула! Даже до Новосибирска! — поделился я своей радостью. — Хорошо! Зря ты отказался.

— Не для меня. Не для меня. — Ваня замахал рукой. — Я своими ногами. Я и в Москву — пешком. А до Петербурга далеко. На чугунке доехал. Зайцем. На билет денег не было.

Ему вспомнился 1913 год, когда он, девятнадцатилетний деревенский паренек, напечатал в «Правде» два стихотворения «Поэту» и «Рабочий». Большевикстскую газету считал своей. Продавал ее в трактирах. Носил к Путиловскому заводу. Чтобы избежать полицейского глаза, поверх газеты клал в корзину снадобья от клопов и тараканов.

В Сибирь Ерошин пришел с политотделом Пятой армии, разгромившей колчаковцев. В Омске поэта пригрел Емельян Ярославский, редактор газеты «Советская Сибирь». Одновременно с редакцией Ерошин перебрался в Новониколаевск, ставший столицей Сибири. Там он напечатал стихотворение:

Тебе одной любовь моя —
Твоим полям, притихшим хатам!
Твой новый лик увидел я
Над этим вихорем крылатым.
Для сердца чуткого милей
Проселков грязные дороги,
Чем бритые ряды аллей,
Дома архитектуры строгой.
Есть вечность у простой избы
С ее приветливою печью.
Там знаки тайные судьбы
Сплелись с живой мужицкой речью.

Такя впервые узнал поэта Ивана Ерошина. А встретились мы спустя два года, когда я уже работал в редакции краевой газеты «Сельская правда» и частенько захаживал в редакцию «Сибирских огней». В перенаселенном городе Иван жил очень трудно: ютился где-то под лестницей. Проживал десять копеек в день: пятак он платил за сайку и на второй пятак покупал бутылку молока. Ему издали первую книжку «Переклик», но дешевеющие с каждым днем миллионы, в просторечье — «лимоны», полученные в качестве авторского гонорара, разлетелись, как снежинки в бурю. Тогда Михаил Михайлович Басов, директор Сибкрайиздата и один из создателей журнала «Сибирские огни», решил, было, пристроить Ерошина продавцом в книжный магазин на Красном проспекте, но через полмесяца поэт не выдержал стояния за прилавком: вольную птицу ничто не должно отвлекать, она должна только петь.

Владимир Зазубрин на писательском съезде говорил о нем: «Ерошин, талантливый лирик, зачарованный Алтаем, поет свои простые, солнечные песни». Вивиан Итин писал: «Стих у него как яблоко Алма-Аты». Но он же отмечал, что Ерошин, у которого огнем в душе горели «Октябрьские пожары», уже в книге «Переклик» ощутил к городу большую и неблагодарную ненависть. А в «Сибирской советской энциклопедии» даже напишут: «В последнее время в своих стихах

Е. отошел от сов. действительности». Находились критики, бросавшие Ерошину, поэту сложному, иногда ошибавшемуся, более резкие упреки.

И вот Ваня, как по-дружески звали его сверстники, у нас в Бийске. Он буквально с порога стал восхищенно цитировать то японские танки, то четверостишия Омара Хайяма. При этом прищелкивал пальцами и восклицал:

— Вот шедевр! Чистая музыка!

Чувствовалось — он накануне какого-то поворота в своем творчестве.

Я спросил, где его вещи, и он тряхнул полупустым мешком:

— А вот! Все при мне! — И рассмеялся с горчинкой. — Больше и не надо. Вещи мучают человека. В дороге главное — мешок. Меня критики (он выговорил с хрустом — критики) шпыняют: «Кулацкий поэт». А кулаку без мешка никак нельзя.

Из соседней комнаты вкусно запахло горячими сосисками, и мы наперебой стали приглашать гостя к столу.

После обеда мы вдвоем с ним вышли в садик возле редакции, и там знакомый фотограф-любитель сделал снимок.

На гостиницу у Ивана не было денег. Ночевал он у нас, как бывало в других редакциях того времени, на большом столе, положив под голову старые газетные подшивки. На завтрак ему сторожиха Анна Ивановна сварила молодой картошки в мундирах. Он восхищался:

— Картошка с солью — ой, хорошо!

Полдня ходил по базару, по магазинам. Как художник слова, присматривался к алтайцам, приезжавшим за покупками на верховых лошадях. Восторгался их лисьими шапками с шелковыми кисточками. Накупил полные карманы кедровых орешек и, оделяя всю редакцию полными горстями, говорил, что вкуснее и полезнее ничего не знает. Объяснил:

— Медведь не дурак — на орехах жир нагуливает на всю зимушку-зиму. И мороз ему нипочем.

Гостю захотелось побывать у художника, любящего горный Алтай, и мы вдвоем отправились в Заречье к Дмитрию Ивановичу Кузнецову.

Я впервые увидел его дом. Бревенчатые стены под лучами вечернего солнца казались отлитыми из воска. Большими окнами дом смотрел на лесную даль в легкой голубой

дымке. На штакетинах висели опрокинутые кувшины из-под молока. Перед крылечком, отыскивая зернышки, сустились пестренькие куры-плимутроки. Горланил белый петух с крутыми, как дуга, перьями роскошного хвоста.

— Как в деревне! — ответил Иван. — Люблю таких певунов-красавцев!

По лесенке поднялись к двери, обитой — уже, видать, на зиму — поверх войлока клесенкой. Во всем чувствовалась рука домовитой хозяйки.

Вошли в дом, чуть не уткнувшись лбами в бок русской печи. Из-за ее чела вышла Зинаида Ивановна, жена художника, приветливо улыбнулась. Я представил Ивана. Она подала ему руку:

— Читала ваши стихи. Правда, мало. Когда удавалось отыскивать. — Придержала мою руку в своей, горячей: — Вы, понятно, к мужу. Извините — у нас не прибрано, — легким

И. Е. Ерошин. Красноярск, 1946 г.

кивком головы указала вправо. — Проходите. Он, конечно, оторвется от работы.

Мимо печи мы прошли в просторную мастерскую. Пахло красками и скипидаром. На полу валялись смятые остатки тюбиков. На мольберте, обращенном к окнам, стояло большое полотно в простом подрамнике. Из-за него вышагнул хозяин в полотняной блузе с пятнами засохшей краски. Отложив палитру и кисть, начал обтирать руки:

— Проходите. Вон там табуретки.

Иван поспешил за мольберт:

— Я так и думал — увижу горы! Это великолепно! — Вскинул руку, как бы для приветствия. — Самое радостное для меня!

— Так, наброски, — отозвался художник. — Еще никому не показываю. Надо еще писать да писать.

— Нет, нет, — возразил Иван, — тут я все воспринимаю глазами и душой. Вон цветочки, как настоящие! И мох на камнях настоящий! Живой малахит!

Цветы, действительно, были прописаны мастерски. Внизу набросана узкая долина. А на высокой скале бородастый мужичок в домотканом шабуре, у пояски ножик в деревянных ножнах, обтянутых кожей.

— А чего он тут торчит? — не унимался Иван.

— Объясню. Все объясню, — пообещал художник. — Хотя искусство не нуждается в объяснениях.

Зинаида Ивановна принесла тазик, полила ему растворитель на руки, подала полотенце.

— Теперь можно и поздороваться, — сказал художник, отвлекая Ивана от полотна. — Вы из Новосибирска? Ерошин?

— Да. Иван Евдокимович. Поэт.

— Очень приятно. Художников там я близко знаю, а поэтов... Нет, не доводилось...

— Многие предпочитают нас не читать, а слушать. Особенно в авторском исполнении. И я прочту.

— Вы заинтересовались фигурой на скале. — Художник указал глазами на мольберт. — Там партизанский наблюдатель.

— Цветочки хороши, а мужик без дела.

— Вы правы: не прописан еще. Когда внизу пойдут каратели, на них сверху повалятся камни. А цветы — я их чувствую. С самим Гуркиным, с Григорием Ивановичем, великим мастером, вокруг Белухи проехал.

— Расскажите, расскажите. Про алтайцев мне интересно. Про людей.

Зинаида Ивановна внесла кипящий самовар, поставила на узенький столик, придвинутый к тыльной стороне печи, принесла блюдо с шанежками, расставила чайную посуду. Хозяин придвинул к столику три табуретки, пригласил гостей. А сама хозяйка разлила чай и, извинившись за скромный стол, вышла с опущенной головой, словно горничная.

За столиком художник, влюбленный в природу, рассказывал о кедрах-великанах, о Катунь, рожденной ледником. А Иван, не утерпев, спросил:

— А алтайцы как живут? Все еще в юртах? У огня? А зимой в морозы?

— В большие-то морозы я у них не бывал. Зимние этюды удобнее писать, глядя из окна.

Иван встал, потер ладонями рано облысевший лоб, как бы пробуждая в уме стихи, и начал читать строки своих миниатюр. Зинаида Ивановна время от времени тихо появлялась в проходе, ловя каждое слово, в глазах ее вспыхивали голубые огоньки и тут же, как бы опасаясь, что у нее вырвется восторженное слово, исчезала за углом печи.

При следующей встрече она с холодком спросила:

— Не достали мне книгу Ерошина? А я надеялась. Хочется самой прочесть. Мне, знаете, тогда хотелось попросить его записать на память, но...

— Он бы написал.

— Да как-то получилось неладно... И такой скромный стол... Если б я знала...

А Иван больше уже не мог оставаться в городе, — его звала дорога в горные края. На прощанье прочел нам в редакции несколько стихотворений и, перекинув через плечо мешок с бутылкой молока и несколькими сайками, отправился знакомиться не столько с горами, сколько с людьми, о которых непременно сложит стихи.

Он шел, как я узнал от него на обратном пути, от деревни до деревни, от юрты к юрте, от одной пастушьей стоянки до другой. Ему помогали встреченные в пути знатоки алтайского языка, служили страннику толмачами.

Вероятно, во время этого похода у него в душе, а потом и на бумаге сложились многие из чудесных алтайских поэтических миниатюр, сверкающих, как жемчужины, и пробуждающих раздумье.

Вот миниатюра «Череп»:
Еду с песней по долине,
Белый череп скалит зубы.
В черепе пророс цветок,
В черную прошел глазницу,
Алым пламенем поднялся
На зеленом тонком стебле.
Вот восьмистишие «Новая рубашка»:
Износилась, посмотрю, рубашка,
Старую рубашку надо бросить,
Новую купить рубашку надо.
Славно новую надеть рубашку!
Старая юрта покосилась,
Юрту новую строить надо...
Жизнь отцов совсем изломалась —
Жизнь хорошую будем строить!

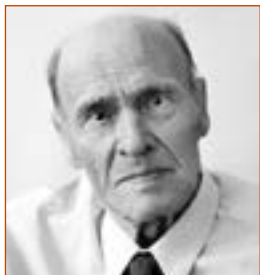
Параллелизм последних строк характерен для алтайского песенного фольклора. Таких примеров немало в его посмертной книге «Горное озеро» (Новосибирск, 1966). Там многие жемчужины помечены годом знакомства поэта с жизнью алтайцев и с алтайской народной поэзией. Есть у него и переводы с алтайского.

Зачарованный изумительным горным краем, поэт свою новую книгу «Песни Алтая» (Новосибирск, 1935) отправил во Францию Ромену Роллану. Мария Павловна Роллан перевела стихи сибиряка своему мужу, классику французской литературы. Великий писатель все их счел за песни, сложенные алтайским народом, и назвал «прекрасными образцами поэзии». В Сибирь пришло от него благодарственное письмо: «Мы поражены свежестью и силой, — писал Ромен Роллан, — не только образов этих песен, но и чувств, в них выраженных».

А «Сибирская советская энциклопедия», мимоходом охавшая поэта, выручила его в трудную минуту. Помню, он жил уже в Новосибирске, в светлой комнате каменного дома на улице Челюскинцев. Тогда впервые всем выдавали паспорта. А у Ивана Евдокимовича не оказалось никаких бумаг, подтверждавших время и место рождения. Как быть?

Поэт принес том энциклопедии. Но надо же документ подшить к делу. Находчивые люди посоветовали сходить к нотариусу, который может засвидетельствовать выписку из энциклопедии. Так Иван Ерошин получил паспорт.

Шадрин Афанасий Артемьевич (1918—2012), краевед, журналист. Ветеран ВОВ, заслуженный работник культуры РСФСР (1975), член Союза журналистов СССР. С 1937 года работал в Абакане в редакции «Советской Хакасии». Затем — в Красноярске корреспондентом краевого радио (до мая 1938 года), городским репортером «Красноярского рабочего» (до августа 1939 года). Был свидетелем и участником литературной жизни Красноярска довоенного и послевоенного периодов.

АФАНАСИЙ ШАДРИН ВОСПОМИНАНИЯ О «КРАСНОЯРСКОМ ПЕРИОДЕ» ИВАНА ЕРОШИНА

В августе 1938 года по поручению редакции «Красноярского рабочего», где я тогда работал, мне пришлось побывать в селе Иудине, где жил Иван Ерошин. Интерес красноярских литераторов к этому, казавшемуся загадочным человеку и поэту был велик...

Ходили слухи, что он живет трудом крестьянина и одновременно создает «Песни Алтая» в форме литературного переложения песен ойротов и шорцев. Он не заводил связей с красноярскими газетами и книжным издательством, жил замкнуто, и кое-кто даже утверждал, что поэт ударился в толстовщину или «бондаревщину». Ведь проживал он в том же селе, где творил свои знаменитые труды крестьянский философ Тимофей Бондарев. Мне не трудно было найти в Иудине Ивана Бондарева — его знали все.

Ерошин небольшого роста. Говорит, жестикулируя, загребая руками к себе, и шевелит пальцами. Морщины на лице, все складки его тоже играют при каждом слове.

Работал Иван Евдокимович в своем доме на каком-то странном сооружении, напоминающем низкий широкий стол. «Много лет пришлось мне работать в чумах да юртах — и вот появилась привычка писать в такой обстановке. Обычный стол не налаживает на нужный лад», — пояснял он.

Следующей зимой Иван Евдокимович переехал в Красноярск, стал редактором книжного издательства и руководителем литературного объединения.

В литературные «пятницы», которые проходили в редакции краевого радио, Иван Ерошин внес новую струю — вкус к филигранности слова, поэтического образа.

Правда, с некоторыми его позициями молодежь не могла согласиться. Даже возникла «война против Ерошина», когда он утверждал, например, такое: «Гомер выше Маяковского». Влюбленные в боевую громкую поэзию Маяковского, мы считали подобное заявление кощунственным. Иван Ерошин никогда не искал для себя удобств и удобного места.

*Дружеские шаржи художника Стася Прушинского
на красноярских писателей. Заседание литобъединения.
Стоят С. Сартаков, И. Ерошин, А. Шадрин. Сидят А. Серостанов, М. Красноженова. 1939 г.*

Кузнецов Иван Маркелович (1905—1988) — библиофил, коллекционер, владелец уникальной личной библиотеки, получившей звание народной, глава городского клуба «Библиофил». Был дружен со многими писателями и художниками Сибири. Квартира Кузнецовых, в которой царили книги, была клубом интересных встреч, где писатели, ученые, художники, актеры обсуждали книжные новинки, спорили о литературе, искусстве.

Трофимов — сотрудник Красноярского книжного издательства, составитель книги «Енисей в стихах и легендах», изданной в Красноярске в 1940 году.

Лисовский Казимир Леонидович (1919—1980), сибирский поэт. С Красноярским краем связан центральный в творчестве Казимира Лисовского цикл «Город моей юности», стихи о Шушенском и Севере, над которыми он работал долгие годы. Стихи Лисовского стали поэтической летописью края.

Анна Дмитриевна — первая жена Ивана Маркеловича Кузнецова.

ПИСЬМА И. ЕРОШИНА К И. КУЗНЕЦОВУ

Сохранившиеся в архиве известного красноярского книголюбца И. М. Кузнецова письма Ивана Ерошина, относящиеся к 1938—1941 годам, на которых значится обратный адрес: Иудино Аскизского района Хакасской области, проливают свет на некоторые факты творческой жизни поэта.

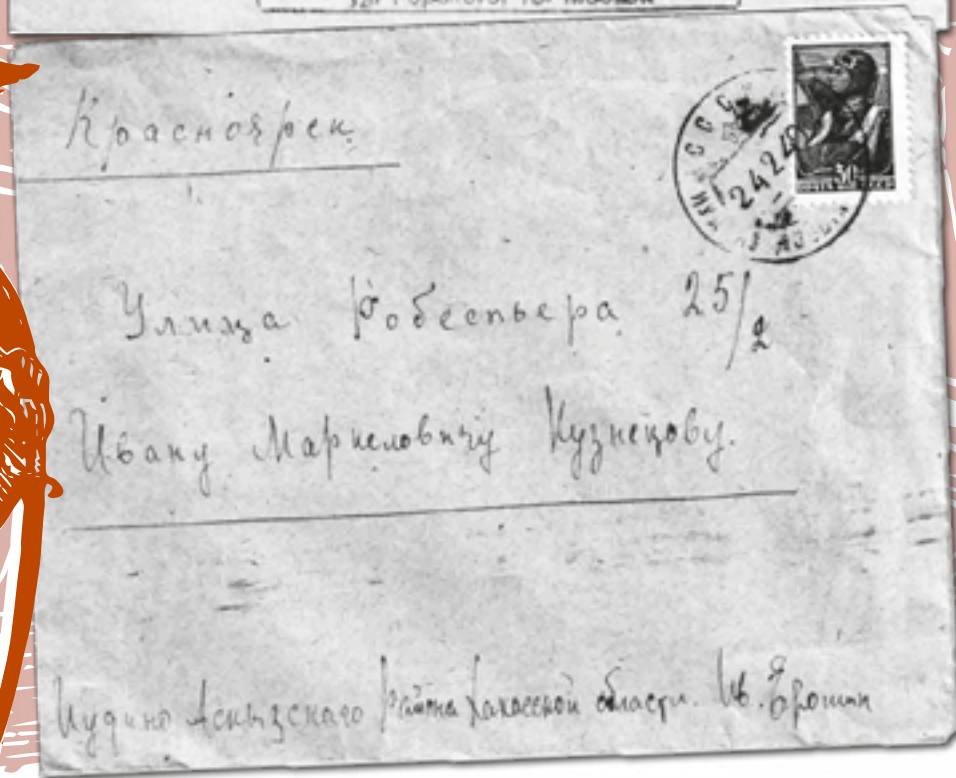
1939 г.

...Читал нынешнюю зиму не много, в данный момент читаю, но медленно «Анти-Дюринг» Энгельса. Книга исключительная, хотя с этим автором я знаком давно. Просто стыд, что не читал до сих пор этой книги.

Кто же бывает у тебя, Иван Маркелович? *Трофимов*, кажется, не ходит, да он и не интересен. *Лисовский* — собеседник славный, а славный потому, что он нравственно чистый и стремящийся еще к более лучшему. Эта сторона его душевного мира всегда меня подкупает и трогает. Привет ему от меня и лучшие пожелания. Если не поленится, то пусть он напишет о своей книге «Когда расцветает черемуха». Написал ли он с мая прошлого года до настоящего времени что-либо для этой книги? Мне хочется знать новые его стихи, хочется видеть его рост, а он, безусловно, есть. Это заметно, потому что он стал относиться к себе строже, и злободневные стихи для газеты меньше его влекут, как это было раньше. Поясной поклон *Анне Дмитриевне*. Передай ей, что, наверное, будущей осенью pošлю ей подарок, а какой, пока умолчу. Мечтаю быть или в Самарканде, или в Алма-Ате.

Вот и все мои пока новости. Когда будет у тебя Лисовский и будет перебирать, любопытствуя, книги, а ты перебирать что-либо на письменном столе, вспомните, что я нахожусь с вами.

И. Ерошин

«Сасунци Давид» («Давид Сасунский»), армянский героический народный эпос. Складывался в VII—X вв. в период народно-освободительной борьбы против жестокого владычества арабского халифата.

Ерошин имеет в виду книгу Алексеева В. М. «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту». Пер. и исследование, П., 1916. Сыкун Ту, китайский поэт. Жил в эпоху упадка династии Тан. Поэзия С. Т. утонченна и созерцательна.

«Дафнис и Хлоя» — один из пяти романов античной Греции, дошедших до нас целиком. Перевод и вступительная статья Д. С. Мережковского. Издание М. М. Ледерле. 1896 год, Санкт-Петербург, в типографии П. П. Сойкина.

«Восточный сборник» — печатан с Высочайшего соизволения по распоряжению азиатского департамента министерства иностранных дел. Мысль об издании его принадлежит бывшему директору П. Н. Стремоухову. Вышел только т. I, в 1877 году. Содержание: «Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам» архимандрита Палладия; «Старинное китайское сказание о Чингисхане», перевод с китайского, его же; «Записки китайца об Аннаме», перевод с китайского иеромонаха Евлампия; «Очерк внешней торговли Азербайджана за 1870—71 гг.» Ф. А. Бакулина; «Очерк русской торговли в Мазандеране и Астерабаде в 1871 г.» его же; «Черногория и черногорцы» К. Петковича.

31 января 1940 г.

Стыдно, Иван Маркелович, так долго не отвечать.

Письма на московский адрес не получал. Книг в Москве мог бы достать весьма замечательных, мог бы достать Есенина и всего Гумилева. Мне лично эти авторы не нужны, да, кроме всего, скупо было с деньгами. Кое-что я для себя достал, а именно: *«Давид Сасунский»* в роскошном издании — «Арменгиз», Сыкун Ту — *«Поэма о поэте»*, *«Дафнис и Хлоя» Мережковского, отдельное издание*, и *«Восточный сборник»*, переводы только из древних классиков, что меня очень порадовало. В настоящее время занят поэмой «Хаттых Темир». Она стала много лучше в сюжете, в глубине замысла, в отделке, но она не окончена. Мне хочется, чтоб она походила на голубую каплю росы на снежном лице цветка. Но как трудна эта работа, она напоминает мне работу китайских мастеров над вазами, над которыми они работали по сто, сто пятьдесят лет из поколения в поколение, то есть над одной только вазой каждый в отдельности художник. Смысл фразы затемнен. Поясню. Каждая ваза работалась сто, сто пятьдесят лет.

Пишу на открытке из-за отсутствия конвертов.

Привет супруге, сыну. Благодарю супругу за прекрасные огурцы. Тебя за светлую влагу, за книги.

Кланяйтесь Лисовскому.

И. Ерошин
Село Иудино
Аскызского района
Хакасской области

22 января 1940 г.

Спасибо за письмо, Иван Маркелович!

Отвечаю на него незамедлительно. Новостей у меня почти нет. Живу весьма скромно и тихо. Работа продвигается медленно, может быть, потому, что долго работаю над поэмой. Порой ощущаю к ней какое-то равнодушие. На время, видно, придется отложить и уделить внимание здоровью.

Условия моего труда весьма не завидные: мешают ребяташки, прибавь домашние мелочи и безденежье. Отдельной комнаты не имею, а работать нужно так много и усидчиво. Впрочем, я немного не прав. Новости кое-какие есть.

В области что-то говорили о моих работах, что-то становлялись. Приезжал ко мне секретарь обкома, говорил в таких случаях парадные слова, как будто интересовался — и что же?

Прошло с тех пор почти три месяца, а воз и ныне там. Дал несколько рукописей, свои книги и часть книг других, для меня ценных, и ни ответа, ни привета. Сумею ли это все выручить — не знаю. На днях думаю поехать в область, что-то там скажут? Красноярское издательство похоже не на живую, а на дохлую черепаху. Ни платить за принятый для альманаха материал, ни печатать не думает. Из «Золота» было принято два действия, на днях получил письмо, что идет одно. Отношение крайне хамское, а судиться для меня нет ничего тяжелее. И даже если это дело начать, — то такая умопомрачительная открытая волокита, что добровольно откажешься ото всего, что я и сделал: печататься в альманахе я отказался. Работать с такими людьми нет никакой возможности. Принятых на себя обязательств они не исполняют даже сотой доли, а о нравственных обязательствах или какой-то совести и заикнуться невозможно.

Труд писателя самый тяжелый и самый незащищенный. Больше работаешь на авось. Хватит пока об этом.

Из Новосибирска получил от Союза пригласительное письмо, чтоб устроить там мой вечер; спрашивают, в чем я нуждаюсь, предлагают поехать на курорт. Будет, конечно, разговор и об условиях моей работы. Думаю, что Союз пойдет навстречу.

Ты спрашиваешь о сюжете поэмы. Рассказать его дело нелегкое. Он сложен, как-нибудь в другой раз.

Трофимов делал попытку выудить у меня две тетради «Хаттых Темир», предлагая мне под благовидным предлогом третью тетрадь, ниже пишет, что, может быть, я вышлю ему две первые тетради, а он мне за это пошлет новые книги по греческой литературе и библиографию по моим книгам. Я попросил тетрадь, что она край нужна мне для работы и для сохранения как целого, не на листках, экземпляра. Не послал ведь, книжный червяк.

За конверт благодарю, за марку нет.

И. Ерошин

18 июня 1940 г.

Привет Ивану Маркеловичу, Анне Дмитриевне и сыну!

Делюсь маленькими новостями.

Работаю в редакции «Советская Хакасия», оклад 500 рублей, довольно-таки скромный, комнаты пока не имею. Боюсь, объежусь обещаниями. Ездил на вскрытие могилы Т. М. Бондарева. Рукописей не оказалось. Вскрытие было на второй или третий год его смерти. Могла ли пройти царская полиция мимо такой фигуры? Конечно, нет. На глубине 50 см оказались осколки разбитой плиты.

Получайте другие новости. Дожди в нашей местности славные, хлеб хороший, а это значит, будет человек сыт. Относительно заготовок с женой переговорить не успел, но она скоро будет в Абакане, расспрошу, сообщу. Главное, готовьте денег, тряпок. Подробности закрытым. Искренне жму ваши руки.

Ив. Ерошин

Сергей Венедиктович Сартаков (1908—2005) — российский советский писатель. С 1946 года был председателем Красноярского отделения Союза писателей. Секретарь правления СП СССР (1967—1986). Был инициатором Всесоюзного литературного праздника «Енисейские встречи», на который в Красноярск приезжали писатели и поэты со всего СССР. В течение всей жизни оказывал поддержку писателям-сибирякам.

СЕРГЕЙ САРТАКОВ

«...А ЧТО ПРОЙДЕТ, ТО БУДЕТ МИЛО»

Сейчас забавными представляются те бури в стакане воды, а тогда это была литературная жизнь, незримо, таинственно производившая естественный отбор. И я не грущу о времени, потерянном в словесных битвах на собраниях нашей литгруппы, литкружка, литобъединения, как в зависимости от численности и среднего творческого уровня именовали нас поочередно бравшие под свое организационное крыло то редакция газеты, то библиотека, то краевое издательство. Чему-то в этих словесных битвах и в стрельбе (пожалуй, чаще всего холостыми патронами) я все же научился. (Хотя, быть может, и даже без сомнения, всему этому я научился бы и в тиши одиночества.) Писатель, созданный по стандарту, по какой-то единой учебной программе, потом и сам станет создавать тоже только стандартные произведения. А в литкружках системной учебы нет, но крику, галдежу, логической и эстетической ереси предостаточно, так же как неожиданно вдруг звучащих спокойных, мудрых

размышлений, все ставящих на свои места. Чем это худо? Такая атмосфера. Чтобы расщепить атомное ядро, в мишень направляются пучки из необъятного числа электронов, разогнанных до околосветовых скоростей. Как угадать, которому именно из этого множества электронов удалось сшить полезную работу?

Припоминаю задиристого Ивана Евдокимовича Ерошина. Лысого. Тощенького. Сотрудничавшего в молодости в «Правде». Признанного поэта.

Еду полем,
Вижу череп.
Сквозь глазницу
Пророс аленький цветочек
На высоком тонком стебле.

Эту миниатюру Ерошина высоко оценил Ромен Роллан. Иван Евдокимович его похвалой не очень хвастался, но, при случае, напоминал охотно: мотайте, мол, на ус.

Он рукописи наши не то чтобы читал, а просто въедался в них глазами. Казалось, прожигал насквозь. Близорукий, без очков, Ерошин буквально водил носом по бумаге. Потом вдруг торжествующе вздергивал голову и, захлебываясь от удовольствия, визгливо кричал:

«Что это? Что? — и цитировал: — «Ведь мы с тобой не виделись два года!» Какие «ведьмы»? Почему ведьмы должны были видеться с тобой каждый год? А это? Это? — и снова цитировал: — «Он слышал выстрелы, но спокойно лежал, ожидая...» Как может «нос» «покойно» лежать? На чем? И еще ожидать чего-то? Удивительный нос! — Ликование Ивана Евдокимовича возрастало: — «От пугливого воробья...» Нет, ты, автор, прочитай-ка это сам... «ва-ва-ва». Бррр! Печатается «пугливого воробья», а выговаривается — «пуглиВАВАРАбья». Надо же думать о людях, которые любят книги и вслух читать!»

Он не готовился к выступлению заранее и выискивал «блех» тут же, на ходу, листая рукопись быстро и нервно. О содержании он говорил мало, он был самозабвенным ревнителем слова. И хотя недопустимые звуковые стыки, вроде «ведьм», «носов» и тому подобное, можно сказать, самоочевидность для каждого, — филиппики Ивана Евдокимовича производили впечатление. И я посейчас точно бы слышу их, а перечитывая вслух свои рукописи, стараюсь избавиться и от «носов» и «ведьм», и от судорожного лязганья зубами «ва-ва-ва...».

Чмыхало Анатолий Иванович (1924—2013) — писатель, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РСФСР. Литературную работу начинал как поэт. В конце 1950-х гг. обратился к истории. Теме Гражданской войны посвящены романы «Половодье», «Отложенный выстрел». Исторические сюжеты создания города Красноярска и других событий XVII века на берегах Енисея легли в основу романов «Дикая кровь» и «Опальная земля». Автор воспоминаний о литературной жизни Красноярска.

АНАТОЛИЙ ЧМЫХАЛО ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ

Наши пути сошлись. Он был малоизвестным, а я вообще никаким. Была ранняя сибирская весна. Снег растаял, вода чмокала в моих трижды подшитых дырявых валенках. А он, маленький, щуплый, мирился со своей неизвестностью, ежась в грязной солдатской гимнастерке. Он держался так, словно не было сказано о нем, что это поэт, что это поэт тонкий и изысканный, равный лучшим стихотворцам Японии и Запада.

Наша встреча случилась в сорок четвертом, в канун Великой Победы. И я не знал еще, что так высоко поэт оценен самим Роменом Ролланом. Мы стояли в вестибюле красноярского Дома учителя. Я был ошеломлен происходящим. Со сцены только что прозвучали мои стихи, и жюри конкурса благосклонно смотрело на меня. Помнится, в жюри были краевые идеологи, журналисты, артисты. В нем не было Настоящего поэта Ивана Евдокимовича Ерошина. А может, это и хорошо, что случилось так, хотя по-иному и не могло случиться. После просмотра члены жюри расходились по собственным квартирам, что-то ели и пили. А он не знал, где будет ужинать и ночевать.

— Дорогой мой Чмыхало, — виновато сказал он. — Я ничем не могу угостить тебя, но я прочитаю тебе стихи.

Господи, меня никто не угощал так изысканно и щедро. Я уже знал Есенина и Блока, Бунина и Фофанова. Казалось, удивить меня было трудно.

Но когда мы вышли с Ерошиным к Енисею, поэт скрестил руки на груди, прикрывая себя от лютého ветра, и стал читать незнаемое, разящее наповал:

Я, Василий, выпил браги чашку,
Я надел из пламени рубашку.
Где мой конь, моя витая плетка?
Еду в гости — угостят ли водкой?

И как же велика сила подлинного искусства! Не знаю, что со мною случилось, но гимнастерка на нем вдруг ослепительно вспыхнула, рыжие усики задергались от волнения, и весь он стал распахнутый во всю ширь не то отец, не то брат родной!

Ой, спасибо тебе, Иван Евдокимович! У тебя нет ни копейки, но у меня есть деньги на билет до Ачинска. Я не пробовал ездить зайцем, но попробую на сей раз! А ссадят с поезда, хрен с ними — пешком дойду. Сейчас же пойдем с тобой в чайную!

Мы подружились. И много было у нас незабываемых встреч, но ярче других мне запомнилась одна, последняя. Два года спустя актером театра в Алма-Ате я прихожу в тамошний Союз писателей. Спрашиваю у секретарши:

— Можно к Дмитрию Снегину?

Снегин — поэтический бог. К нему не так-то просто войти. И секретарша подтверждает это:

— Он занят, и очень. Но вам можно зайти. А вот этому гражданину никак нельзя.

Я круто оборачиваюсь и вижу в дальнем углу приемной секретаря Союза писателей смятенную фигурку Ивана Ерошина. Он ждет, что я скажу по случаю нашей встречи, а я подбегаю к нему, хватаю за руку и тащу в кабинет к Снегину.

— Дмитрий Федорович! — восклицаю я. — Это прекрасный поэт России!

Снегин выдерживает паузу и парирует мой восторженный возглас.

— Не совсем, — твердо повторяет он и швыряет мне газету «Казахстанская правда». Беру, читаю.

Переводчик Джамбула, модный в те годы большевистский поэт Павел Кузнецов в пух и прах разносит ерошинское стихотворение:

Еду с песней по долине,

Вижу: череп скалит зубы...

Ерошина причисляют к лику российских космополитов вместе с «юродствующим богемщиком» Юрием Домбровским. Тому хоть не обидно: он — еврей, а Ивана Евдокимовича за что?

— Ну чего надо, товарищ Ерошин? — спрашивает Дмитрий Снегин.

— Деньжонок бы мне на дорогу до Усть-Каменогорска, — грустно просит он. — Хочу посмотреть Алтай...

— После такой статьи? Да нас не поймут люди!..

Люди со временем поняли, но только другое. Что горемычная Россия потеряла еще одного большого поэта. Поэта национального, от Бога.

С о д е р ж а н и е

Об авторе.	5
Предисловие	6
«Беловодье» Ивана Ерошина.	7
Песни Алтая	23
Прошлое	24
Каракось	38
Охота.	67
Радость	73
Мой Алтай	78
Хакасский фольклор	93
Прошлое	94
Лирические	98
Песни	103
Современные.	106
Поэмы	109
Загадки и пословицы	161
В кругу друзей.	169
От составителя.	170
«В этот день, ликующий и синий...»	171
«Может быть, опять иду в туманы...».	171
Кто поймет этот крик в просторе...	172
«Синь-туман в снегах упругих...»	172
В глуши	174
Владимир Зазубрин. Из статьи «Литературная пушнина»	177
Афанасий Коптелов. Из книги воспоминаний «Дни и годы»	178
Афанасий Шадрин. Воспоминания о «красноярском периоде» Ивана Ерошина	185
Письма И. Ерошина к И. Кузнецову.	187
Сергей Сартаков. «...А что пройдет, то будет мило».	191
Анатолий Чмыхало. Из книги воспоминаний	193

И. Е. Ерошин

Переклик

Сборник стихов

Составитель **О. П. Ермакова**

Художники: **В. Н. Свалов, В. А. Тодыков, Г. И. Чорос-Гуркин**

Корректор **Е. М. Уварова**

Верстка: **Н. Н. Логинова**

Подписано в печать 20.03.2017 г.

Формат 74х100/16. Объем 16,79 усл. п. л.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 1150 экз. Заказ № 740.

Изготовлено в ООО ИД «Класс Плюс»:

г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65, строение 23;

info@kass24.ru, idklass@mail.ru

